КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIII. **1891 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. (1754 — 1766 г.). I—III. А. А. Андріевскаго. (1—31).

II. Волынскій вопросъ 1097—1102 г. М. С. Грушевскаго. (32—55)

III. Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Е. С. (56—67).

IV. Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году. IV. Г. В. Есипова. (68—81).

V. О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ. (Окончаніе). Хр. П. Ящуржинскаго. (82 - 96).

VI. Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ Ал. М. Лазаревскаго. (97—116).

VII. Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши). V. (117—130).

VIII. Мистерія страстей Христовыхъ. Мирона. (131—154).

IX. Документы, извѣстія и замѣтки. Къ „Турбаевской катастрофѣ“. А. Е. **Полковничьи чиншевики.** А. Л. **Мамаевъ дубъ.** А. Л. **Позднѣйшая память о Б. Хмельницкомъ въ с. Суботовѣ.** А. Л. **Рукописное Евангеліе будто бы гетмана Сагайдачного.** А. Л. **Къ свѣдѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ.** (155—168).

XI. Библіографія. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственой Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ 2-й. Д. И. Багалѣя. **Акты московскаго государства, изданные Импер. академіею наукъ подъ редакціей Н. П. Попова. Томъ I.** Д. И. Багалѣя. **Памятная книжка волынской губ.** Арк. Л—нка. **По поводу рецензіи книги „Вольности запорожскихъ козаковъ“.** Д. И. Эварницкаго. **Отвѣтъ Д. И. Эварницкому.** В. Н. Ястребова. **Обозрѣніе журналовъ.** (169—180).

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича
2) Портретъ Гр. Андр. Полетики.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Морскаго Шляхетнаго Кадетского Корпуса
Главныи Инспекторъ вмѣсто себя и жены своеи
Елены Ивановои дочери Гамалѣевны по повѣренно-
сти ся Григорей Полѣтика руку и печатъ
приложилъ.

ВОЙТОВСТВО ИВАНА СЫЧЕВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.

(1754—1766 г.).

I.

По смерти войта Павла Войнича, послѣдовавшей въ октябрѣ мѣсяцѣ 1751 г.[1]), магистратъ кіевскій долго не приступалъ къ обычнымъ выборамъ новаго войта. Какія къ тому были препятствія—неизвѣстно. Надо думать, что возбужденное въ это же время гетманомъ Разумовскимъ ходатайство о томъ, чтобы кіевскій магистратъ былъ подчиненъ исключительно его власти, „такъ чтобы и тамошній губернаторъ до него не интересовался", побуждало кіевлянъ считаться, такъ сказать, со вкусами гетмана при выборѣ четырехъ кандидатовъ на должность войта, что, по всей вѣроятности, и задерживало выборы.

Только въ февралѣ 1754 года полученъ былъ въ Кіевѣ указъ госуд. коллегіи иностранныхъ дѣлъ[2]), вѣдѣнію которой

---

[1]) См. „Истор. мат. изъ архива кіев. губ. пр." вып. 8-й стр. 9.

[2]) У меня въ рукахъ былъ указъ коллегіи въ кіев. губ. канцелярію отъ 31 января 1754 года такого содержанія. „По учиненному въ кіев. магистратѣ (по посланному во оный изъ коллегіи ин. д. указу) на мѣсто умершаго кіев. войта Павла Войнича, по силѣ имѣющихся у того магистрата привиллегій, по старому обычаю, вольными голосами, и присланному изъ того магистрата къ г. малороссійскому гетману и кав. гр. К. Г. Разумовскому, а отъ него въ коллегію ин. д., выбору въ войты кіевскіе четыремъ кандидатамъ, изъ которыхъ одного, а именно находящагося въ лейбъ-компаніи Е. И. В. гранадира поручика Ивана Сычевскаго, *родимца тогожъ города Кіева*, онъ г. гетманъ и кав., за надежнѣйшаго признавая, къ высочайшей Е. И. В. конфирмаціи представилъ; Ея Имп. Вел. всемилостивѣйше соизволила ука-

подчиненъ былъ тогда кіевскій магистратъ, о состоявшемся высочайшемъ назначеніи на должность кіевскаго войта изъ лейбъ-компаніи гренадера секундъ-маіора Ивана Сычевскаго. Но этотъ „опредѣленный“, какъ онъ всегда подписывался (прежніе войты писались—„упривиліованній“), войтъ прибылъ въ Кіевъ лишь въ 1756 году, и такимъ образомъ Кіевъ больше четырехъ лѣтъ оставался безъ войта.

Почему при этомъ назначеніи остановились на Сычевскомъ и какое значеніе имѣла при самомъ выборѣ кандидатовъ рекомендація графа Разумовскаго,—мнѣ узнать не удалось. Принято было, однако, во вниманіе и то обстоятельство, что Сычевскій былъ уроженецъ г. Кіева, сынъ протопопа Стефана Сыча [1]), имѣвшій въ Кіевѣ родственныя связи съ мѣстными обывателями.

Фамилія Сычевскихъ встрѣчается въ это время въ средѣ кіевскаго духовенства. На Подолѣ въ Преображенской церкви былъ „намѣстникъ“ священникъ Яковъ Сычевскій, умершій въ

зать оного Сычевскаго войтомъ опредѣлить, о чемъ кіев. губ. канц. знать дается, а о томъ же къ г. малорос. гетману и кав. грамота для вѣдома и въ кіев. магистратъ указъ для надлежащаго исполненія изъ кол. и. д. отъ сего жъ числа посланы“.

Въ статьѣ моей „Кіевскія смуты прошлаго столѣтія“ (Кіев. Стар. 1886 г. декабрь) вкралась ошибка относительно времени назначенія Сычевскаго: назначеніе это приписано имп. Екатеринѣ В., тогда какъ оно принадлежало Елизаветѣ Петровнѣ.

[1]) См. „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.“ вып. 3-й, стр. 80. Въ описаніи хуторовъ, составленномъ въ маѣ 1782 г., значится подъ н. 83 „хуторъ кіев. мѣщ. Н. Маркевича заведенъ, по дозволенію кіевскаго магистрата, будетъ тому годовъ назадъ 70, кіевскимъ протопопомъ *Стефаномъ Сычемъ*, а по немъ владѣлъ онымъ сынъ его поручикъ и Е. И. В. лейбъ-компаніи гренадеръ Иванъ Сычевскій, и по немъ, по просьбѣ его, Сычевского, оной хуторъ проданъ съ публичного торгу въ 1746 году войту магистрата кіевского Павлу Войничу, а отъ оного“... и т. д.

Въ „Лѣтописи Самоила Величко“ т. III, стр. 548, въ протоколѣ избранія войта Д. Полоцкаго 1699 г. упоминаются, какъ участвовавшіе въ этомъ избраніи, старшій райца Мартинъ Сычъ и старшій лавникъ Стефанъ Сычевичъ (вѣроятно, сынъ перваго). Не есть ли этотъ послѣдній и протопопъ Стефанъ Сычъ—одно и то же лице? Что нѣкоторые изъ мѣстнаго духовенства, раньше своего посвященія въ іерейскій санъ, служили при магистратѣ, это видно и изъ настоящаго дѣла, въ которомъ находимъ, что бывшій въ 1766 году священникомъ Успенской соборной церкви Леванда служилъ раньше въ канцеляріи магистрата.

1763 г., и сынъ его священникъ же Мартынъ, впослѣдствіи намѣстникъ той же церкви,—люди весьма зажиточные, имѣвшіе и земельную собственность въ лубенскомъ полку [1]).

Для поздравленія Сычевскаго съ „полученною отъ Е. И. В. милостію и войтовства кіевского достоинствомъ" магистратъ, какъ только стало ему извѣстно объ этомъ назначеніи, отправилъ въ Москву двухъ райцевъ, Семена Козельскаго и Василія Жука, и лавника Ивана Равича, которымъ отпустили изъ магистрата „по небольшой части напитковъ" и вручили изъ магистратскихъ суммъ тысячу рублей „на разныя общепотребныя нужды". Въ письмѣ къ войту магистратъ просилъ его „гдѣ надлежитъ о исходатайствованіи милости и граду пользы старательство приложить". А старательства приходилось тогда затрачивать не мало въ „хожденіяхъ" по дѣламъ магистрата. И въ этотъ разъ магистратскіе депутаты повезли съ собой обширное „доношеніе" въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, ходатайствуя въ немъ: во 1-хъ, объ освобожденіи города отъ тѣхъ тягостей, какія приходилось ему нести тогда, продовольствуя квартирами, сѣномъ и дровами зимовавшую въ Кіевѣ сербскую команду; во 2-хъ, о защитѣ мѣщанъ отъ разнаго рода обидъ со стороны мѣстныхъ козаковъ и главнымъ образомъ сотника ихъ Павла Гудима; въ 3-хъ, о защитѣ мѣщанъ пограничною коммиссіей отъ разныхъ обидъ со стороны польскихъ жителей; въ 4-хъ, объ уплатѣ городу 14,055 р. 60 к. за „габу, шубы и сапоги и во время военное наемъ подводъ и лоцмановъ" и въ 5-хъ, объ отмѣнѣ „индукты и эвекты",—сборовъ съ привоза и вывоза.

---

[1]) См. „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр." вып. 8-й стр. 62—70. Кромѣ того въ одномъ дѣлѣ 1788 г. мнѣ попалось свѣдѣніе, что этотъ Мартинъ Сычевскій владѣлъ въ городѣ обширнымъ участкомъ, на которомъ съ уплатою „куницы" жило особыми дворами пять хозяевъ изъ мѣщанъ и который городская дума въ 1788 г. признала было городскою землею, такъ какъ Сычевскій не представилъ на нее никакихъ крѣпостей, а только сослался на свидѣтелей, знающихъ, что земля эта куплена отцомъ его у мѣщ. Евстафія Назаревича въ 1754 г. за 250 рублей. Въ жалобѣ своей на городскую думу, свящ. Мартинъ Сычевскій, между прочимъ, говоритъ, что суду городской думы „я нипочему и не подлежу *въ разсужденіи моего дворянства*".

Прибывъ въ Москву въ концѣ марта мѣсяца 1754 г., депутаты очень скоро издержали въ своихъ хожденіяхъ по дѣламъ магистрата привезенную ими тысячу рублей и сдѣлали на счетъ города заемъ у нѣкоего Михаила Каневскаго (пасынокъ кіевскаго бурмистра Тихоновича) въ 100 иностранныхъ червонцевъ, изъ которыхъ „презентовали" надвор. совѣтнику ин. коллегіи Михаилу Новоторжцеву 50, да протоколисту 15 червонцевъ „за производженіе дѣлъ" магистрата, остальные 35 отдали войту.

Уѣзжая въ маѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ, депутаты оставили въ распоряженіе войта канцеляриста Витневича и слугу Бегуненка и обѣщали при этомъ немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ предложить магистрату, чтобы были отъ него присланы новые депутаты, а съ ними и необходимыя для содержанія войта и для хожденій его по дѣламъ деньги.

Но Сычевскій уже 12 іюня отправилъ отъ себя и магистратскаго слугу, и канцеляриста, который ему по иностранной коллегіи помогать не могъ, а въ ожиданіи новой присылки денегъ занялъ на счетъ магистрата у архимандрита Миткевича 82 р., у купца Кузнецова 100 руб. и у придворнаго пѣвчаго Степана Андріевскаго 310 р.[1]), которые и были впослѣдствіи уплочены магистратомъ безъ всякаго спору.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ коллегія иностранныхъ дѣлъ была переведена изъ Москвы въ С.-Петербургъ, а за нею переѣхалъ и Сычевскій, не спѣшившій, какъ видно, своимъ прибытіемъ въ Кіевъ, но письмами своими частенько напоминавшій магистрату о присылкѣ денегъ на расходы. Магистратъ же, сообщая войту объ отправленныхъ отъ города прошеніяхъ, жаловался на недостатокъ средствъ для расходовъ по этимъ ходатайствамъ. „Что же изволите писать, что не съ чего расходу дѣлать,— отвѣчалъ Сычевскій магистрату,—то вы знаете довольно петер-

---

[1]) Этотъ Степанъ Андріевскій былъ родомъ изъ Кіева, сынъ мѣщанина, бывшаго въ 30-тыхъ годахъ бурмистромъ (см. Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр." вып. 3, стр. 43). Въ 1758 г. Степанъ Андріевскій пріѣзжалъ въ Кіевъ и ѣздилъ по Малороссіи для набора пѣвчихъ въ придворную капеллу, причемъ изъ Кіева вывезъ 11 мальчиковъ и трехъ взрослыхъ пѣвчихъ. (См. „Кіев. Стар.", 1891, мартъ, стр. 512).

бургское житье и содержаніе, и тако какъ возможное для расходовъ имѣть стараніе совѣтую". Въ октябрѣ мѣсяцѣ Сычевскій напоминаетъ магистрату объ уплатѣ занятыхъ имъ въ Москвѣ денегъ и говоритъ, между прочимъ, что, благодаря такой неаккуратности въ уплатѣ занятыхъ на счетъ магистрата денегъ, ему уже и „вѣрить усумнѣваются". „Мое же нынѣ въ Петербургъ прожитіе вамъ самимъ не безъизвѣстно, что я не для своихъ какихъ приватъ живу, но для подтвержденія мѣской грамоты и другихъ дѣлъ, какъ то и за прежнихъ моихъ антецессоровъ происходило, которые, живучи съ немалою ассистенціею многое время для подтвержденія грамоты, съ мѣской суммы расходы имѣли; такожъ и другіе урядовіе, присылаемые для исправленія нуждъ гродскихъ, коштъ мѣской употребляли". Но магистратъ уклонялся отъ присылки къ войту какъ ассистентовъ, т. е. депутатовъ, такъ и денегъ, выражая лишь въ своихъ письмахъ желаніе поскорѣе видѣть своего войта въ Кіевѣ „не лѣтерально уже, но персонально".

Въ письмѣ отъ 25 августа магистратскіе урядники, не упоминая ничего о деньгахъ, писали, между прочимъ, войту: „сотникъ козачій кіевскій Павелъ Гудимъ, искони пакостникъ, отъ вступленія своего въ козачество въ дому своемъ жиломъ и въ другихъ стороннихъ домахъ шинкъ горѣлчаній явно и беззазору, на подступъ мѣскимъ, производитъ и, недовольствуясь тѣмъ, вящшаго ради магистрату кіевскому въ шинкахъ помѣшательства и препятствія, изъ слугъ мѣскихъ и изъ жителей кіевскихъ, праву майдебурскому будучихъ подсудственнихъ, попринимавъ въ козаки, дозволяетъ и отъ своего дому снабдѣваетъ горѣлкою на шинкъ, и многіе отъ нихъ пакости, обиды, бои мѣщанству дѣлаются, о чемъ кіево-губернской и генеральной войсковой канцеляріи жалобы взнесены [1]) и по нимъ отъ

---

[1]) Кромѣ жалобъ о незаконномъ шинкованіи, магистратъ въ это время настойчиво жаловался на уклоненіе „новоуписавшихся" козаковъ отъ исполненія постойной повинности. Несмотря на послѣдовавшій изъ в. ген. суда отъ 4 мая указъ о томъ, чтобы для прибывшихъ въ Кіевъ сербовъ отведены были квартиры и въ домахъ этихъ „новоуписавшихся", сотенная старшина не допускала исполнить это. Въ одномъ изъ своихъ доношеній въ кіев. губ. канц. отъ 13 мая этого 1754 г.

ген. войск. суда з начала лѣта любо и зачалась комисія и производженіе пристойное начато, токмо за хитростнимъ его сотника вимисломъ, дабы въ познаніе ихъ дѣйствія прійти не могли, опорочена, и вмѣсто той другіе отъ полковъ малороссійскихъ ассигнованы персоны, да надежно, что и сія окончать, за упрямствомъ козаковъ, не можетъ, *а кошты чрезвычайные отъ кіев. магистрата на снабдѣніе оныхъ комисій происходятъ*".

Жалуясь такимъ образомъ на „пакости" сотника Павла Гудима, магистратскіе урядники знали, конечно, что этотъ „искони пакостникъ" доводился близкимъ родственникомъ ихъ новому войту.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1755 года Сычевскій вновь пишетъ магистрату о присылкѣ депутатовъ къ нему „для нуждъ ежечастно приключаемихъ гродскихъ, токмо не съ многолюдствомъ, безъ далнихъ и чрезвычайнихъ проторовъ и убытковъ мѣсту, ибо въ Петербургѣ противъ прочіихъ мѣстъ все подороже и убыточнѣе". Приэтомъ онъ укоряетъ за неисправность присланныхъ дѣловыхъ бумагъ „не по порядкамъ канцелярскимъ, съ надписаніемъ литеръ латинскихъ P.S., которіе токмо въ пріятельскихъ письмахъ надписываются, а не въ дѣлахъ общенароднихъ гродскихъ, присылаемихъ по командѣ".

Но магистратъ не торопился исполнить желаніе войта, который въ іюлѣ мѣсяцѣ уже съ укоромъ обращается по этому поводу къ магистрату и самъ назначаетъ, кого должны прислать къ нему въ Петербургъ: „ибо мнѣ самому живучи въ Петербургѣ, какъ ходить за дѣлами, такъ и ни единаго изъ подкомандныхъ своихъ не имѣя при себѣ въ дѣлахъ и порядкахъ мѣскихъ знающаго человѣка, весьма неприлично, да и вамъ самимъ надлежало бы уже нынѣ быть то совѣстно, не присылая ко мнѣ чрезъ толь долгое время никакого депутата; да при томъ же для подъему моего въ Кіевъ, по обычаямъ прежде бывшихъ антецессоровъ моихъ, съ надлежащимъ къ пути

магистратъ писалъ, что 11-го мая атаманъ козачій Семенъ Костовскій, явившись съ козакомъ Носкомъ въ магистратѣ, „именемъ сотничьимъ объявили, дабы на козачьихъ дворахъ новоуписныхъ постоевъ не ставили", а ежели де ставить учнутъ, то они бить будутъ.

расходомъ съ оними жъ нарочними зъ магистрата прислать надлежитъ, что и предлагается".

Родственникъ войта бурмистръ Василій Гудимъ, правившій въ этомъ году (1755) магистратской экономіей, прислалъ ему въ Петербургъ чрезъ мѣщанина Александра Оришкевича 300 рублей, по всей вѣроятности, въ счетъ войтовскихъ доходовъ; но магистратъ упорно отмалчивался отъ „предложеній" войта, который видимо уже раздражался такимъ отношеніемъ къ нему его „подкомандниxъ". 17 октября 1755 г. онъ написалъ въ магистратъ такое краткое посланіе:

„На посланныя къ вамъ прошлого сентября 14-го, 25-го и сего октября 2-го чиселъ предложенія никакова отвѣта не получилъ, о чемъ и нынѣ подтверждается о немедленной высылкѣ нарочныхъ, а именно старшаго канцеляриста Величковскаго, да лавника пана Равича или пана Федора Ризенка, съ обстоятельнымъ доношеніемъ въ госуд. коллегію для резолюціи, выписавъ о всѣхъ сборахъ мѣскихъ и о другихъ нуждахъ гродскихъ, такожъ и на проѣздъ для подъему моего въ Кіевъ, по обычаю антецессоровъ моихъ, съ надлежащимъ къ пути расходомъ, съ оными жъ прислать, впрочіемъ же какъ о обращеніи дѣлъ мѣскихъ и о правленіи гродскомъ, не упуская почты, письменно репортовать предлагается".

Названный выше бурмистръ Василій Гудимъ находилъ эти „предложенія" Сычевскаго слишкомъ „мягкими и ласковыми" и рекомендовалъ ему писать „повелительнѣе" [1]).

---

[1]) Письмо этого бурмистра отъ 19-го мая 1755 г. знакомитъ нѣсколько съ существовавшими въ средѣ магистратскихъ урядниковъ отношеніями и съ денежными затрудненіями, а потому привожу его цѣликомъ.

„Высокоблагородній господинъ маіоръ и кіевскаго магистрата господинъ войтъ милостивый осударъ и братъ.

Чрезъ сію оказію имѣю донесть вамъ нѣчто мало о обращеніяхъ и порядкахъ магистратовихъ: яко в нинѣшнемъ моемъ правленіи, поневажъ я началъ уже воспящать, дабы ранговіе доходи ваши кому неналежно не доставались, но собиралися бы въ едино мѣсто, панъ Ященко всячески усилуясь, чтобъ тѣмъ всѣмъ, какъ и прошлого году, владѣть и користиться, сего мая 12 д. подалъ на мене въ магистратъ кіевскій протестъ, якобы я на крайнее его безчестіе не допускаю ему правленія, желая самъ распространяться на самоволіи, а онъ де старѣйшій и заслуженнѣйшій и всегда бивалъ субделегатомъ. И того ради покорнѣйше прошу и

Неизвѣстно, что собственно удерживало Сычевскаго такъ долго въ Петербургѣ, а между тѣмъ магистратъ видимо былъ недоволенъ этимъ пребываніемъ его въ столицѣ безъ всякой пользы для города и, какъ видно, со всѣмъ уже не разсчитывалъ на его личное „хожденіе" по городскимъ дѣламъ.

Послѣднее изъ имѣвшихся у меня писемъ Сычевскаго въ магистратъ изъ Петербурга писано 23 ноября 1755 г. „Неоднократніе къ вамъ,—писалъ въ немъ войтъ,—посланніе отъ меня предложенія о высылкѣ за дѣлами гродскими въ Питербурхъ нарочнихъ, о чемъ и нынѣ въ несумнѣнности предлагается, не упущая времени, съ надлежащимъ ихъ наставленіемъ и къ пути и прожитію на всякіе нужные въ Питербурхи расходы, слѣдуючіе къ пользѣ гродской, тако жъ и для подъему моего съ Питербурха на проѣздъ до Кіева, по обычаю стародавнему, онихъ нарочнихъ снабдить".

Когда впослѣдствіи магистратскіе чины упрекали Сычевскаго въ томъ, что онъ, проживая такъ долго въ Петербургѣ, ничего полезнаго не исходатайствовалъ для города, то онъ оправдывался тѣмъ, что такъ какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ по-

---

братерски совѣтую написать въ магистратъ властію своею и приказу, по примѣру другихъ командъ, кому именно до пріѣзду вашего на вашемъ мѣсцѣ правленіе имѣть, такожъ и о прочіихъ дѣлахъ повелителнѣе писать, ибо хотя и пишете въ магистратъ о какомъ дѣлѣ, то оніе ваши писанія или ордери, понеже изволите весьма мягко и ласково писать, недоброхоты ваши пренебрегая очень за мало вмѣняютъ и тимъ самимъ болше въ намѣреніи своемъ храбрять и во всемъ самоволить хотятъ, а по ордерамъ вашимъ ничего исполненія не дѣлаютъ.

При семъ еще доношу вамъ, что въ магистратѣ весьма мало въ зборѣ денегъ и Богъ вѣсть, откуду ихъ собиратъ, яко уже нынѣ, по милостиво жалованному на Малую Россію указу, всякіе збори умаляются, а внсилать о томъ просить, какъ ви изволили писать, наши ниже думаютъ. Сего же м-ця отставной полковникъ сербскій, въ коего заняли тысячу рублей на поѣздку московскую, просилъ на магистратовихъ и въ господина генерала, что ему долгу не платятъ, а срокъ уже давно миновалъ, почему и приказано заплатить или упросить, и потому ми обще ходили къ реченному полковнику и заледво заледво умолили, что еще отсрочилъ на три м-цѣ, но на томъ принуждени подписаться, кой полковникъ сего же мая 14 го и преставися, а магистратской облѣкъ достался подобно греческимъ ченцамъ, и то по виходѣ упрошенного срока ченцамъ или кому доведется неотмѣнно должно будетъ заплатить, хоть у кого занявши. И исъ тѣхъ мѣръ и повторе васъ прошу писать приказно и обстоятелно, какъ кому въ званіи своемъ быть и поступать, ибо

лучилъ на чинъ свой грамоту, „а отъ магистрата депутатовъ и на расходъ денегъ не прислано, то по тому резону войтъ безъ полученія резолюціи отправился въ Кіевъ къ командѣ“.

А между тѣмъ магистратъ и отъ посылки депутатовъ въ Петербургъ уклонялся, можно думать, именно потому, что тамъ находился Сычевскій, который, очевидно, не только не могъ помогать, а скорѣе препятствовалъ бы въ самомъ существенномъ и интересномъ для магистрата вопросѣ—въ огражденіи магистрата отъ „касательствъ малороссійской команды“. Для „хожденій“ по этому дѣлу, да и по другимъ городскимъ дѣламъ, въ пр. сенатѣ и коллегіи ин. дѣлъ магистратъ ежегодно посылалъ въ столицу своихъ депутатовъ, которые и „стряпали“ тамъ постоянно и настойчиво, и только во время пребыванія Сычевскаго въ Петербургѣ эти „стряпчіе“ тамъ отсутствовали. Конечно, не экономничаніе городскими средствами удерживало магистратъ отъ посылки ихъ.

Сычевскій, занявъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ походной канцеляріи гетмана 200 рублей на счетъ магистрата на дорогу, прибылъ въ Кіевъ „къ командѣ“ въ концѣ февраля 1756 г. т. е. два года спустя послѣ своего назначенія.

II.

Прибывъ въ Кіевъ, Сычевскій прежде всего обратилъ вниманіе на магистратскую „экономію“, на городскіе доходы и расходы и на способъ управленія ими. Онъ сталъ употреблять „ежечастые годовымъ бурмистру и райцѣ притвержденія“, установилъ съ 1756 г. шнуровыя книги и потребовалъ произвести ревизію отчетности за прошлые годы, начиная съ 1730-го г.

я подъ нинѣшной случай и правленію своему не радъ, яко на мене всѣ враждуютъ и злобствуютъ и ненавидятъ, и для того паче всего щасливѣйшого и скорѣйшого вашего пріѣзду нестерпимо желаю, а хотя письменнимъ увѣдомленіемъ, въ кое время васъ надѣяться, не оставить и тѣмъ обрадовать прошу. Симъ прекратя и на предписанное резолюціи ожидая, зъ должнимъ моимъ упокореніемъ пребиваю вамъ осудару моему доброжелателной слуга и братъ Василій Гудимъ бурмистръ м. кіевского“.

Основываясь главнымъ образомъ на грамотахъ Петра В., въ которыхъ было выражено, что „войтъ съ урядовыми магистратъ и судъ майдебурской управляютъ и нижній городъ строятъ“, Сычевскій считалъ себя въ правѣ участвовать въ управленіи „экономіей“ и даже имѣть въ этомъ случаѣ первый голосъ. И всѣ другіе привилегіи и указы онъ толковалъ въ томъ смыслѣ, что вообще „управленіе экономіи магистратской и строеніе города *въ первенствѣ зависитъ на должности войта*, а по немъ на должности годовыхъ бурмистра и райцы“. Магистратскіе же чиновники полагали, что войтъ долженъ вѣдать лишь судебную часть и въ этомъ смыслѣ толковали какъ прежнія всѣ грамоты и привилегіи, такъ и грамоту данную собственно Сычевскому 31-го декабря 1755 г., въ которой говорилось: „а ему войту судъ между мѣщанами и посполитствомъ правдиво по ихъ правамъ и обыкновеніямъ производить и въ протчемъ во всемъ указы исполнять и по онымъ прилежно поступать“. На этомъ основаніи урядники и устраняли войта отъ хозяйственной части и смотрѣли на заводимые имъ порядки, какъ на незаконное вмѣшательство въ управленіе ею. Годовые бурмистръ Рагуцкій и райца Александренко „по упрямству своему“ отказались принять заведенныя Сычевскимъ шнуровыя книги и продолжали вести свое дѣло по старому, записывая городскіе доходы и расходы въ свои партикулярныя книги, „не для чего иного,—полагалъ войтъ—какъ только для собственнаго пользованія своего изъ магистратской экономіи“; но затѣмъ другіе уже очередные бурмистры и райцы, „ощутя оныхъ шнуровыхъ книгъ порядокъ, отъ 1757 г. начали оныя содержать“.

Что касается до ревизіи годовой отчетности, то магистратъ и отъ нея устранилъ войта. Вообще вопросъ о ревизіи счетовъ, на которую претендовала и „высшая команда“, — была ли она въ рукахъ генералъ-губернатора или гетмана,—весьма заботилъ магистратскихъ урядниковъ, почему они и искали при всякомъ удобномъ случаѣ оффиціальнаго признанія независимости этой стороны своей дѣятельности отъ контроля какой бы то ни было власти. Недостаточная опредѣленность выраженій въ

оффиціальныхъ актахъ, правительственныхъ указахъ, вела къ различнымъ толкованіямъ. Такъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1759 г. послѣдовалъ указъ пр. Сената, въ которомъ, между прочимъ, повелѣно магистрату „о всѣхъ приходахъ и расходахъ имѣть порядочныя книги и *между собою* счеты производить *передъ старшими съ поспольства*". Ссылаясь на эти выраженія, магистратскіе чины считали себя въ правѣ устранять войта отъ ревизіи счетовъ; Сычевскій же полагалъ, что это выраженіе „предъ старшими съ поспольства" употреблено въ томъ именно смыслѣ, „чтобъ войтъ, яко перво-градоначальникъ, съ годовыми бурмистрами и райцами оные счеты производили для подлинного вѣроятія при бытности первѣйшихъ мѣщанъ". Потребованная же войтомъ повѣрка счетовъ съ 1730-го года такъ и не была произведена, а Сычевскій, какъ видно, полагалъ, что при ней обнаружились бы злоупотребленія правившихъ въ тѣ годы бурмистровъ и райцевъ. Жалуясь на то, что этой повѣрки магистратскіе урядники „и сами между собою не произвели", а между тѣмъ многіе изъ правившихъ въ тѣ годы бурмистры и райцы уже померли, такъ что и взыскивать на нихъ возможные начеты теперь трудно, войтъ заявлялъ, что, благодаря именно такой безпорядочности въ управленіи городскими финансами, и произошло то, что „городъ въ доброе состояніе не приведенъ и не устроенъ и отъ бывшаго наводненія обывательскія строенія разоряются; къ тому жъ бывшія магистратскія три мельницы на каналѣ, продолжающемся съ Кудрявца въ Днѣпръ, чрезъ непочинку и неустроеніе до основанія разорились, а съ оныхъ мельницъ прежде не малая прибыль въ магистратъ происходила".

По прибытіи своемъ въ Кіевъ Сычевскій письменными „ордерами" потребовалъ, чтобы „квартальный урядникъ", завѣдывавшій магистратскими шинками, представлялъ ему еженедѣльно репорты о наличности магистратской горѣлки въ погребахъ и объ отпускѣ ея въ шинки, а урядникъ почтовый представлялъ бы такіе же репорты о состояніи почтоваго двора и вѣдомости о проѣзжающихъ и о прогонныхъ деньгахъ, чтобы можно было контролировать дѣятельность этихъ урядниковъ. Такое вмѣ-

шательство войта въ эти дѣла, требованіе репортовъ, при томъ репортовъ лично войту, а не магистрату, очевидно, крайне не нравилось урядникамъ, которые, вѣроятно были не безгрѣшны и своихъ личныхъ выгодъ не забывали.

Обычный въ тѣ времена порядокъ управленія экономіей въ объясненіяхъ магистратскихъ урядниковъ изображается такъ: „по избраніи на публичной элекціи бурмистра и райца, такожъ шафарей медового и пивного и урядниковъ, приводятся оные всѣ къ присягѣ, по которой обовязуются, какъ найлучше, къ пожитку мѣскому радѣть и стараться, и по учиненіи той присяги вручаются имъ отъ магистрата для записки приходовъ и расходовъ книги; а при томъ подъ ихъ же, бурмистра и райцы, вѣдѣніемъ и управленіемъ состоитъ магистратскій кварталъ и почта; и тѣ книги правящій бурмистръ и райца къ счету предъ старшими и знатнѣйшими изъ посполства представляютъ въ магистратъ; а чтобъ о тѣхъ доходахъ и расходахъ кому какіе доклады подавать и безъ тѣхъ докладовъ и опредѣленій не дѣйствовать, того ничего не показано“. По словамъ же Сычевскаго, публичная элекція хотя и бываетъ ежегодно, но на ней выбираются „точію низшіе отъ бурмистровъ и райцовъ магистратскіе урядники, развѣ по умертвіи коего бурмистра и райцы другіе на ихъ мѣсто на той же элекціи выбираются; оные жъ бурмистры и райцы, находящіеся въ наличности, *по очередямъ, а не выбору на элекціи* въ годовое правленіе магистратской экономіи вступаютъ и чрезъ очередь одинъ другому въ оное правленіе вступить сами между собою никогда не допускаютъ; и по вступленіи съ оной магистратской экономіи единственно содержаніе свое имѣютъ не только въ томъ году, когда годовыми бываютъ, но и на послѣдующіе года снабдѣваются, и, оставя свои купеческіе промыслы и въ содержаніи себя надѣясь на одну магистратскую экономію, продолжаютъ винное куреніе на завладѣнныхъ магистратскихъ угодьяхъ и оную горѣлку во время своего правленія экономіи въ магистратъ какою хотятъ цѣною вмѣщаютъ и пользуются, и особливо всѣ бурмистры и райцы во оной экономіи поступаютъ противъ совѣсти своей съ превеликимъ ущербомъ“. Не подавая

по истеченіи года своего управленія къ своевременной ревизіи своихъ книгъ, бурмистръ и райцы, по словамъ Сычевскаго, представляли ихъ обыкновенно лишь нѣсколько лѣтъ спустя, „уровня расходъ съ приходомъ".

Признавая незаконнымъ вмѣшательство войта въ экономію, какъ распорядителя, а тѣмъ болѣе „командира", магистратскіе урядники признавали однако за нимъ и въ этой области право на совѣщательный голосъ и по отношенію къ Сычевскому выражали неудовольствіе лишь противъ тѣхъ мѣръ, какія онъ принималъ единолично, безъ общаго согласія; а стремленію его упорядочить хозяйственную часть на первыхъ порахъ даже сочувствовали. Такъ по отношенію къ главнѣйшему источнику городскихъ доходовъ, допускавшему притомъ наибольше злоупотребленій, а именно—къ продажѣ питій, составлявшей монополію города, состоялось въ магистратѣ общее опредѣленіе. подписанное всѣми бурмистрами и райцами, „дабы годовые бурмистръ и райца *по докладу* горѣлку покупали, чтобъ въ покупкѣ оной къ партикулярной прибыли какова подлогу не учинилось". Но, видно, опредѣленіе это не особенно строго исполнялось и нарушали его не только „правящіе" бурмистры и райцы, но и самъ Сычевскій. Такъ въ томъ же 1757 г. правящій бурмистръ Семенъ Козельскій купилъ безъ всякаго „докладу" и общаго опредѣленія у свата своего Огіевскаго, сотника кролевецкаго, нѣсколько десятковъ бочекъ горѣлки для магистратскихъ шинковъ; въ 1759 году правящіе годовые бурмистръ Богдановичъ и райца Іосифъ Гудимъ купили такимъ же образомъ горѣлку безъ общаго согласія, взявши при этомъ „за подвышеніе цѣны" взятку—по ведру отъ бочки; да и самъ Сычевскій, какъ впослѣдствіи заявляли магистратскіе, „съ прибытія своего изъ Москвы и горѣлку на магистратъ, чего ему крайне не слѣдовало, куповать началъ" безъ общаго о томъ опредѣленія. Статья эта была, какъ видно, наиболѣе лакомая. Устроивши собственную винокурню, каждый „урядовый" желалъ выгоднѣе сбыть выкуренную имъ горѣлку, а наиболѣе выгоднымъ сбытомъ являлась продажа оптомъ въ магистратъ. Не чужды были такія же желанія и Сычевскому, который тоже

очень скоро обзавелся собственною винокурнею и нерѣдко „усиловался“, какъ заявляли урядники, сбывать свою горѣлку въ магистратъ, Самъ то онъ заявлялъ, что продавалъ свою горѣлку „по добровольному договору и по учиненіи о добротѣ пробы“, при чемъ де „добровольно ихъ годовыхъ просилъ, чтобъ въ покупкѣ оной имѣли респектъ, а чтобъ высшую цѣну противъ продавцовъ дали, къ тому не принуждалъ, точію добровольно о томъ говорилъ за труда его при магистратѣ, и оные годовые въ покупкѣ войтовой горѣлки какову цѣну по согласію своему положатъ было безъ обиды его, войта, на той цѣнѣ онъ ту свою горѣлку и уступалъ“.

Отбываніе постойной повинности, на которую вообще жаловались въ это время кіевляне, тоже возбуждало несогласія между Сычевскимъ и магистратомъ.

По грамотѣ Петра В. отъ постоевъ были освобождены домы тѣхъ магистратскихъ чиновъ, которые въ данное время несли дѣйствительную службу и которыхъ ежегодно состояло 24 человѣка: войтъ, писарь, очередные бурмистръ и райца, два шафаря, лавникъ, инстигаторъ, городничій и 15 урядниковъ, отправлявшихъ различныя магистратскія должности. Только дома этихъ лицъ и должны быть, по мнѣнію Сычевскаго, свободны отъ постою. По заведенному же издавна въ кіевскомъ магистратѣ „партикулярному установленію“ было на лицо 7 бурмистровъ и 7 райцевъ, изъ которыхъ по очереди ежегодно вступали въ должность по одному, а неочередные призывались въ магистратъ для общихъ совѣтовъ по дѣламъ, касающимся ихъ управленія. Всѣ же эти лица, по словамъ Сычевскаго, „до третей части города Кіева домами своими занимаютъ“, а потому, по его мнѣнію, „понеже оные неочередные бурмистры и райцы, тако жъ лавники, урядники, шафари, инстигаторы и городничіе не управляютъ магистрата и суда майдебурскаго и и города не строятъ, для того и домы ихъ отъ постоевъ уволнены быть не должны“.

Но, несмотря на разногласія и возникавшія недоразумѣнія между войтомъ и магистратомъ, соръ изъ избы не выно-

сился и первые пять лѣтъ войтовства Сычевскаго прошли довольно мирно.

Сычевскій пріѣхалъ въ Кіевъ холостякомъ. Въ 1758 г. онъ два раза ѣздилъ свататься въ Черниговъ, но неудачно, и только осенью 1759 г. женился въ Хоролѣ на дочери полкового обознаго Еремѣя Родзянки Софіи. По всей вѣроятности, съ этого времени онъ и началъ расширять свое собственное хозяйство, пользуясь довольно значительными ранговыми угодьями. Эта хозяйственная его дѣятельность не обходилась безъ злоупотребленій, которыя и вызывали враждебное къ нему отношеніе. Такъ уже въ іюнѣ м-цѣ 1759 г. присутствовавшій въ магистратѣ бурмистръ С. Козельскій „неоднократно выговаривалъ“ войту за то, что онъ такъ широко пользуется работою жителей с. Преорки, гдѣ былъ его ранговой хуторъ, и требуетъ отъ нихъ панщины, какъ отъ своихъ подданныхъ. Вообще подгородніе жители сс. Преорки, Сырца и Кореневщины въ прежнее время оказывали извѣстное „вспоможеніе“ предшественникамъ Сычевскаго въ ихъ хуторскомъ хозяйствѣ; но, какъ свидѣтельствовали впослѣдствіи магистратскіе урядники, „таковыхъ отяготительныхъ съ принужденіемъ, грабленіемъ и побоями панщинъ, каковыми войтъ Сычевскій тѣхъ подгороднихъ жителей отягощалъ, никогда не бывало“. Тѣмъ не менѣе въ томъ же 1759 году магистратъ не отказалъ войту въ перестройкѣ на его хуторѣ имѣвшихся винокурни и мельницы на счетъ магистрата. Въ нарушеніе интересовъ магистрата, который пользовался исключительнымъ правомъ шинковать горѣлкой, Сычевскій на Осетскомъ хуторѣ завелъ собственный шинокъ и не допускалъ тамъ продажи магистратской водки, которой, какъ значится по книгамъ 1752—1754 годовъ, продавалось тамъ до 150 ведеръ въ годъ. Но обо всѣхъ этихъ „пользованіяхъ“ Сычевскаго скажемъ ниже. Въ сущности не эта сторона дѣла,— по отношенію къ ней у всѣхъ магистратскихъ урядниковъ было „рыльце въ пушку“,—и не „вмѣшательство въ правленіе экономіи“ привело магистратъ къ рѣшительному разрыву съ войтомъ.

Существенный интересъ для кіевскаго магистрата и всего мѣщанства въ годы войтовства Сычевскаго представлялъ вопросъ

объ отношеніяхъ города къ „малороссійской командѣ“ т. е. къ гетману. Я имѣлъ уже случай указать[1]) на нѣкоторыя причины, побуждавшія кіевскій магистратъ предпочитать „вышнюю команду“ кіевскаго генералъ-губернатора и всячески хлопотать объ освобожденіи отъ какого бы то ни было касательства „малороссійской команды“, начальства полковаго, войсковой генеральной канцеляріи и в. генеральнаго суда. Но кромѣ указанныхъ уже причинъ были, какъ видно, и многія другія. Такъ крайне тягостнымъ для всего мѣщанства было вмѣшательство войск. генер. суда въ судебную дѣятельность магистрата, и объ избавленіи отъ этого вмѣшательства, вносившаго разорительную волокиту, магистратъ хлопоталъ настойчиво: каждый разъ, посылая своихъ депутатовъ въ столицу съ прошеніями по разнымъ городскимъ дѣламъ, магистратъ включалъ и это ходатайство, но удовлетворено оно было окончательно только лишь указомъ пр. Сената 6 ноября 1760 г.[2]).

И вотъ въ этомъ то всегдашнемъ стремленіи освободиться отъ касательства къ нему „малороссійской команды“ магистратъ

---

[1]) Кіев. Стар. 1886 г. декабрь „Кіевскія смуты средины прошлаго столѣтія“.

[2]) Указъ этотъ окончательно устанавливавшій независимость магистрата отъ власти гетмана, данъ былъ по поводу послѣдней жалобы магистрата на войск. ген. судъ. Ссылаясь на жалованныя грамоты, которыя предоставляютъ „магистрату и мѣщанамъ судиться по майдебурскимъ правамъ, и только они мѣщане предъ своимъ войтомъ, а войтъ съ урядовыми предъ маэстатомъ королевскимъ отвѣтствовать имѣютъ“, магистратъ жаловался, что „ген. войск. канцелярія и судъ войск. генер. присылаемыми въ магистратъ кіевской указами по челобитческимъ и другимъ дѣламъ велятъ разсмотреніе чинить по малороссійскимъ правамъ, и по которымъ дѣламъ показано будетъ на магистратское рѣшеніе недовольство, тѣ къ разсмотрѣнію во онія мѣста присылать, а до разсмотрѣнія и рѣшенія тѣхъ дѣлъ въ онихъ мѣстахъ, по учиненнымъ въ магистратѣ рѣшеніямъ исполненія не чинить, а взятыя изъ магистрата дѣла, перевершивая по малороссійскимъ правамъ, велятъ по тѣмъ своимъ рѣшеніямъ исполненіе чинить, понуждая магистратъ чрезъ нарочно присланныхъ по инструкціямъ, которые присланные во ономъ магистратѣ присутствующимъ чиновникамъ не малые обиды чинятъ, а по нѣкоторымъ челобитческимъ дѣламъ отъ магистрата отвѣты берутъ и штрафы налагаютъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ магистратскихъ туда къ отвѣтамъ сыскиваютъ, и, хотя по какимъ неправильнымъ представленіямъ на магистратъ кіевской, слѣдовать опредѣляютъ“; потому и просилъ магистратъ „о бытіи ему и всѣмъ мѣщанамъ подъ апелляціею пр. Сената, а г. войск. канцеляріи и суду ген. никакова дѣла до оного магистрата не имѣть“.

кіевскій и не находилъ себѣ сочувствія, а тѣмъ менѣе содѣйствія, въ своемъ войтѣ, который, какъ видно, предпочиталъ для себя лично именно названную выше команду. Зависимость въ своей судебной и административной дѣятельности отъ тутъ же въ Кіевѣ находившейся кіево-губернской канцеляріи и отъ кіевскаго губернатора была для Сычевскаго невыгодна и онъ предпочиталъ въ этомъ случаѣ зависимость отъ далекаго Глухова, въ чемъ и расходился съ желаніями магистрата и всего кіевскаго мѣщанства. Заботясь о подтвержденіи прежнихъ своихъ грамотъ и привилегій, магистратъ кіевскій много разъ обращался къ правительству съ прошеніями о подтвержденіи независимости его отъ власти гетмана. Но вотъ въ 1733 году послѣдовало опредѣленіе пр. Сената: „быть имъ, кіевскимъ мѣщанамъ, подъ вѣдѣніемъ гетмана и кіевскихъ губернаторовъ". Эта двойственность „высшей команды" повела лишь къ различнымъ безпорядкамъ, о которыхъ и представлялъ пр. Сенату въ 1737 г. князь Барятинскій, бывшій въ „правленіи гетманскаго уряду". Признавъ, что „тѣ непорядки произошли чрезъ выданные отъ гетмана Апостола, въ противность данныхъ кіевскому магистрату правъ, привилегій и жалованныхъ грамотъ, универсалы", пр. Сенатъ опредѣлилъ: „для лучшаго порядку и непоколебимаго содержанія впредь, по силѣ жалованныхъ грамотъ, при ихъ правахъ и привилегіяхъ, тому магистрату быть въ вѣдомствѣ губернаторскомъ, а другимъ до нихъ ничѣмъ не касаться". Это опредѣленіе 1737 г. было затѣмъ вновь подтверждено пр. Сенатомъ и въ указѣ 1743 г. октября 24.

Но въ 1751 году графъ Разумовскій сталъ просить, чтобы кіевскій магистратъ былъ подчиненъ ему, „такъ чтобъ и тамошній губернаторъ до него не интересовался". Коллегія ин. дѣлъ по этому поводу въ докладѣ своемъ, хотя и сообщила обстоятельную справку о независимости кіевскаго магистрата отъ власти гетмана, тѣмъ не менѣе представляла „на высочайшее благоизобрѣтеніе: не будетъ ли Е. И. В. угодно, изъ высочайшей своей къ нынѣшему гетману милости и для особливой къ его персонѣ довѣренности, тотъ кіевскій магистратъ и мѣщанъ тамошнихъ въ вѣдомство ему отдать повелѣть". Но импе-

ратрица, прочитавъ этотъ докладъ, приказала еще разъ „подлинно выправиться съ прежними дѣлами, и ежели у гетмана Скоропадскаго былъ въ вѣдомствѣ кіевскій магистратъ, то и у нынѣшняго гетмана въ вѣдомствѣ оному быть, а ежели у Скоропадскаго въ вѣдомствѣ не былъ, то и у нынѣшняго не быть". Коллегія сдѣлала благопріятную для кіевлянъ „выправку" и вновь представила по этому дѣлу докладъ, въ которомъ и прописала, что „хотя единожды опредѣлено было въ Сенатѣ въ 1733 г., чтобъ имъ, кіевскимъ мѣщанамъ, подъ вѣдѣніемъ тогда бывшаго гетмана Апостола и кіевскихъ губернаторовъ быть, но потомъ и сіе въ 1737 году отмѣнено и велѣно тому магистрату быть въ вѣдомствѣ губернаторскомъ по прежнему" [1]).

На докладъ этотъ послѣдовала высочайшая резолюція: „быть кіевскому магистрату при своихъ привилегіяхъ по прежнему, а гетману въ вѣдомство не отдавать". Это было 22 марта 1754 года, т. е. уже послѣ назначенія Сычевскаго на войтовство; но тогда же представленный „къ высочайшей апробаціи" согласный съ послѣдовавшею резолюціей „концептъ грамоты" къ гр. Разумовскому очень долго оставался безъ такой „апробаціи". Только лишь 26 октября 1760 г. послѣдовалъ указъ пр. Сената „о вѣданіи кіевскихъ мѣщанъ судомъ и управленіемъ по магдебургскимъ правамъ въ магистратѣ, о бытіи оному маги-

---

[1]) Этотъ докладъ, надо думать, составленъ былъ не безъ участія кіевскихъ магистратскихъ дѣльцевъ, „стряпавшихъ" въ столицѣ по этому дѣлу. Въ представленной отъ коллегіи „выправкѣ" на поставленный вопросъ объ отношеніяхъ къ гетману Скоропадскому читаемъ такой отвѣтъ, составленный, думается мнѣ, подъ вліяніемъ даваемыхъ магистратскими дѣльцами „справокъ": „чтобъ у гетмана Скоропадскаго, также и другихъ прежде бывшихъ до него гетмановъ въ вѣдомствѣ кіевскій магистратъ былъ, того по дѣламъ извѣстія не нашлося. Хотя же гетманъ Скоропадскій и предъ нимъ бывшій Мазепа, при случавшихся кіевскимъ войтомъ отъѣздахъ въ Москву для челобытья о магистратскихъ нуждахъ, рекомендаціи свои къ е. и. в. государю Петру Великому о милостивомъ на челобитье ихъ призрѣніи давали, такожъ къ выбору на мѣсто умершихъ войтовъ отъ себя нарочныхъ персонъ посылали, но сіе они, гетманы, чинили *по единой только просьбѣ кіевскихъ мѣщанъ*, изъ имѣвшагося ихъ къ нимъ, гетманамъ, своего партикулярнаго респекта, а по привилегіямъ ихъ мѣщанскимъ они чинить того были не должны, ибо по тѣмъ привилегіямъ они, мѣщане, нигдѣ кромѣ своего магистрата не судимы, а на оной магистратъ апелляція у е. и. в. въ коллегіи ин. дѣлъ, а до того была въ Сенатѣ".

страту подъ апелляціями пр. Сената и объ охраненіи отъ обидъ, какъ магистрата, такъ и мѣщанъ кіевскому губернатору".

Такимъ образомъ это въ высшей степени интересное для кіевлянъ дѣло, возбужденное притязаніями гр. Разумовскаго, тянулось девять лѣтъ, вызывая необходимость производить по немъ „хожденія", требовавшія, конечно, и умѣлыхъ дѣльцевъ и немалыхъ расходовъ. Мнѣ кажется, что это продолжительное ожиданіе опредѣленнаго рѣшенія по такому существенному вопросу не мало вліяло на отношенія между магистратомъ и войтомъ Сычевскимъ. Послѣдній, разсчитывая на возможность иного рѣшенія, до полученія указа магистрату отъ 6 ноября 1760 г., не переставалъ при удобномъ случаѣ показывать свою личную склонность къ „малороссійской командѣ", тѣмъ болѣе, что у него завязались и родственныя отношенія съ малороссійскою старшиною. А между тѣмъ онъ хорошо зналъ настроеніе магистрата и вообще кіевскаго мѣщанства по отношенію къ этой „командѣ", зналъ постоянныя жалобы на нее. Не раздѣляя въ этомъ случаѣ стремленій магистрата и мѣщанства, Сычевскій, конечно, возбуждалъ къ себѣ неудовольствіе, которое такъ рѣзко и выразилось въ первой поѣздкѣ его съ депутатами въ столицу въ 1762 г., когда явилась необходимость, при наступленіи новаго царствованія, хлопотать о „подтвержденіи" недавно полученнаго освобожденія отъ гетманской власти.

III.

По вступленіи на престолъ императора Петра III кіевскій магистратъ въ январѣ мѣсяцѣ 1762 г. постановилъ отправить въ столицу депутацію для обычнаго отъ города всеподданнѣйшаго поздравленія и для испрошенія при этомъ обычнаго же подтвержденія жалованныхъ городу грамотъ. Кромѣ самого войта, депутатами отправились писарь Давидовскій, райца Кулешъ, лавникъ Александровичъ и урядникъ Прилуцкій. На поѣздку эту ассигновано было магистратомъ и выдано на руки райцѣ Кулешу 1700 рублей, да взято было, кромѣ всякаго рода „харчевыхъ припасовъ", 10 анталовъ венгерскаго вина на

600 р. и волосскаго вина 274 кварты на 38 р. 36 к. Для депутатовъ, ѣхавшихъ съ прислугой и собственною кладью, куплены были на счетъ магистрата особыя кибитки, а писарю Давидовскому коляска. Обозъ вышелъ не маленькій.

Тронулись въ путь въ концѣ февраля мѣсяца. Уже передъ отъѣздомъ обнаружилось враждебное отношеніе урядниковъ къ своему войту, который, какъ видно, ожидалъ отъ предстоящей поѣздки не чего иного, какъ отмѣны недавно лишь подтвержденной независимости магистрата кіевскаго отъ власти гетмана. По всей вѣроятности, всѣ депутаты знали, что гетманъ Разумовскій попалъ въ милость при новомъ дворѣ, а потому и могъ теперь разсчитывать на удовлетвореніе давняго своего ходатайства о подчиненіи ему кіевскаго магистрата.

Первымъ выѣхалъ изъ Кіева Сычевскій съ женою и ожидалъ въ Глуховѣ депутатовъ больше недѣли. Прибыли они въ Глуховъ не одновременно: сначала Кулешъ и Прилуцкій съ обозомъ, а затѣмъ черезъ 4 дня Александровичъ и Давидовскій. Послѣдніе, оставаясь въ Кіевѣ „по своей партикулярной прихоти и ослушности“, пріѣхали въ Глуховъ на почтовыхъ лошадяхъ, за что войтъ и сдѣлалъ имъ выговоръ, за напрасную трату магистратскихъ денегъ на почтовыхъ лошадей. Начались постоянныя дорожныя ссоры депутатовъ съ войтомъ. По словамъ послѣдняго, Александровичъ, „а паче Давидовскій во всей дорогѣ, какія возмогли, противности и непочтеніе войту являли, къ чему и райцу Кулеша и урядника Прилуцкого склоняли“, и всѣ они „по единому своему недоброхотству и непочтенію во всей дорогѣ и въ Петербургѣ нарочито его, войта, озлобляли, а какъ онъ войтъ за какую винность либо упрямость ихъ репремандовалъ, они ему въ отвѣтъ сурово съ укореніемъ чести отговаривали“.

Выѣхавши изъ Глухова, Сычевскій остановился на ночлегъ въ слободѣ Полковничей въ домѣ родственника своего бунчуковаго товарища Степана Кулябки; урядники же не захотѣли воспользоваться этимъ гостепріимствомъ войтовскаго родича и остановились со своимъ обозомъ въ шинку того же Кулябки въ четырехъ верстахъ отъ слободы. На другой день урядники,

„для единой пакости войту“, не ожидая его, двинулись сами въ дальнѣйшій путь, заставивъ его догонять ихъ, за что „какими словами онымъ урядникамъ онъ войтъ выговаривалъ, таками взаимно словами и они войту съ неучтивостію же выговаривали, а брани никакой не было“... При этомъ писарь Давидовскій, по словамъ войта, самъ похвалялся, что вернется обратно въ Кіевъ; по словамъ же урядниковъ, войтъ приказывалъ писарю вернуться.

Подъ г. Мценскомъ произошло столкновеніе обозныхъ служителей съ мѣстными крестьянами. Кто то изъ извощиковъ Прилуцкаго разобралъ на дрова чужой овинъ. Собравшіеся крестьяне хотѣли было уже тащить нашихъ кіевлянъ въ городъ къ воеводѣ. По словамъ Сычевскаго, „до такого худа“ привелъ дѣло это Давидовскій по своей горячности, войтъ же „тотчасъ оной шумъ и смятеніе уговорилъ и успокоилъ“, но при этомъ назвалъ Давидовскаго предъ крестьянами своимъ писаремъ, „а не командиромъ того обозу“, чѣмъ и обидѣлъ писаря, который „укорительно войту выговаривалъ: я здѣсь съ тобою равенъ, а признаю тебя только въ магистратѣ за войта; а что ты штабъ-офицеръ—мнѣ въ томъ нужды нѣтъ“.

Подъѣзжая къ Москвѣ, лавникъ Александровичъ предложилъ всей компаніи кіевлянъ заѣхать въ Даниловъ монастырь къ игумену, съ которымъ онъ былъ знакомъ и имѣлъ къ нему письмо. Разсчитывая найти въ монастырѣ удобный ночлегъ для всего обоза, депутаты отправили Александровича впередъ, и онъ дѣйствительно приготовилъ имъ квартиру; но войту она показалась крайне неудобною и онъ самъ себѣ нашелъ другую—въ слободѣ у діакона и остановился тамъ отдѣльно отъ прочихъ. Это подало поводъ ко взаимной перебранкѣ. Въ г. Торжкѣ Давидовскій, Кулешъ и Александровичъ заѣзжали къ архимандриту въ монастырь, гдѣ и ночевали; войтъ же съ обозомъ, не ожидая ихъ, поѣхалъ дальше, за что они послѣ бранили Прилуцкаго—зачѣмъ де онъ послушался войта и безъ нихъ тронулся въ путь.

Словомъ, вся дорога прошла не спокойно. Брань была взаимная: войтъ, изображая изъ себя командира, постоянно сер-

дился и бранилъ своихъ спутниковъ, а тѣ въ долгу не оставались.

Прибывъ въ Москву, войтъ прежде всего запечаталъ своею печатью ящикъ съ деньгами, хранившійся у Кулеша, и, вопреки постановленію магистрата, уполномочившаго производить надлежащіе расходы лавника Александровича и урядника Прилуцкаго, приказалъ „безъ вѣдома и приказу его, войта, тѣхъ денегъ никуда не употреблять". Находя же, что имѣвшихся у нихъ денегъ недостаточно для предстоящаго жительства въ Петербургѣ и возвращенія въ Кіевъ, войтъ, съ общаго согласія, занялъ на счетъ магистрата 500 рублей у архимандрита Новоспасскаго монастыря Мисаила, который, по словамъ Сычевскаго, „по подпису однихъ урядниковъ на ономъ обликѣ не утвердился" и выдалъ деньги только тогда, когда обликъ былъ подписанъ войтомъ. Подобнаго рода обстоятельства Сычевскій подчеркивалъ, какъ доказательство того, что всѣ молъ люди естественно признавали его первенствующее значеніе, какъ „командира".

Въ г. Твери Сычевскій оставилъ своихъ спутниковъ съ обозомъ и, взявши съ собой одного Прилуцкаго, поѣхалъ впередъ, чтобы, какъ онъ объяснялъ,—прибывъ раньше въ Петербургъ, пріискать тамъ удобную для всей депутаціи квартиру съ хорошимъ погребомъ „къ постановленію проваженного на презентъ отъ магистрата къ высочайшему двору и кому надлежало венгерскаго вина, дабы до отдачи выстояться и послѣ пути исправиться могло". Такую квартиру съ каменнымъ погребомъ и нашелъ онъ въ домѣ грузинскаго царевича Александра Бакаровича, на Милліонной улицѣ вблизи высочайшаго двора.

Когда же прибыли въ Петербургъ и урядники съ обозомъ, то, по словамъ войта, „по одному лишь своему упрямству стали особливо сами собою въ самой негодной квартирѣ и вино поставили тамъ же въ ледникѣ, которое чрезъ то и совсѣмъ испортиться могло бы, ежели бы долговременно продержалось". Козьма Кулешъ, явившись къ войту, упрекалъ его „неучтиво" за наемъ особой квартиры, а войтъ его за это „взаимно репремандовалъ".

Затѣмъ войтъ нанялъ новую квартиру для себя и для урядниковъ у придворнаго коммиссара Василія Вельяминова, но и туда урядники переселиться не захотѣли. Такъ войтъ и оставался съ женою на особой квартирѣ, отдѣльно отъ депутатовъ.

Хожденія свои начали депутаты съ генералъ-прокурора Александра Ивановича Глѣбова, которому и заявили, что они желаютъ быть представленными государю и при поднесеніи отъ города „презента" подать прошеніе о подтвержденіи жалованныхъ городу грамотъ и привилегій. Глѣбовъ назначилъ имъ время, когда они должны явиться во дворецъ, но относительно прошенія совѣтовалъ подать его не лично государю, а въ прав. сенатъ.

Начался выборъ презента по магазинамъ, при чемъ между войтомъ и урядниками происходили несогласія и ссоры. Руководителемъ въ этомъ выборѣ явился придворный камердинеръ Степанъ Андріевскій, старый знакомый и землякъ кіевлянъ. Остановились, наконецъ, на фарфоровомъ сервизѣ, который и былъ купленъ 3-го мая у купца Погонполя. При этой покупкѣ произошла крупная перебранка Сычевскаго съ Давидовскимъ. Войтъ, желая и здѣсь показать себя „командиромъ", приказалъ писарю составить записку о покупкѣ, а писарь „по всегдашней завзятости сурово кричалъ на войта, сказывая: мнѣ де не должно по такимъ дѣламъ записокъ чинить". По словамъ Сычевскаго, онъ при этомъ писаря не бранилъ, а только „сказывалъ ему: я по прошенію твоему хлѣбъ тебѣ писарской далъ и за таковое благодѣяніе не точію долженъ ты во всѣхъ повелѣніяхъ, яко командира, слушаться, но по примѣру честныхъ людей за оное благодѣяніе портретъ мой имѣть". Видно, эти послѣднія слова были особенно обидны Давидовскому, такъ какъ впослѣдствіи, при перечисленіи разныхъ обидъ, нанесенныхъ войтомъ всѣмъ урядникамъ, особою статьею упомянулъ, что де войтъ „ему, писарю, выговаривалъ, что онъ долженъ его войта имѣть у себя портретъ".

Наконецъ, депутація была представлена государю, „презентъ" принятъ ко двору, а имѣвшееся въ рукахъ писаря магистратское прошеніе такъ и осталось не поданнымъ. Урядники

винили въ этомъ войта, который сдѣлалъ это по своему „недоброхотству“, а войтъ, ссылаясь на совѣтъ Глѣбова, утверждалъ, что и сами урядники не имѣли въ виду подавать это прошеніе на аудіенціи лично государю. Опять поѣхали къ Глѣбову совѣтоваться о томъ, какъ бы имъ все таки подать привезенное прошеніе государю. Глѣбовъ, прочитавши прошеніе, по словамъ войта, отказался посредничать въ подачѣ его и совѣтовалъ имъ искать другаго посредника. Урядники видѣли, что войтъ, уклоняясь всячески отъ подачи этого прошенія, терялъ только время въ разъѣздахъ по разнымъ вліятельнымъ лицамъ. Обращались они всѣ вмѣстѣ и къ кабинетному секретарю Волкову, прося его подать ихъ прошеніе государю, презентовали ему при этомъ и анталъ венгерскаго вина, но успѣха не имѣли. Урядники и здѣсь усматривали происки войта, который отдалъ Волкову прошеніе „подъ видомъ усмотренія, а самимъ дѣломъ для удержанія онаго“. Нѣсколько разъ затѣмъ они ходили безъ войта къ Волкову, но ни резолюціи по прошенію, ни самаго прошенія обратно не получили.

Между тѣмъ 20-го мая послѣдовалъ именной высочайшій указъ о бытіи городу Кіеву „въ точной и полной командѣ гетмана“ [1])...

---

[1]) Высочайшій указъ Императора Петра III-го гетману Разумовскому о бытіи кіевскому магистрату въ его командѣ данъ 5-го іюля 1762 г.:

„Въ имянномъ Нашемъ за подписаніемъ собственныя нашея руки указѣ, мая 20-го дня сего 1762 года Сенату данномъ, написано: всеподданнѣйше представлено намъ отъ гетмана малороссійскаго графа Разумовскаго, что магистратъ кіевскій, такъ какъ и всѣ протчихъ малороссійскихъ городовъ магистраты были до сего у всѣхъ его антецессоровъ, гетмановъ малороссійскихъ, въ точномъ гетманскомъ вѣденіи и командѣ, а въ небытность гетмановъ во всѣхъ тѣхъ малороссійскихъ мѣстахъ, гдѣ протчіе магистраты вѣдоми были, а въ прошломъ году Сенатъ исключилъ помянутой магистратъ совсѣмъ отъ гетманской команды, сверхъ же того магистратъ кіевскій исходатайствовалъ себѣ въ Сенатѣ, имѣя немалые доходы и деревни, въ которыхъ онъ отчету никуда не отдаетъ, увольненіе отъ всѣхъ общенародныхъ малороссійскихъ податей, защищаяся привилегіями королей польскихъ такими, каковыя и протчіе малороссійскіе города имѣютъ, а напослѣдокъ для собственнаго своего прибытка и козаковъ, которые поселеніе въ Кіевѣ издревле имѣютъ . . . . . своими Сенатскимъ же указомъ повеля . . . . . . домы, земли и всѣ свои старинныя жилища, выслать изъ города Кіева въ совершенное разореніе, что видя теперь протчіе жители по вольности своего перехода, дабы избѣжать имъ податей, бѣгутъ

Сычевскій, принесшій 23 мая копію этого указа къ своимъ товарищамъ, по словамъ ихъ „похвалялся и палочьемъ бить ихъ, сказуя: что я желалъ, то и получилъ“.

Не отрицая этихъ послѣднихъ словъ, войтъ впослѣдствіи объяснялъ лишь, что сказалъ ихъ „въ томъ разумѣніи, что въ ономъ указѣ между прочимъ повелѣно о магистратскихъ доходахъ и расходахъ рощеты учинить“.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что насколько были огорчены послѣдовавшимъ указомъ кіевляне депутаты, настолько обрадовался ему войтъ, уже не одинъ разъ успѣвшій представиться новой своей „высшей командѣ“, т. е. гетману.

Но какъ ни были обезкуражены магистратскіе урядники такимъ оборотомъ дѣла, они, какъ видно, питали еще нѣкоторую надежду на возможность отмѣны огорчившаго ихъ указа, послѣдовавшаго не по докладу пр. Сената, а прямо изъ кабинета, и потому настойчиво просили войта продолжать съ ними „хожденіе“ по этому дѣлу. Но войтъ, не сочувствуя урядникамъ вообще въ ихъ стремленіяхъ, рѣшительно заявилъ, что „опасенъ

на поселеніе въ мѣщанство кіевское и въ мѣста, сему магистрату принадлежащія, и тѣмъ не токмо . . . . . въ правленіи гетманскомъ нарушенъ . . . . . малороссійскому народу слѣдуетъ отягощеніе. Того ради симъ нашимъ указомъ всемилостивѣйше повелѣли мы: 1-е магистрату кіевскому быть въ точной и полной гетманской командѣ такъ, какъ протчихъ малороссійскихъ городовъ магистраты состоятъ, 2-е ему же гетману препоручается вѣдать всѣ ихъ магистратскія учрежденія и доходы, дабы войтъ со всѣмъ магистратомъ и мѣщанами поступали по его гетманскимъ повелѣніямъ и отдавали во всемъ отчетъ кому отъ гетмана малороссійскаго приказано будетъ, 3-е отъ общенародныхъ повинностей таковыхъ, каковыя имянно въ магистратскихъ привилегіяхъ не изображены, и располагаются на весь народъ малороссійской безъ исключенія, магистратъ кіевскій не исключать и въ ревизію такъ какъ и протчихъ обывателей малороссійскихъ писать. не обходя никого изъ магистратскихъ, и предается все вышепомянутое на доброе учрежденіе гетмана, а кіевской губернской канцеляріи ничѣмъ до магистрата не касаться, 4-е сотника и козаковъ кіевскихъ изъ города Кіева не выводить и остаться имъ въ Кіевѣ на прежнихъ ихъ старинныхъ жилищахъ при всѣхъ козацкихъ тамо дозволенныхъ имъ вольностяхъ; и во исполненіе онаго нашего всемилостивѣйшаго указа въ нашемъ Сенатѣ опредѣлено: о бытіи кіевскому магистрату въ точной и полной гетманской командѣ и о чиненіи впротчемъ во всѣмъ непремѣнного исполненія по оному имянному нашему высочайшему указу изъ нашего Сената послать къ вамъ, нашему гетману, грамоту, а въ кіевскую губернскую канцелярію и въ кіевскій же магистратъ указы“.

тое учинить", чтобы подать самому государю прошеніе объ отмѣнѣ только что даннаго имъ указа. Ходили они совѣтоваться и къ старому знакомому кіевлянъ сенатору Костюрину, который, прослуживъ въ Кіевѣ съ 1753 по 1758-й годъ и въ званіи вице-губернатора управляя губерніей, хорошо зналъ кіевскія городскія дѣла и отношенія. Костюринъ сказалъ имъ, что де „опасно надъ оной имянной указъ просить", при чемъ, по словамъ Сычевскаго, говорилъ, между прочимъ, обращаясь къ урядникамъ: „а вы, бурмистры и райцы, о расходахъ магистратскихъ, о коихъ я знаю довольно, не можете ничѣмъ оправдаться, только возьмите сумку на плечи, и, положа каменья, въ Кіевѣ изъ мосту въ Днѣпръ бросайтесь". По словамъ же урядниковъ, Костюринъ, когда они были у него въ другой разъ одни безъ войта, совѣтовалъ имъ прибѣгнуть для подачи прошенія государю къ посредничеству генерала Мельгунова и оберъ-маршала Нарышкина, „а отъ Сената де докладомъ взнесено будетъ". Но войтъ рѣшительно отказался отъ подачи прошенія, какъ лично государю, такъ и въ пр. Сенатъ. Между тѣмъ, послѣ объявленнаго высочайшаго указа 20-го мая, необходимо было и всей депутаціи явиться къ гетману Разумовскому, какъ къ своей „вышней командѣ". При этомъ представленіи, по словамъ войта, гетманъ, принимая его отдѣльно отъ другихъ въ своей спальнѣ, говорилъ ему съ укоромъ: „я не надѣялся по твоему штабъ-офицерскому чину, чтобы ты, увѣряясь на одни мнимыя на удачу кіянъ прошенія, отважился представить въ Сенатъ о небытіи подъ командою моею городу Кіеву, какъ то учинилъ ты въ 1760-мъ году". Когда же войтъ сталъ просить у гетмана себѣ „впредь милости и респекту", то гетманъ „сказывалъ командирскимъ повеленіемъ, чтобъ онъ, войтъ, поосторожнѣе и рачительнѣе поступалъ, какъ штабъ-офицеру надлежитъ". Вышедши же изъ спальни въ пріемную, гдѣ находились депутаты, гетманъ выразилъ имъ свое неудовольствіе и грозилъ: „слушайте вы, кіяне,—ежели впредь будете шалить, то я съ вами не такъ уже буду поступать".

Этотъ „репримандъ" былъ, надо полагать, для магистратскихъ урядниковъ тѣмъ чувствительнѣе, что здѣсь же находился

тогда и давній врагъ магистрата кіевскаго, бывшій сотникъ кіевскій, теперь эсаулъ Павелъ Гудимъ, который могъ торжествовать, видя униженіе магистратскихъ депутатовъ. Въ заключеніе аудіенціи гетманъ приказалъ кіевлянамъ, не мѣшкая въ столицѣ, отправляться во свояси немедленно. Такое же приказаніе „съ угроженіемъ" повторилъ онъ и войту, когда тотъ вновь явился къ нему по должности. Тогда же гетманъ приказалъ генеральному писарю Туманскому изготовить на имя магистрата ордеръ о присылкѣ къ гетману копій со всѣхъ жалованныхъ городу Кіеву грамотъ и привилегій, каковой ордеръ и данъ былъ 12-го іюня.

Когда магистратскіе урядники шли представляться гетману, то войтъ настаивалъ, чтобъ они не надѣвали своихъ сабель, съ которыми имѣли обыкновеніе являться въ парадныхъ случаяхъ. Это ношеніе урядниками сабель порицала находившаяся при гетманѣ старшина, а подскарбій Гудовичъ ставилъ это даже въ вину самому Сычевскому, который де долженъ запретить урядникамъ ношеніе сабель; урядники же, видя въ этомъ нарушеніе правъ своихъ и проявленіе лишь „недоброхотства" войтовскаго, говорили, что еслибъ даже кто изъ войсковой старшины и упоминалъ объ этомъ, то войтъ „не токмо такова указу имъ, чиновникамъ, чинить не долженъ, но еще, яко градоначальникъ, за нихъ въ томъ и обстаивать долженъ". Не смотря на запрещеніе войта, урядники продолжали носить въ столицѣ сабли свои, по мнѣнію войта, „не для чего иного, какъ точно для честолюбія своего отъ незнающихъ людей простой ихъ, урядниковъ, породы и достоинства".

12-го іюня писарь Давидовскій получилъ изъ походной канцеляріи гетмана вмѣстѣ съ упомянутымъ выше указомъ о присылкѣ копій и паспортъ для всѣхъ депутатовъ на обратный путь. Депутаты вынуждены были подчиниться и, прекративъ всякія попытки подать прошеніе объ освобожденіи города отъ гетманской команды, оставили столицу.

Возвращаясь домой съ такимъ гостинцемъ, съ такою горькою пилюлею магистрату кіевскому, какъ указъ 20-го мая, озлобленные депутаты и въ этомъ обратномъ пути то и дѣло

ссорились съ войтомъ. Прибыла депутація въ Кіевъ въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Не дешево обошлась городу эта печальная поѣздка депутатовъ. Наличными деньгами поглотила она 2200 р., да издержали на венгерское и волоское вино 661 р. 31 к., а на какую сумму взято было „харчевыхъ припасовъ"—неизвѣстно [1]).

Въ расходованіи этихъ денегъ, надо думать, всѣ были одинаково грѣшны, хотя въ злоупотребленіяхъ винили войтъ урядниковъ, а урядники войта, когда имъ пришлось впослѣдствіи давать показанія объ этихъ расходахъ въ качествѣ „сторонъ". Урядники заявляли, что войтъ, выѣхавши раньше другихъ въ Глуховъ, сдѣлалъ въ Нѣжинѣ для себя нѣкоторыя покупки на 14 р. и велѣлъ этотъ расходъ внести въ реестръ на счетъ магистрата, а затѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ магистратскія деньги расходовались де только по приказу войта, при чемъ „сверхъ вымышляемыхъ имъ по прихотямъ своимъ для собственнаго своего употребленія покупокъ, яко то французскаго хлѣба, барабантской оливы, живой рыбы и ренскаго уксусу, на самой ему въ Москвѣ и Петербургѣ наемъ лошадей, на починку коляски и на мазь оной тѣхъ магистратскихъ денегъ издержано не мало; а при томъ войтъ, стоя въ С.-Петербургѣ съ женою своею, до отъѣзду ея оттоль, особливою квартирою, велѣлъ покупать и въ ту квартиру особливые харчи; да и въ возвратномъ пути по прибытіи въ Москву не сталъ купно въ одной съ чиновниками квартирѣ, какая довольно для всѣхъ вмѣстительна была, сыскавъ себѣ особливую, велѣлъ также и въ ту особливые жъ покупать харчи; съ припасовъ же, отъ магистрата данныхъ, войтъ приватнымъ персонамъ пораздавалъ и какъ хотя надъ тѣми припасами сбытковалъ;—бывшему въ С.-Петербургѣ дядѣ своему бунч. тов. Ивану Миклашевскому ежечасто какъ горѣлку, такъ и сало давалъ; къ тому жъ приватныхъ своихъ гостей какъ пищею, изъ магистратскихъ денегъ купленною, такъ и волоскимъ магистратскимъ виномъ довольствовалъ,

[1]) Въ числѣ ихъ были, между прочимъ, грибы, которые покупались тогда, въ Кіевѣ по 3 р. 30 коп. за тысячу. Грибы эти, „презентовались" разнымъ лицамъ очевидно, какъ лакомый кіевскій гостинецъ.

а при томъ нѣсколько разъ, будучи въ гостяхъ, и оттоль къ ур. Прилуцкому за тѣмъ волоскимъ виномъ присылалъ". Этого злополучнаго Прилуцкаго, завѣдывавшаго „харчевыми припасами", войтъ въ Петербургѣ „почти всякой день бранилъ и безчестилъ, называя плутомъ и прочими неудобосносными словами".

Сычевскій же въ свою очередь заявлялъ, что онъ, желая именно воздержать урядниковъ отъ излишнихъ расходовъ, дѣйствительно въ Петербургѣ „многократно напоминалъ" Прилуцкому за то, что „урядникамъ еженедѣльно всякому по погребцу водки наливаетъ и сахаръ выдаетъ со излишествомъ, да на харчи и на покупку полпива ежедневно издерживаетъ много излишнихъ денегъ, и что они урядники на себя партикулярно издержатъ, то въ расходъ магистратскій ставятъ, и онъ Прилуцкій принимаетъ и вноситъ въ реестръ безъ вѣдома войтова; но какъ Прилуцкій всегда отговаривался, что то все дѣлать повелѣваютъ съ угроженіемъ урядники, то войтъ нѣсколько кратъ его перво репремандовалъ, а потомъ, видя его упрямство и въ повелѣніи неисполненіе, называлъ плутомъ и бранилъ временно, а не ежеденно".

Противъ обвиненій урядниковъ войтъ заявлялъ, что вообще на свое содержаніе онъ пользовался магистратскими деньгами и припасами только „съ вѣдома и согласія" урядниковъ, которые „со излишествомъ противъ него" на себя расходовали. Относительно же раздачи грибовъ разнымъ лицамъ, въ чемъ упрекали его урядники, Сычевскій обстоятельно показалъ, что роздалъ онъ ихъ все болѣе или менѣе нужнымъ, вліятельнымъ лицамъ [1]). Войтъ не отрицалъ, что посылалъ водку и сало родичу своему Миклашевскому, но послалъ то за всю бытность свою въ Петербургѣ не болѣе 4 штофовъ водки и до 20 кусковъ сала и дѣлалъ это „не безъ резону и не во излишность

---

[1]) Такъ дано было 500 грибовъ полковницѣ Чичериной потому, что дядя ея генералъ-маіоръ Ник. Ив. Чичеринъ, состоявшій тогда въ Кіевѣ оберъ комендантомъ, „находился въ правленіи кіевск. губ. канцеляріи и въ случающихся требованіяхъ магистратскихъ благопріятствовалъ"; 500 шт. дано архим. Мисаилу „за одолженіе имъ въ заемъ на счетъ магистрата 500 рублей", надворному совѣтнику Ладыгину

магистратскаго расходу“, а имѣлъ на это право, такъ какъ лично для себя не бралъ магистратской водки, которою пользовались другіе депутаты, а употреблялъ всегда собственную водку и вишневку, которыми и урядниковъ „ежечасто почтовалъ и никакого отъ нихъ зачету не требовалъ“; если же для гостей своихъ иногда и требовалъ чего либо изъ „харчей“ магистратскихъ, то и урядники угощали всегда своихъ гостей тѣми же харчами. Сычевскій указалъ и на то, что онъ самъ часто бывалъ и обѣдалъ въ гостяхъ, и уже по этому де одному на содержаніе его расходъ былъ незначителенъ. Такъ, почти ежедневно онъ бывалъ на обѣдѣ у грузинскаго царевича Леона Бакаровича и вотъ сюда то однажды онъ и потребовалъ, по просьбѣ царевича, волоскаго вина изъ магистратскаго запаса, „яко въ Петербургѣ волоскаго вина не имѣлось“, да и выдалъ его Прилуцкій всего бутылокъ шесть.

Урядники обвиняли войта въ томъ, что онъ, взявши съ собой жену съ женской прислугой, тѣмъ самымъ увеличилъ дорожные расходы на лошадей, а затѣмъ отправилъ изъ Петербурга жену отдѣльно, раньше чѣмъ выѣхалъ самъ, тоже на магистратскій счетъ. Войтъ же утверждалъ, что для жены своей нанималъ подводы въ оба пути на собственныя свои деньги, на свой счетъ и продовольствовалъ: „точію когда урядники хотя и малую какую склонность являютъ было къ войту, то онъ, войтъ съ женою и со оными урядниками вмѣстѣ по согласію изъ магистратскихъ припасовъ харчи обще употребляли, и въ такомъ случаѣ люди, въ томъ числѣ и женска полу три души, около войта кормились вмѣстѣ съ партикулярными оныхъ урядниковъ служительми; когда же не согласны были, то войтъ съ женою своею больше своими харчами кормились, но и въ таковыхъ случаяхъ они, урядники, а паче расходчикъ Прилуцкій, приходя къ войту, не единожды объявлялъ, чтобъ онъ войтъ

дано 500 „по прошенію у войта и у оныхъ урядниковъ“; дворецкому кн. Долгорукой (а не самой княгинѣ, какъ говорили урядники) Мелетію Витвицкому дало 500 „за угощеніе имъ войта и оныхъ урядниковъ по знаемости“. Не упомянулъ войтъ лишь о тысячѣ грибовъ, розданной имъ въ Москвѣ „на съѣзжей полицмейстерскимъ офицерамъ, когда просилъ о поворованныхъ у него служанкою егожъ деньгахъ“.

бралъ магистратскіе припасы для себя и для людей своихъ безъ сумнѣнія".

Урядники же пользовались магистратскими подводами „съ излишествомъ", взявши съ собой изъ Кіева напр. Александровичъ—кадку масла, да вина волоскаго и водки нѣсколько боченковъ „для собственного своего презенту", а Прилуцкій—для продажи „табакъ папушной".

Вообще, надо думать, обѣ стороны не особенно то щадили „коштъ магистратской" въ этой поѣздкѣ, доставившей городу Кіеву лишь такой печальный сюрпризъ, какъ предоставленіе его „въ точную и полную команду" гетмана.

А. Андріевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВОЛЫНСКІЙ ВОПРОСЪ 1097–1102 Г. [1]

Предметъ настоящей работы составляютъ взаимныя отношенія южнорусскихъ князей конца XI и начала XII в. Предметъ, конечно, очень не новый: любечскій съѣздъ, ослѣпленіе Василька, волынская война 1098—1099 г., увѣтичскій съѣздъ съ его ближайшими послѣдствіями—всѣ эти факты, объединяемые мною подъ общимъ именемъ „волынскаго вопроса", такъ какъ вопросъ о владѣніи Волынью составляетъ тотъ центральный пункъ, къ которому привели и около котораго сгруппировались современныя княжескія отношенія—эти факты хорошо извѣстны, благодаря своему интересу, драматизму, богатству подробностей, и обстоятельно излагаются во всякомъ сколько нибудь подробномъ курсѣ исторіи. Но нельзя сказать, чтобы эти факты, при всей своей общеизвѣстности, были вполнѣ понятны, была ясна ихъ зависимость и связь относительно предшествующаго и послѣдующаго. Взаимныя, напримѣръ, цѣлованія князей въ Любечѣ и послѣдовавшее ослѣпленіе Василька; единодушный взрывъ негодованія при вѣсти объ этомъ преступленіи и затѣмъ—передача Волыни Святополку и намѣреніе „братьи" лишить волости самого пострадавшаго—Василька; первенствующая роль Мономаха въ началѣ этихъ событій и странное,

---

[1]) Первоначально содержаніе этой работы входило, какъ эпизодъ, въ мою „Исторію Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV в.", которая печатается одновременно съ этимъ; но затѣмъ я счелъ за лучшее выдѣлить этотъ эпизодъ и дать ему самостоятельное бытіе, чтобы имѣть возможность подробнѣе обосновать и развить проводимые относительно него взгляды, чего нельзя было сдѣлать въ рамкахъ упомянутой „Исторіи".

пассивное положеніе его въ дальнѣйшемъ теченіи вопроса—эти факты, какъ они передаются въ источникахъ, являются неожиданными, непонятными. Перипетіи событій въ источникахъ часто не мотивированы, или мотивированы недостаточно, фальшиво, большая же часть ученыхъ, излагая эти событія, обыкновенно скользитъ, такъ сказать, по поверхности извѣстій, не подвергая ихъ болѣе глубокому анализу. Если же были высказываемы относительно ихъ справедливыя соображенія, то и они не всегда принимались въ разсчетъ послѣдующими изслѣдователями и не содѣйствовали въ должной мѣрѣ правильному пониманію событій. Между тѣмъ правильная оцѣнка этихъ событій и сама по себѣ представляетъ научный интересъ, и важна въ томъ отношеніи, что отъ нея получаетъ то или иное освѣщеніе вся вообще княжеская политика того періода и личности участниковъ этихъ событій, крупныхъ историческихъ дѣятелей того времени.

Существенный вопросъ въ данномъ случаѣ—вопросъ объ источникахъ. Для изученія волынскаго вопроса существуетъ ихъ нѣсколько. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ сказаніе нѣкоего Василя, включенное въ Начальную лѣтопись [1]). Можно колебаться въ опредѣленіи предѣловъ этого сказанія; наиболѣе вѣроятно, что оно обнимаетъ собою разсказъ о событіяхъ отъ любечскаго съѣзда до конца волынской войны [2]). Написано

[1]) О немъ спеціальная работа г. Хрущова: „Сказаніе о Василькѣ Ростиславичѣ“ въ „Чтеніяхъ историческаго общества Нестора“. I, стр. 44 сл., потомъ вошедшая въ его книгу „О древнерусскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ“. 1878 г., стр. 31 сл.

[2]) Кончая словами: „а Володимеръ вда сынови своему Ярославу“ (Лаврент. лѣт., изд. 1872 г., стр. 264). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 22) склоняется къ тому предположенію, что Василю принадлежитъ не весь разсказъ о Василькѣ; но разсказъ собственно о волынской войнѣ носитъ также ясныя черты отдѣльнаго сказанія, а какихъ либо слѣдовъ спайки его со сказаніемъ объ ослѣпленіи Василька не замѣтно. Наоборотъ Погодинъ предполагалъ за сочиненіемъ Василя гораздо большіе размѣры, приписывая ему же нѣкоторыя вставныя извѣстія со смерти Всеволода, въ томъ числѣ и извѣстный разсказъ о борьбѣ Олега съ Мстиславомъ (1096 г.) (см. его Хронологическій указатель древн. русск. исторіи въ Ученыхъ Зап. Академіи, VII, I, стр. 74—80). Г. Хрущовъ описанія любечскаго съѣзда не причисляетъ къ сказанію (Чтенія, стр. 55).

оно, повидимому, въ промежутокъ между 1112 г. (смерть Давыда Игоревича) и 1124 (смерть Василька), слѣдовательно спустя лѣтъ пятнадцать — двадцать послѣ описываемыхъ событій [1]). Авторомъ его было лицо, какъ видно, близкое къ Васильку [2]) и дому Всеволода, но ближе намъ неизвѣстное. Другой источникъ—погодныя записи, вошедшія также въ составъ Начальной лѣтописи; четыре краткія записи относятся къ событіямъ 1098—99 г., описываемымъ въ Сказаніи, но онѣ не зависятъ отъ него: такъ въ записяхъ приведена точная дата смерти Мстислава Святополковича, отсутствующая въ Сказаніи, судя по этой же датѣ и общему характеру записей, надо думать, что онѣ приблизительно современны описываемымъ событіямъ. И сказаніе,

---

[1]) Говоря о переводѣ Давыда въ Дорогобужь, авторъ Сказанія прибавляетъ: „в немже и умре", а о Василькѣ замѣчаетъ: „и есть та рана на Василкѣ и нынѣ" (Лаврент. лѣт., стр. 251 и 263), см. упомянутую статью г. Хрущова въ Чтеніяхъ, стр. 58. Надо, впрочемъ, замѣтить, что это упоминаніе о смерти Давыда находится въ самомъ концѣ Сказанія, который очень сходенъ съ заключительными словами лѣтописнаго разсказа объ увѣтичскомъ съѣздѣ: „даша ему Дорогобужь, в немже и умре, а Святополкъ перея Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава" (Сказаніе), „и посемь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в немже и умре, а Володимеръ вда сынови своему Ярославу" (лѣтопись)—Лавр. л. с. 263 и 264, Ипатск. стр. 179 и 181. Совпаденіе это, конечно, не случайное и должно быть объяснено заимствованіемъ; я думаю, что заимствовалъ составитель лѣтописной записи, потому что слова—„Святополкъ перея" и пр. въ Сказаніи являются необходимымъ заключеніемъ о послѣдующей судьбѣ Волыни (другое обстоятельство въ пользу такого заключенія будетъ приведено ниже). Противоположное мнѣніе было высказано Погодинымъ въ упомянутомъ „Хронологическомъ указателѣ" (стр. 81).

Нѣкоторые ученые обратили вниманіе на то обстоятельство, что Сказаніе говоритъ о характерѣ Мономаха въ прошедшемъ времени: „Володимеръ бо такъ бяше любезнівъ, любовь имѣя к митрополитомъ"..; въ Ипатской лѣт. (изд. 1871 г., стр. 172): „Володимеръ же такъ есть любьзнивъ", но дальше слѣдуютъ прошедшія времена: „и приходящая к нему напиташе и напояше". Это подало поводъ къ предположенію, что этотъ отзывъ сдѣланъ уже послѣ смерти Мономаха (1125 г.)—см. Monumenta Poloniae histor. Бѣлевскаго, I, p. 526 и у К. Н. Бестужева-Рюмина, О сост. р. лѣт., стр. 30. Собственно прошедшее время не можетъ служить рѣшительнымъ аргументомъ, (авторъ могъ говорить о Мономахѣ и при жизни его въ прошедшемъ времени, съ точки зрѣнія описываемыхъ событій), но нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что Сказаніе позже подверглось нѣкоторымъ добавленіямъ и измѣненіямъ.

[2]) Г. Хрущовъ справедливо замѣчаетъ, что многое Василь описалъ со словъ самого Василька (Чтенія, стр. 60).

и записи, кромѣ Начальной лѣтописи, переданы затѣмъ и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ съ нѣкоторыми варіантами и добавленіями; варіанты и добавленія встрѣчаются также и въ польскихъ сводахъ, основывавшихся на русскихъ лѣтописяхъ, какъ Длугоша, Стрыйковскаго [1]). Нѣсколько краткихъ извѣстій, относящихся къ нашему вопросу, находится въ поученіи Мономаха и, наконецъ, въ Печерскомъ Патерикѣ, въ житіяхъ св. Прохора, Василія и Ѳеодора.

Изучая и сравнивая извѣстія нашихъ источниковъ, я пришелъ къ убѣжденію, что главный источникъ—Сказаніе, которому слѣдуютъ до настоящаго времени ученые въ изложеніи и оцѣнкѣ описываемыхъ въ немъ событій, — это сказаніе, при всѣхъ своихъ литературныхъ достоинствахъ, въ противность господствующему мнѣнію, не безукоризненно, какъ историческій источникъ. Въ общемъ на фактическую сторону его можно положиться—авторъ стоялъ близко къ описываемымъ событіямъ и дѣятелямъ и имѣлъ о нихъ достаточно свѣдѣній, но освѣщеніе, мотивы, которые даетъ онъ по временамъ (въ другихъ случаяхъ изложеніе Сказанія объективно и личность автора мало выступаетъ) — иногда сомнительны. Во первыхъ, авторъ — въ значительной степени моралистъ, онъ съ особенною любовью останавливается на эпизодахъ, которые могутъ дать читателю нравственный урокъ [2]), и въ этихъ видахъ, можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сгущаетъ или смягчаетъ краски; во вторыхъ, онъ переноситъ на описываемое время въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно безсознательно, условія позднѣйшія, современныя его авторству. Онъ слишкомъ расположенъ къ Мономаху, рисуетъ въ его лицѣ идеалъ правды, любви, патріотизма, и даетъ ему слишкомъ первенствующую роль въ

[1]) Впрочемъ эти добавленія сводовъ, русскихъ и польскихъ, въ большинствѣ— просто домыслы составителей.

[2]) Такой поучительный характеръ имѣютъ, напримѣръ: разсказъ объ ужасѣ князей при вѣсти объ ослѣпленіи Василька, похвала Мономаху, разсказъ о казни Ростиславичами Давыдовыхъ бояръ (се же второе мщенье створи, его же не бяше лѣпо створити и пр.), о битвѣ на Рожни полѣ; подобныхъ примѣровъ или менѣе ясныхъ можно привести и больше.

событіяхъ, потому что смотритъ на него съ точки зрѣнія послѣдующаго времени, когда Мономахъ былъ окруженъ ореоломъ славы и популярности, былъ дѣйствительно первымъ человѣкомъ на Руси. Относительно описываемаго времени такой взглядъ, по моему мнѣнію, въ значительной степени несправедливъ: факты, сообщаемые самимъ Сказаніемъ и другими источниками, совершенно ясно показываютъ, что въ описываемыхъ событіяхъ Мономахъ далеко не игралъ такой исключительной роли. Отношенія Мономаха и Святославичей (которые въ Сказаніи стоятъ на второмъ планѣ, въ роли послушныхъ помощниковъ Мономаха) къ Святополку авторъ выводитъ изъ нравственныхъ и патріотическихъ мотивовъ: послѣдующіе факты стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ такими мотивами. Правда, замѣчали по этому поводу, что въ обществѣ мало-культурномъ нравственныя движенія не отличаются устойчивостью, проходятъ быстро, почти безслѣдно, уступая мѣсто личнымъ интересамъ [1]); положимъ, но князья, проливающіе слезы по поводу преступленія Святополка и затѣмъ награждающіе его Волынью, представляютъ все таки такую неожиданную метаморфозу, что невольно приходишь въ сомнѣніе относительно того, дѣйствительно ли нравственные мотивы имѣли такое значеніе, не возникли ли они просто изъ субъективнаго и ретроспективнаго взгляда автора. Опять таки сопоставленіе извѣстныхъ намъ фактовъ должно, по моему мнѣнію, привести къ тому выводу, что дѣйствительные мотивы, руководившіе дѣйствіями князей, были не нравственные, а политическіе, что въ современной политикѣ, въ междукняжескихъ отношеніяхъ можно найти объясненіе многихъ фактовъ этого времени, которые сами по себѣ, при томъ освѣщеніи, какое даютъ имъ источники, являются странными и неожиданными. Чтобы дать возможно справедливое объясненіе и оцѣнку разсматриваемымъ событіямъ, мы устранимъ все то, въ чемъ можетъ быть заподозрено субъективное произведеніе

---

1) Лашнюковъ. Владиміръ Мономахъ и его время, стр. 26 (въ „Пособіи къ изученію русской исторіи критическимъ методомъ. Кіевъ. 1874, раньше въ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1873 г).

автора Сказанія, удержимъ изъ него лишь голый остовъ фактовъ и сопоставимъ полученныя такимъ образомъ данныя съ извѣстіями, очень скудными впрочемъ, другихъ источниковъ и фактами предшествующаго времени. Это сопоставленіе должно вмѣстѣ послужить и оправданіемъ высказаннаго мною взгляда на Сказаніе.

Причины, создавшія конфликтъ конца XI в., глубоко коренились въ общемъ направленіи политики русскихъ князей второй половины этого столѣтія. Политика эта характеризуется по преимуществу собираніемъ земель: эта традиція, завѣщанная предшествующимъ временемъ, долго еще жила въ періодъ удѣльно—вѣчевой и только постепенно ослабѣла и исчезла, наткнувшись на слишкомъ большія препятствія. Благодаря тому, что старшій и сильнѣйшій изъ сыновей Ярослава—Изяславъ—не годился для роли объединителя, собираніе волостей производится сначала тремя старшими Ярославичами сообща, затѣмъ является дуумвиратъ Святослава и Всеволода, который смѣняется дуумвиратомъ Изяслава и Всеволода, и наконецъ собирательною политикою занялся Всеволодъ единолично. Собравъ въ своихъ рукахъ большую половину волостей (Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Смоленскъ, Ростово-Суздальская волость, подъ конецъ еще Новгородъ) и удовлетворивъ сыновей Изяслава (имъ были предоставлены: Новгородъ, Волынь и Туровская земля, но первыя двѣ волости были потомъ ими утрачены), онъ всѣми мѣрами старается уберечь свои владѣнія отъ притязаній изгоевъ—въ этомъ содержаніе его княженія. Политика его своекорыстна и недальновидна. Одного за другимъ надѣляетъ онъ болѣе сговорчивыхъ претендентовъ: такъ, даетъ Давыду Игоревичу Дорогобужъ, потомъ Владиміръ (волынскій), Ростиславичамъ—Червенскіе города, все это на счетъ Изяславова дома, которому принадлежала Волынь; онъ же, вѣроятно, далъ Смоленскъ Давыду Святославичу; за то во чтобы то ни стало старается онъ сохранить за собою Черниговъ и устранить Олега Святославича, главнаго, энергичнѣйшаго претендента. Но эти частныя соглашенія были только палліативами, и умирая, Всеволодъ оставилъ Мономаху свою тяжбу съ племянниками не

оконченною, нерѣшенною; она возобновилась при первомъ удобномъ случаѣ—именно послѣ пораженія Святополка и Мономаха половцами въ 1093 г. Немедленно явился Олегъ съ половцами и принудилъ Мономаха очистить Черниговъ. Затѣмъ, воспользовавшись этимъ временемъ, половцы предприняли рядъ набѣговъ на пограничныя волости; эти набѣги, весьма частые и интенсивные, совершенно связывали руки Мономаху и его единственному союзнику — Святополку. При такихъ условіяхъ дальнѣйшая борьба съ Олегомъ была немыслима, и Мономахъ очень хорошо понималъ это: онъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы разорвать союзъ Олега съ половцами, установить прочныя отношенія къ нему и такимъ образомъ развязать себѣ руки для борьбы съ половцами. Съ этою цѣлью вмѣстѣ съ Святополкомъ они требуютъ, чтобы Олегъ принялъ участіе въ походѣ на половцевъ, чтобы онъ убилъ сына хана Итлара, жившаго у него; послѣ отказа—пытаются повліять на него при помощи общественнаго мнѣнія, приглашая явиться на общій совѣтъ всего населенія, „да порядъ положимъ о Русьстѣй землѣ, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ“ [1]). Послѣ новаго отказа Олега, его лишили черниговской волости, но это опять таки не устраняло затрудненій и обѣщало лишь новыя претензіи и нападенія со стороны Олега. Потому Мономахъ со Святополкомъ, отпуская Олега, берутъ съ него обѣщаніе, что онъ явится съ братомъ Давыдомъ въ Кіевъ на общій совѣтъ. Олегъ все таки не рѣшался отдаться на волю ихъ и задумалъ еще разъ добиваться силою волостей, къ тому же захватъ Мурома, совершенный въ это время сыномъ Мономаха, Изяславомъ, не могъ внушить особеннаго довѣрія къ миролюбію Мономаха. Борьба Олега съ этимъ Изяславомъ и Мстиславомъ Мономаховичемъ кончилась для него опять совершенно неудачно. Но Мономахъ желалъ только прочнаго мира и въ этомъ отношеніи былъ искрененъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Олегу. Послѣдній, наконецъ, сдался и согласился передать свое дѣло на судъ братіи; для рѣшенія его былъ созванъ съѣздъ въ Любечѣ.

---

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 222 (Ипат. лѣт., стр. 160).

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію постановленій этого съѣзда, я еще остановлюсь нѣсколько на отношеніяхъ Мономаха и Святополка. Отъ нашествія половцевъ въ 1093 г. и до любечскаго съѣзда мы видимъ ихъ въ тѣсномъ союзѣ: они помогаютъ другъ другу въ борьбѣ противъ половцевъ, а Святополкъ кромѣ того и въ борьбѣ Мономаха съ Олегомъ, хотя въ вопросѣ объ изгояхъ онъ вовсе, повидимому, не былъ заинтересованъ, такъ какъ не владѣлъ изгойскими волостями; самыя половецкія нашествія 1093—1096 гг., стоявшія, несомнѣнно, въ извѣстной связи съ борьбою Мономаха и Олега, для Святополка въ значительной степени поэтому были на чужомъ пиру похмельемъ. Какимъ образомъ возникъ этотъ союзъ, лѣтописи не объясняютъ; начался онъ помощью Мономаха Святополку въ въ 1093 г. противъ половцевъ; думаю, что Мономахъ, какъ человѣкъ умный, за помощь противъ половцевъ могъ пользоваться помощью Святополка и противъ другихъ своихъ враговъ; можетъ быть и такъ, что Святополкъ за свое содѣйствіе получилъ или имѣлъ получить какое нибудь вознагражденіе. Иное освѣщеніе этимъ отношеніямъ даетъ Татищевскій сводъ; по извѣстіямъ его, Мономахъ былъ приглашаемъ по смерти Всеволода на кіевскій столъ населеніемъ, но отказался отъ него въ пользу Святополка [1]); среди князей Святополкъ не пользовался никакимъ авторитетомъ [2]), „и ежели бы Владиміръ его не охранялъ, то бъ давно Кіева Святославичами лишенъ былъ“. Такимъ образомъ, по этому воззрѣнію, Святополкъ былъ обязанъ Мономаху своимъ столомъ, находился подъ его опекою и долженъ былъ, слѣдовательно, помогать ему изъ благодарности. Такой взглядъ на отношенія ихъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, находимъ потомъ у Карамзина, у Н. Полевого (Карамзинъ прямо заявляетъ, что „только сильная рука Мономаха держала его (Святополка) 20 лѣтъ на престолѣ“) [3]), и въ на-

[1]) Исторія Россійская, т. II, стр. 146.

[2]) „Наложницу свою поялъ въ жену и тако ее любилъ, что безъ слезъ на малое время разлучиться не могъ, и много ея слушая отъ князей терпѣлъ поношеніе, а часто и вредъ съ сожалѣніемъ.“ (Ист. Россійск., II, стр. 211).

[3]) Исторія государ. россійск., II, стр. 84 (изд. 1842 г.). Исторія русск. народа, II, стр. 323—324.

стоящее время онъ является, можно сказать, общепринятымъ, хотя у новѣйшихъ историковъ и не высказывается съ полною опредѣленностью [1]). Но второе извѣстіе Татищева—о претензіяхъ Ольговичей, отъ которыхъ оборонялъ Мономаха Святополкъ—совершенно не согласуется съ тѣмъ, что мы достовѣрно знаемъ объ отношеніяхъ ихъ, а что касается до призванія Мономаха на столъ по смерти Всеволода, то это извѣстіе, пользующееся въ наукѣ значительнымъ довѣріемъ, если и не опровергается, то нисколько и не подтверждается разсказомъ Начальной лѣтописи, тамъ сказано просто: „Володимеръ нача размышляти река: аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко (то) есть столъ преже отца его былъ" [2]). Весьма возможно, что извѣстіе Татищевскаго свода есть тоже результатъ ретроспективнаго взгляда на Мономаха, который я выше отмѣтилъ у автора Сказанія: популярность его въ XII в. перенесъ онъ и на XI в., но популярность эта создалась главнымъ образомъ во время половецкихъ походовъ 1103—1111 гг.; для того, чтобы предполагать ее въ болѣе раннее время, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній. Во всякомъ случаѣ, если бы даже кіевляне приглашали Мономаха на столъ въ 1093 г., для того, чтобы отклонить это предложеніе, не нужно было особеннаго великодушія, а только немного благоразумія. Святополкъ добровольно не уступилъ бы Кіева, а пріобрѣтать новаго врага, имѣя и безъ того въ тылу такого соперника, какъ Олегъ, Мономаху было вовсе не интересно. Все это я говорю къ тому, что нѣтъ основаній думать, будто Святополкъ былъ въ дѣйствительности обязанъ Мономаху и долженъ былъ помогать ему изъ благодарности. Началомъ союза ихъ было, думаю, не отреченіе Мономаха отъ Кіева, а приходъ его на помощь Святополку въ томъ же 1093 г.; въ это время, при первой встрѣчѣ, они „взяста межи собою распря и которы, и уладившася цѣловаста крестъ межи собою" [3]). Этихъ распрь и которъ никакъ

---

[1]) См. впрочемъ Русскую исторію К. Н. Бестужева-Рюмина, I, стр. 165.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 210 (Ипат. лѣт., стр. 152). Подробнѣе объ этомъ въ моей Исторіи Кіевской земли, гл. II.

[3]) Лаврент. лѣт., стр. 211 (Ипат., стр. 153).

нельзя относить къ данному походу, какъ дѣлаютъ нѣкоторые [1]), это видно и изъ контекста [2]); предметомъ ихъ было, вѣроятно, установленіе взаимныхъ отношеній. Спорные вопросы были разрѣшены, князья уладились и цѣловали крестъ другъ другу, и затѣмъ мы видимъ Святополка дѣятельнымъ союзникомъ Мономаха.

Возвращаюсь къ любечскому съѣзду; судя по всему, онъ былъ по преимуществу дѣломъ Мономаха, который былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы установить прочныя отношенія къ прочимъ князьямъ и обезопасить свою волость отъ половцевъ; въ этомъ же направленіи долженъ былъ вліять на своего союзника и Святополкъ, волость котораго также подвергалась страшнымъ опустошеніямъ. Половецкія нападенія были выставлены и на съѣздѣ, какъ побудительный поводъ къ установленію мира (а половци землю нашу несуть розно, и ради суть, еже межю нами рати), а какъ средство, было принято распредѣленіе волостей между князьями сообразно отчинамъ: „кождо да держить отчину свою". Отчинами для князей, правдоподобно, должны были служить надѣлы, назначенные Ярославомъ, но принципъ отчинности былъ проведенъ съ значительными ограниченіями. Только Святославичи получили свои исконныя волости—сѣверскую и муромо-рязанскую земли, Святополкъ получилъ только Кіевъ съ Туровомъ, а Новгородъ по прежнему остался во владѣніи Мономахова сына, Мстислава (послѣдній былъ посланъ туда Всеволодомъ по просьбѣ новгородцевъ, когда Святополкъ перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, и въ началѣ 1095 г. самовольно призванъ снова новгородцами изъ Ростова [3])—онъ имѣлъ такимъ образомъ за собою народный выборъ). Мономахъ, кромѣ Переяславля и ростово-суздальской земли, сохранилъ за собою Смоленскъ и Новгородъ. Что касается Давыда Игоревича и

---

[1]) См. напр. у Н. Полевого, II, стр. 326.

[2]) „И рѣша имъ мужи смыслении:" „почто вы распря имата межи собою? а погании губять землю Руськую; послѣди ся уладита, а нынѣ поидита противу поганымъ любо с миромъ, любо ратью"; въ Никоновской лѣт. (Полн. собр. русск. лѣт. X, стр. 120): „послѣди смиритеся, что есть обида межи собою".

[3]) Лавр. лѣт., стр. 221 и 266 (Ипат. лѣт., стр. 160 и 182).

Ростиславичей, то за ними были оставлены тѣ волости, какія получены ими были при Всеволодѣ—Волынь и Червенскіе города. Такимъ образомъ исходнымъ пунктомъ для утвержденія большинства волостей служило распредѣленіе ихъ при Всеволодѣ; такая постановка вопроса была выгодна только для Мономаха: очевидно, устроивъ съѣздъ, онъ съумѣлъ рѣшительно повліять и на его постановленія.

Но обдѣленные князья не могли быть довольны такимъ оборотомъ дѣла, особенно если принять предположеніе, что это распредѣленіе волостей должно было считаться окончательнымъ и онѣ, по всей вѣроятности, должны были закрѣпиться затѣмъ въ нисходящихъ линіяхъ за отдѣльными семьями [1]). Поэтому слова Сказанія объ искренности и единодушіи князей: „и на томъ цѣловаша кресть: да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и кресть честьный; рекоша вси: да будеть нань хрестъ честный и вся земля руськая; и цѣловавшеся поидоша всвояси. И приде Святополкъ с Давыдомь Кыеву, и ради быша людье вси, но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей“ [2])—эти слова нельзя принять съ полнымъ довѣріемъ; едва ли это не литературный пріемъ, не антитеза, имѣющая цѣлью ярче оттѣнить контрастъ взаимныхъ цѣлованій и послѣдующаго ослѣпленія. Самыя постановленія любечскаго съѣзда заключали въ себѣ поводы для послѣдующаго столкновенія [3]). Особенно имѣли поводы быть недовольными Давыдъ Игоревичъ и Святополкъ; первый долженъ подѣлиться своею отчиною съ Ростиславичами, второй—съ Мономахомъ, отъ котораго, можетъ быть, ожидалъ напротивъ уступокъ за помощь противъ Олега; что потеря Новгорода, исконнаго аннекса Кіева, была ему очень чувствительна, это показываютъ его позднѣйшія попытки возвратить его. И то стремленіе къ возвращенію и закрѣпленію

---

[1]) Такого мнѣнія о любечскихъ постановленіяхъ держится проф. Сергѣевичъ (Вѣче и князь, стр. 321—2) и оно, мнѣ кажется, подтверждается историческими фактами, особенно позднѣйшими отношеніями Мономаха къ Святославичамъ, съ одной стороны, и Ярославу Святополковичу, съ другой.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 247—8 (Ипат. лѣт., стр. 167—8).

[3]) Это замѣтилъ уже Полевой въ своей Исторіи русск. нар., II, стр. 344.

отчинъ, которое породило всю предшествующую борьбу изгоевъ и совершенно ясно обозначилось въ постановленіяхъ любечскаго съѣзда, руководитъ и послѣдующими дѣйствіями Давыда и Святополка. На первыхъ порахъ они выступили союзниками, но союзъ этотъ не былъ проченъ: Волынь была отчиною имъ обоимъ, Давыду—по Ярославлю дѣленію, Святополку—какъ владѣніе его отца и затѣмъ брата Ярополка; въ этомъ лежала возможность коллизіи.

Вѣроятно, уже на съѣздѣ выяснились княжескія отношенія, но Мономахъ успѣлъ задержать на время объединеніе недовольныхъ—иначе распредѣленіе волостей вышло бы, вѣрно, значительно иное. Сближеніе недовольныхъ произошло немедленно послѣ съѣзда; Святополкъ возвращался съ него вмѣстѣ съ Давыдомъ, и послѣдній сообщилъ ему свое открытіе: будто Мономахъ вступилъ въ заговоръ съ Василькомъ противъ Святополка и Давыда, съ цѣлью захвата волостей; Мономахъ долженъ былъ получить Кіевъ, а Василько—Волынь, Погорину [1]) и туровскую волость [2]). По словамъ Сказанія, Давыду сообщили объ этомъ „нѣкоторые мужи“ его, которые и поплатились потомъ, а Давыдъ только „ялъ вѣру лживымъ словамъ“. Конечно, мы не можемъ опредѣлить, насколько справедливо это утвержденіе и что́ въ дѣйствительности принадлежало Давыду, а что́ его мужамъ. Весьма вѣроятно, что и раньше существовало недовѣріе, соперничество между Давыдомъ и Ростиславичами, какъ раньше между Ростиславичами и Ярополкомъ: сидя по сосѣдству, да еще въ земляхъ, не такъ давно составлявшихъ одну владимірскую волость, они не могли обойтись безъ этого. Мы знаемъ, что Василько въ это время занимался обширными военными приготовленіями—эти приготовленія должны были очень безпо-

---

¹) Погорина, область по среднему теченію р. Горыни, весьма долго занимала межеумочное положеніе между кіевскою землею и Волынью; подробнѣе о ней въ Исторіи кіевской земли, стр. 3, 14—15.

²) Такъ передаетъ это сообщеніе Святополкъ Мономаху и Святославичамъ въ Сказаніи (Лаврент. лѣт., стр. 253, Ипат., стр. 172); сходныя слова вкладываетъ авторъ и въ уста Давыду относительно Василька (Лаврент., стр. 249, Ипат., стр. 168).

коить Давыда [1]). Поэтому и безъ наговора своихъ мужей Давыдъ имѣлъ поводы искать средствъ къ тому, чтобы обезпечить себя отъ опаснаго сосѣда. Охлажденіе между Святополкомъ и Мономахомъ, которое должно было обнаружиться во время любечскаго съѣзда, дало возможность Давыду пріобрѣсть союзника и приступить къ болѣе энергическимъ мѣрамъ противъ Василька. Его сообщеніе Святополку, какъ оно передается въ Сказаніи (эта передача не возбуждаетъ противъ себя подозрѣній) составлено очень искусно: чтобъ заинтересовать Святополка, претензіи Василька распространены не только на Волынь, но и на Погорину и туровскую волость Святополка, и въ союзники его приданъ Мономахъ, въ качествѣ претендента на Кіевъ. Сказаніе категорически утверждаетъ, что это сообщеніе было клеветою [2]). Что Мономахъ не имѣлъ въ виду отнимать Кіева у Святополка, это болѣе, чѣмъ вѣроятно: подобный образъ дѣйствій былъ не въ его характерѣ. Но что онъ, замѣтивъ неудовольствіе Святополка, могъ сблизиться съ Василькомъ, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, и такое сближеніе (скорѣе оборонительнаго характера, чѣмъ наступательнаго) могло, пожалуй, возбудить толки и подозрѣнія среди присутствовавшихъ на съѣздѣ. Чтобы подѣйствовать на Святополка вѣрнѣе, Давыдъ сталъ еще обвинять Василька, будто онъ убилъ или, вѣроятнѣе, участвовалъ въ убійствѣ брата Святополка—Ярополка [3]), и совѣтовалъ схватить Ва-

---

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 256—257 (Ипат. лѣт., стр. 174); ср. у Соловьева, II, стр. 52.

[2]) „А Василко сего не вѣдяше, ни Володимеръ, Лавр. лѣт., стр. 248 (Ип. лѣт., стр. 168).

[3]) Вопросъ объ этомъ убійствѣ (Лавр. лѣт., стр. 199—200, Ипат. лѣт., стр. 144—145)—очень темный. Обыкновенно полагаютъ, что подозрѣвали въ участіи въ этомъ убійствѣ Рюрика Ростиславича, къ которому бѣжалъ убійца; но были въ ученой литературѣ попытки доказать, что истиннымъ виновникомъ убійства Ярополка былъ самъ Давыдъ Игоревичъ, пожавшій плоды его (ему достался владимірскій столъ по смерти Ярополка), и что обвиненіе въ убійствѣ Василька есть выдумка Давыда („Смерть Ярополка Изяславича“—въ Современникѣ, т. XVI, отд. II, стр. 29—32, также Исторія галицко-русск. княжества Зубрицкаго, II, стр. 27, Владиміръ Мономахъ И. В. Лашнюкова, стр. 8); возраженія, см. у Соловьева (II, стр. 30—31). Наоборотъ, Погодинъ въ своемъ Хронологическомъ указателѣ (стр 67) категорически приписываетъ присылку убійцы Ростиславичамъ. Можетъ быть,

силька [1]). Но Святополкъ не рѣшался; поимка или убійство Василька не представляли для него выгоды и отвлекали его отъ дѣйствительныхъ его интересовъ, отъ истиннаго его соперника—Мономаха; ему опять грозило на чужомъ пиру похмелье; притомъ рискъ былъ слишкомъ великъ: Давыдъ былъ единственсоюзникомъ Святополка, пока отношенія съ Святославичаминымъ не были улажены; однако, какъ человѣкъ слабохарактерный, онъ въ концѣ концовъ подпалъ вліянію Давыда; Василько былъ завлеченъ и схваченъ. Но прежде какихъ либо рѣшительныхъ дѣйствій Святополкъ считалъ необходимымъ заручиться поддержкою кіевскаго населенія; созвавъ вѣче, онъ сообщилъ ему извѣстіе о заговорѣ, но „бояре и людье“ дали отвѣтъ очень уклончивый: если Василько виноватъ, то, конечно, его слѣдуетъ наказать, если Давыдъ лжетъ, пусть его Богъ судитъ, дѣло это ваше, рѣшайте, какъ знаете—такой, въ сущности, смыслъ имѣютъ слова, влагаемыя въ уста вѣчу Сказаніемъ [2]): населеніе не настолько дорожило личностью Святополка, чтобы связывать себя въ его интересахъ какими либо обязательствами. Между тѣмъ духовенство (игумены) рѣшительно стало ходатайствовать за Василька, Святополкъ готовъ былъ уступить, но новыя настоянія Давыда взяли свое: Василько былъ отвезенъ въ Звенигородъ [3]) и ослѣпленъ (7 ноября 1097 г.); затѣмъ его въ без-

---

Давыдъ сообщилъ Святополку какія нибудь подробности, бросавшія тѣнь на Ростиславичей и неизвѣстныя Святополку, такъ какъ послѣдняго въ моментъ смерти брата не было на югѣ—онъ былъ въ Новгородѣ.

[1]) Татищевъ (II, стр. 172) замѣчаетъ: „и какъ на Владимира силы его ради и любви въ народѣ ничего начать не смѣли, то стали совѣтовать о Василькѣ“. Но затрогивать Мономаха было и не въ интересахъ Давыда.

[2]) „Тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее, да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приметь Василько казнь, аще ли не право глагола Давыдъ, да приметь месть отъ Бога и отвѣчаеть предъ Богомь“ (Лавр. лѣт., стр. 250, Ипат. лѣт., стр. 169—70).

[3]) Звенигородъ—въ Ипатск. лѣт. (стр. 170) и у Длугоша (l. IV, p. 326—Zmigrod), въ Лаврент., Никоновск., Воскресенск. (въ послѣдней однако проскользнулъ Звенигородъ вмѣсто Звиждня—П. с. р. л., VII, стр. 13)—Бѣлгородъ. М. А. Максимовичъ справедливо указалъ, что читаемое въ лѣтописи поясненіе: „иже градъ малъ у Киева яко 10 верстъ в дале“ не идетъ къ Бѣлгороду, городу извѣстному, при-

чувственномъ состояніи уложили на телѣгу и повезли по владимірской дорогѣ; на шестой день онъ былъ уже во Владимірѣ.

По словамъ Сказанія вѣсть объ этомъ произвела потрясающее дѣйствіе на князей: Мономахъ „ужасеся и всплакавъ и рече: сего не было есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла. И ту абье посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земли, оже вверже в ны ножь; да аще сего не правимъ, то большее зло встанеть в насъ и начнеть братъ брата закалати, и погыбнеть земля Русьская и врази наши, Половци, пришедше возмуть землю Русьскую. Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуща: яко сего не было в родѣ нашемь. И ту абье собравша воѣ, придоста к Володимеру", и всѣ вмѣстѣ двинулись къ Кіеву [1]). Итакъ въ Сказаніи—порывъ, непосредственное дѣйствіе негодованія; Мономахъ—блюститель интересовъ братьи и Русской земли, хозяинъ Русской земли, которому послушно повинуются Святославичи. Но обращаясь къ погоднымъ записямъ Начальной лѣтописи, находимъ извѣстіе объ этомъ походѣ уже подъ слѣдующимъ 6606 г. [2]), слѣдовательно онъ случился не раньше марта или по крайней мѣрѣ незадолго до марта 1098 г. Если теперь сопоставить съ этимъ нѣкоторыя данныя, сообщаемыя Сказаніемъ, то выходитъ, что походъ этотъ случился именно, надо думать, въ самомъ началѣ февраля или концѣ января: передъ началомъ великаго поста („яко

томъ отстоящему дальше отъ Кіева (Собраніе сочиненій, II, стр. 320). Звенигородъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Сиракова городища у с. Хотова,—см. рефератъ В. Б. Антоновича въ „Чтеніяхъ общества Нестора", кн. I, стр. 37. Василька увезли, какъ видно, ночью, немедленно по ослѣпленіи, и на обѣдъ поспѣли въ Звиждень; отъ Сиракова городища до нынѣшняго села Здвижки по прямой линіи около 80 верстъ.

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 252—3, Ипат., стр. 171.

[2]) „Приде Володімеръ, и Давыдъ и Олегъ на Святополка и сташа у Городца, и створиша миръ". Лавр. лѣт., стр. 263, Ипат., стр. 179. Городецъ съ наибольшею вѣроятностью пріурочивается къ замчищу у с. Вигуровщины, за Днѣпромъ у Кіева, см. спеціальную работу г. Гошкевича—Дворецъ кн. Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ. Кіевъ. 1890 г., стр. 20 сл.

приближися постъ великый") 1098 г. [1]) во Владиміръ, гдѣ Давыдъ держалъ въ заключеніи Василька, дошелъ слухъ, что Мономахъ и Святополкъ идутъ на Давыда [2]). Такой слухъ могъ явиться только послѣ похода князей къ Кіеву: раньше, конечно, никому не пришло бы въ голову, что Святополкъ выступитъ въ роли мстителя за Василька, а Мономахъ—въ роли его союзника; слухъ этотъ, очевидно, былъ недоразумѣніемъ и ему естественнѣе всего было явиться немедленно за соглашеніемъ князей, пока условія его не были хорошо извѣстны. Свидѣтельство современной событію записи, притомъ находящей себѣ подтвержденіе въ самомъ Сказаніи, заслуживаетъ, конечно, большаго довѣрія, чѣмъ разсказъ Сказанія; послѣдній имѣетъ цѣлью дать эффектную картину всеобщаго ужаса предъ преступленіемъ и въ жертву эффекту авторъ принесъ историческую точность [3]).

Такимъ образомъ походъ князей на Святополка является отдѣленнымъ отъ ослѣпленія Василька тремя мѣсяцами, хотя извѣстіе объ ослѣпленіи должно было донестись въ Переяславль и Черниговъ уже черезъ нѣсколько дней [4]). Какъ прошли эти

---

[1]) Пасха въ 1096 г. была 28 марта (Арцыбашевъ. Два съѣзда князей, стр. 261), слѣдовательно сыропустъ—7 февраля. Переговоры могли затянуться, поэтому извѣстіе попало подъ 1098 мартовскій годъ.

[2]) Лаврент., стр. 255 (Ипатск., стр. 173).

[3]) Г. Хрущовъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „потребность отдохнуть на Мономахѣ, послѣ разсказа о гнусномъ дѣлѣ, потребность представить Владиміра защитникомъ праваго дѣла—вотъ что̀ заставило автора прямо съ осени перенестись къ событію весеннему и потомъ возвратиться къ продолженію своего разсказа. Такое отступленіе отъ хронологіи ясно говоритъ за то, что сказаніе было вполнѣ независимо отъ лѣтописи". (Чтенія с. 56).

[4]) На это обратилъ вниманіе уже Карамзинъ (II, пр. 186); чтобы объяснить это промедленіе, онъ предполагалъ, что Мономахъ былъ задержанъ набѣгомъ половцевъ, о которомъ говоритъ въ Поученіи (Лавр., стр. 241): „и тогда же Торци придоша ко мнѣ ис Половець Читѣевичи, идохомъ противу имъ на Сулу", но предшествующее: „с Давыдомь смиривщеся"... относится, вѣроятно, къ примиренію съ Давыдомъ Святославичемъ въ 1096 г., къ тому же приблизительно времени относится, вѣроятно, и походъ. Во всякомъ случаѣ важно то, что походъ князей на Святополка не былъ такимъ непосредственнымъ движеніемъ, какимъ его представляетъ Сказаніе. Послѣдующіе историки часто не обращали на это вниманія и вслѣдъ за Сказаніемъ говорили о немедленномъ походѣ (наприм. Соловьевъ, II, стр. 55, Ко-

нѣсколько мѣсяцевъ, мы, конечно, не можемъ знать, но можемъ замѣтить, что Мономаху, который вовсе не былъ тогда хозяиномъ въ Русской землѣ, и недавно еще не на животъ, а на смерть боролся со Святославичами, вѣроятно, нужно было время для того, чтобы превратить враждебныя отношенія въ союзныя.

Походъ князей, слѣдовательно, не былъ непосредственнымъ движеніемъ чувства, а результатомъ болѣе хладнокровныхъ соображеній. Какую же цѣль имѣли въ виду князья, идя на Святополка „поправити сего зла"? Позже мы встрѣчаемъ въ устахъ князей, какъ правовую норму, положеніе, что князь за проступокъ лишается волости: „оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь у голову" [1]); Давыдъ Игоревичъ въ концѣ концовъ былъ дѣйствительно лишенъ волости; *по виду*, и относительно Святополка князья имѣли такое же намѣреніе. Но выгнать Святополка—это значило вызвать новую борьбу, возобновить съ новой силой всѣ тѣ неурядицы, которыя съ такимъ трудомъ удалось прекратить любечскимъ съѣздомъ. Мономахъ едва ли могъ желать этого. Себѣ взять Кіевъ въ данныхъ обстоятельствахъ онъ не могъ: положеніе его еще не было достаточно авторитетно и прочно; отдать его Олегу Святославичу, старѣйшему послѣ Святополка,—выигрышъ болѣе чѣмъ сомнительный. Мотивъ у Мономаха въ дѣйствительности былъ, вѣроятно, иной. До него должно было дойти извѣстіе о союзѣ Святополка и Давыда, равно какъ и то, что союзъ этотъ былъ направленъ не только противъ Василька, но и противъ него самого [2]); и это извѣстіе должно было его встревожить: Мономаху приходилось опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны союзниковъ, поводы для того существовали, и Мономахъ, вѣроятно, это сознавалъ; между тѣмъ онъ былъ одинокъ; примиреніе со Свято-

---

стомаровъ, Русск. ист. въ жизнеоп., I, стр. 51, изд. 1888 г., Иловайскій. Исторія Россіи, I, стр. 131); у Погодина въ Хронолог. указат. (стр. 54—5) созывъ князей Мономахомъ поставленъ подъ 1097 г., а походъ ихъ къ Кіеву — подъ 1098 (январьскимъ).

[1]) Ипат. лѣт., стр. 409.

[2]) О заговорѣ Мономаха Святополкъ заявлялъ по Сказанію на вѣчѣ; такъ или иначе, Мономахъ навѣрно хорошо зналъ, что дѣлается въ Кіевѣ, у Святополка.

славичами было слишкомъ свѣжо, чтобъ на него можно было разсчитывать, и перспектива борьбы со Святополкомъ ему, вѣроятно, не улыбалась. Разстроить этотъ новый союзъ, смирить Святополка, заставить его отказаться отъ претензій, подчинить его снова своему вліянію—вотъ что, вѣроятно, было истинною цѣлью Мономаха, когда онъ сближался со Святославичами и устраивалъ походъ на Кіевъ. Какими доводами привлекъ онъ къ участью Святославичей, мы не знаемъ; вѣроятно онъ успѣлъ убѣдить ихъ, что новый союзъ и для нихъ опасенъ [1]).

Собравъ войска, Мономахъ и Святославичи сошлись у Городца. Предварительно послали они пословъ къ Святополку, укоряя его, что онъ не передалъ дѣла на общій судъ, а расправился самоправно [2]). Святополкъ сваливалъ вину на Давыда, который наговорилъ ему, оправдывался: „и не язъ его ослепилъ, но Давыдъ, и велъ и к собѣ". Это было совсѣмъ жалкое оправданіе, и послы отвѣчали, что это пустая отговорка, потому что Василько ослѣпленъ въ городѣ Святополка; можемъ прибавить еще, что, по Сказанію, изъ трехъ исполнителей ослѣпленія двое были служители Святополка. Князья послѣ этого стали готовиться къ переправѣ. Святополкъ оробѣлъ: кіевляне не обнаружили намѣренія поддержать его, Давыдъ, повидимому, тоже не подалъ помощи, и онъ собрался было бѣжать изъ Кіева [3]). Но тутъ вмѣшалось кіевское земство; ставъ въ положеніе верховнаго распорядителя земли, вѣче удержало Свято-

---

[1]) Татищевъ (II, стр. 178), довольно неправдоподобно, замѣчаетъ по этому поводу, что Святославичи, „вѣдая на себя Святополкову тайную злобу, болѣе другихъ зла отъ него, наипаче когда онъ съ Владиміромъ былъ въ согласіи, опасались".

[2]) По свидѣтельству Татищевскаго свода, „Олегъ, властолюбіемъ разжигаемъ", настаивалъ на немедленномъ изгнаніи Святополка, „надѣяся себѣ по старѣйшинству, а не по достоинству престолъ достать", но Давыдъ Святославичъ настоялъ на томъ, чтобы сначала попросить объясненія у Святополка (Ист. Рос., II, стр. 178). Эта подробность очень сомнительна и не согласуется съ общимъ образомъ дѣйствій Олега; можетъ быть, этотъ неудачный домыслъ, или недоразумѣніе, Татищева далъ поводъ къ уже приведенному выше замѣчанію его, что Святославичи хотѣли Святополка лишить стола, но Мономахъ его оберегалъ.

[3]) По Длугошу (l. IV, p. 327)—къ половцамъ.

полка и отрядило митрополита Николу и княгиню Анну[1]), мачеху Мономаха, къ союзникамъ съ просьбою не губить Русской (т. е. кіевской) земли, отложить усобицу и обратить соединенныя силы противъ половцевъ. Каковы бы ни были намѣренія союзниковъ, просьба кіевскаго населенія, выраженная черезъ такихъ авторитетныхъ, умно выбранныхъ представителей, должна была быть уважена: Мономахъ былъ вообще очень чутокъ и внимателенъ къ общественному мнѣнію, а Святославичи сами по себѣ не могли выступить активно. По Сказанію, Мономахъ опять восплакалъ, „рече: по истинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити и преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матерь, и митрополита такоже чтяше, санъ святительскый, и не преслуша молбы его“. Князья повели дипломатическую пересылку между собою и окончательно рѣшили такъ: „се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и; Святополкъ же емъся по се, и цѣловаша крестъ межи собою, миръ створше“ [2]).

Образъ дѣйствій князей, какъ онъ представленъ въ Сказаніи, является очень страннымъ, если принять, что союзники, идя на Святополка, руководились негодованіемъ на преступленіе и желаніемъ „поправити сего зла“. Объ участіи Давыда въ ослѣпленіи князья должны были знать заранѣе; ничего особеннаго въ свое оправданіе Святополкъ во время послѣднихъ пересылокъ сказать не могъ: виновность его была очевидна, факты были на лицо. И князья не только не принимаютъ какихъ либо карательныхъ мѣръ относительно Святополка (чему не препятствовало и вмѣшательство кіевскаго вѣча), но, поручая ему схватить или прогнать Давыда, они тѣмъ самымъ отдаютъ въ его власть Волынь, потому что она, сдѣлавшись вакантною, по принципу, выставленному на любечскомъ съѣздѣ, должна была перейти не къ кому иному, какъ къ Святополку, какъ его отчина. О Василькѣ въ описаніи переговоровъ нѣтъ и рѣчи,

---

[1]) Анною называютъ княгиню Всеволожу Никоновск. лѣт. (П. с. р. л. IX, стр. 132) и Татищевъ (II, стр. 180).

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 253—5. Ипат., стр. 171—173.

хотя онъ еще находился въ плѣну у Давыда: князья-мстители вовсе не заботятся о немъ, и только благодаря своему брату Василько былъ потомъ освобожденъ. Между тѣмъ съ точки зрѣнія политическихъ соображеній все это легко объясняется: Мономахъ попугалъ Святополка и разстроилъ угрожавшій ему союзъ: подавъ надежду на Волынь, онъ обратилъ Святополка противъ его недавняго союзника—Давыда. Если принять, что Мономахъ съ самаго начала не имѣлъ намѣренія сгонять Святополка, и походъ къ Кіеву былъ лишь демонстраціей, то посольство кіевлянъ было очень кстати, дало ему благовидный поводъ отъ угрозъ перейти къ уступкамъ. Достигъ ли Мономахъ второй половины предполагаемой цѣли, смирилъ ли онъ и подчинилъ себѣ Святополка? Можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ; дѣло въ томъ, что вскорѣ мы видимъ Святополка въ союзѣ съ Святославичами—обстоятельство очень важное, ибо оно дало прочное положеніе Святополку; какъ произошло это сближеніе, мы не знаемъ; союзъ Святославичей съ недавнимъ врагомъ Мономахомъ едва ли отличался искренностью, и разстроить его Святополку было, вѣроятно, не трудно. Если этотъ поворотъ въ политикѣ начался еще во время самихъ переговоровъ подъ Кіевомъ, что возможно, то Святополку нечего было особенно робѣть передъ Мономахомъ и добиваться его расположенія. Во всякомъ случаѣ позже Святополкъ держитъ себя относительно Мономаха вполнѣ независимо.

Василько, какъ упомянуто, находился въ то время въ плѣну у Давыда. Когда во Владиміръ дошли слухи, будто Мономахъ со Святополкомъ собираются на Давыда, послѣдній обратился къ посредничеству Василька, прося его повліять на Мономаха, чтобы онъ не предпринималъ этого похода. Василько обѣщалъ, но неизвѣстно, посылалъ ли онъ дѣйствительно посланца, и имѣло ли это какое нибудь вліяніе [1]). Передъ Пасхою

[1]) Своды Воскресенскій (П. с. р. л, VII, стр. 15), Софійскій (I, стр. 182, изд. П. М. Строева), Тверской (П. с. р. л. XV, стр. 186), Татищевскій (II, стр. 184) говорятъ, что Василько послалъ пословъ къ Мономаху, и послѣдній вслѣдствіе этого вернулся со Святополкомъ. Это извѣстіе (принятое Арцыбашовымъ—Повѣствов. о Россіи, I, кн. 2, пр. 303 и раньше, въ статьѣ Два съѣзда князей—Вѣ-

1098 г. Давыдъ предпринялъ походъ съ цѣлью захватить волость Василька (теребовльскую), но у Бужска [1]) встрѣтилъ его Володарь; захваченный врасплохъ, Давыдъ выпросилъ себѣ пропускъ, обѣщавъ освободить Василька; это было исполнено, и противники примирились. Такимъ образомъ надежды Давыда—объединить волынскія волости не сбылись. Наоборотъ, сами Ростиславичи предприняли вслѣдъ за тѣмъ походъ уже на волость Давыда—сожгли Всеволожъ [2]) и подступили ко Владиміру; впрочемъ, судя по Сказанію, они не имѣли въ виду, какъ и позже, во время борьбы со Святополкомъ, территоріальныхъ пріобрѣтеній и ограничились мщеніемъ. По требованію ихъ были выданы двое Давыдовыхъ бояръ—Лазарь и Василь, виновники ослѣпленія Василька (ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло) и казнены, а третій—Турякъ—успѣлъ бѣжать въ Кіевъ. Ростиславичи удовольствовались этимъ и ушли [3]).

Святополкъ не вмѣшался въ эту борьбу. Получивъ полномочіе на пріобрѣтеніе Волыни, онъ повелъ дѣло не торопясь, осторожно. Неудача Давыда въ борьбѣ съ Ростиславичами дала ему, вѣроятно, первый толчекъ къ приготовленіямъ [4]). Онъ заручился поддержкою Святославичей, снесся съ Ростиславичами и польскимъ в. кн. Владиславомъ Германомъ, своимъ родственникомъ по матери [5]); Ростиславичамъ Святополкъ, по словамъ Сказанія, объявилъ, что не имѣетъ никакихъ видовъ на ихъ

стникъ Европы 1823, XII, стр. 261), есть, вѣроятно, домыслъ, притомъ неудачный. По Сказанію, Владиміръ вовсе и не собирался итти на Давыда. Вѣроятнѣе всего, что (Василько), размолвившись съ Давыдомъ изъ-за Кулмѣя, котораго Василько хотѣлъ послать къ Мономаху, а Давыдъ не согласился, Василько вовсе не посылалъ никого къ Мономаху. Иначе Давыдъ долженъ былъ бы въ благодарность отпустить Василька и о такомъ нарушеніи этого обѣщанія авторъ Сказанія, вѣроятно, упомянулъ бы.

[1]) Теперь мѣстечко Бускъ въ Галиччинѣ на З. Бугѣ.

[2]) Мѣстонахожденіе его неизвѣстно—см. Ист. волынск. земли г. Андріяшева, стр. 57.

[3]) Лаврент. лѣт., стр. 255—59 (Ипат., стр. 173—6).

[4]) Это прямо утверждаетъ Татищевскій сводъ (II, стр. 187).

[5]) Объ этомъ родствѣ см. у г. Линниченка, Взаимныя отношенія Руси и Польши, I, стр. 52.

волости и цѣловалъ на томъ крестъ [1]). Раннею весною [2]), уже 1099 г.—Святополкъ отправился къ Берестью, на свиданіе съ Владиславомъ. Давыдъ, услышавъ объ этомъ, также отправился „в Ляхы", искать помощи. Свиданіе произошло на берегу З. Буга [3]); Владиславъ, получивъ отъ обоихъ искателей богатые дары, принялъ сторону Святополка, хотя реальной помощи не оказалъ и ему. „Сотворивши совѣтъ" съ поляками, Святополкъ пошелъ въ Пинскъ и отсюда послалъ „по воѣ", затѣмъ отправился въ Дорогобужъ и, дождавшись здѣсь войскъ, двинулся на Давыдъ ко Владиміру; очевидно, къ Берестью ходилъ онъ налегкѣ; въ дальнѣйшемъ разсказѣ видимъ у него ополченіе Туровской земли, а къ Дорогобужу ходилъ онъ (что было вовсе не по дорогѣ ко Владиміру), вѣроятно, на встрѣчу войскамъ, шедшимъ къ нему изъ Кіевской области. Давыдъ былъ осажденъ во Владимірѣ и послѣ семинедѣльной осады, не получивъ отъ поляковъ обѣщанной помощи, „поча молитися: пусти мя изъ града"; вѣроятно, онъ отступился отъ своей волости, и на томъ цѣловали крестъ. Выпущенный изъ города Давыдъ отправился въ Червень, а оттуда „в ляхы" [4]).

Завладѣвъ волостью Давыда, Святополкъ заблагоразсудилъ прихватить и остальную часть своей отчины: „нача думати на

---

[1]) Лавр. лѣт., стр. 260 (Ипат. стр. 177).

[2]) Осада Владиміра Святополкомъ начата была въ половинѣ февраля, такъ какъ продолжалась семь недѣль и окончилась въ великую субботу—9 апрѣля (см. у Карамзина, II, пр. 188). Осадѣ предшествовало путешествіе къ Берестью и сборъ войскъ, такъ что изъ Кіева Святополкъ отправился не позже начала февраля. Въ погодныхъ записяхъ походъ его отнесенъ къ 6607 г. (Лавр. лѣт., стр. 263, Ипат. стр. 179).

[3]) Что этому свиданію еще раньше предшествовали сношенія Святополка съ Владиславомъ, это нужно заключить и изъ обстоятельствъ, а также изъ словъ поляковъ Давыду въ Сказаніи: „поиди с нами Берестью, яко се вабить ны Святополкъ на снемъ". Татищевъ сообщаетъ разныя подробности этого свиданія, пиры и пр.; по его словамъ, поляки обѣщали Святополку выдать Давыда, если онъ бѣжитъ къ нимъ; при этомъ же рѣшено было выдать дочь Владислава—Сбыславу за Ярослава Святополковича (Ист. Рос. II. с. 187—8). Объ этихъ сношеніяхъ съ поляками см. у г. Линниченка, Взаимн. отнош. I. с. 132—134.

[4]) Лаврент. лѣт. стр. 259—260 (Ипат. лѣт. стр. 176). По словамъ Татищева (II с. 188), Давыдъ, сдаваясь, выговорилъ себѣ Червень у Святополка; это, вѣроятно, опять таки его догадка.

Володаря и Василька, глаголя: яко се есть волость отца моего и брата". Дѣйствительно, Изяславъ, а послѣ его смерти—Ярополкъ, владѣя Волынью, владѣли и городами Ростиславичей, пока Всеволодъ не выдѣлилъ ихъ въ отдѣльную волость; такимъ образомъ Святополкъ имѣлъ полное основаніе считать ихъ своею отчиною. „Надѣяся на множество вой", Святополкъ двинулся на Ростиславичей, преступивъ крестное цѣлованіе; съ нимъ были его сыновья—Мстиславъ и Ярославъ, двое племянниковъ—сыновья убитаго Ярополка Изяславича, и сынъ Давыда Святославича—Святоша. Но правое дѣло взяло верхъ, Святополкъ былъ разбитъ на Рожнѣ полѣ [1]); оставивъ на Волыни сыновей, онъ отправился въ Кіевъ, желая, можетъ быть, собрать новыя силы [2]), и уже больше не принималъ личнаго участія въ войнѣ [3]). Одинъ изъ сыновей его, Мстиславъ, остался во Владимірѣ, а Ярославъ отправился къ угорскому королю—просить помощи противъ Ростиславичей. Между тѣмъ общій врагъ сблизилъ Ростиславичей съ Давыдомъ, который вернулся изъ Польши. Давыдъ отправился за помощью къ половцамъ и вернулся со знаменитымъ Бонякомъ. У Перемышля произошла битва съ Ярославомъ и его уграми. Угры потерпѣли совершенное пораженіе, и Ярославъ черезъ Польшу бѣжалъ въ Туровскую волость [4]). Давыдъ тогда принялся отвоевывать свои вла-

[1]) Мѣстность эта, какъ видно изъ разсказа Лав. л. подъ 1144 г., находилась у верховья р. Серета, но ближе неизвѣстна—см. Барсова Геог. нач. л. с.118 и 290, изд. 1885г.

[2]) Такъ объясняетъ это Длугошъ (р. 329).

[3]) Если разсказъ Печерскаго Патерика о св. Прохорѣ и конфискаціи соли Святополкомъ пріурочень вѣрно, то можно сдѣлать предположеніе, что эта афера съ солью и вызванное ею неудовольствіе народа удержали Святополка въ Кіевѣ. По свидѣтельству Патерика, соль вздорожала, „егда же Святополкъ съ Давыдомъ Игоревичемъ рать зачаста про Василькову слѣпоту, его же ослѣпи Святополкъ, послушавъ Давыда Игоревича, с Володаремъ и съ самѣмъ Василкомъ" (Патерикъ въ „Памятникахъ рус. литер. XII и XIII в." изд. г. Яковлевымъ с. 154). Тутъ, вѣроятно, напутано переписчикомъ. Изъ Сказанія неизвѣстно, чтобы Святополкъ въ союзѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ велъ войну съ Ростиславичами, да и строй рѣчи странный (рать зачаста про Василкову слѣпоту . . . . съ Василкомъ), выходитъ какая-то иронія, которую трудно допустить въ этомъ памятникѣ.

[4]) По Сказанію, въ битвѣ участвовало на сторонѣ Ростиславичей—400 чел., а угровъ—100 тысячъ, цифра, конечно, преувеличенная; у Длугоша угровъ—восемь тысячъ (р. 329).

дѣнія. Началась упорная осада Владиміра. Мстиславъ былъ убитъ во время одного изъ приступовъ (12 іюня 1099 г.)[1]; гарнизонъ не рѣшился сдаться и, утаивъ смерть Мстислава отъ населенія, далъ знать Святополку[2]). Святоша, сидѣвшій въ Луцкѣ (этотъ городъ былъ, очевидно, отданъ ему Святополкомъ за оказанную помощь[3]), принужденъ былъ подчиниться Давыду и цѣловалъ крестъ къ нему. Помощь присланная Святополкомъ, подъ начальствомъ тысяцкаго Путяты, отбила Давыда отъ Владиміра: воины Путяты захватили его врасплохъ, одновременно напали владимірскій гарнизонъ и Святоша. Давыдъ снова прибѣгнулъ къ помощи Боняка; сначала приступили къ Луцку: Святоша очистилъ городъ и ушелъ въ Черниговъ, затѣмъ напали на Владиміръ. Посадникъ Святополка Василь (Путята еще раньше вернулся въ Кіевъ) покинулъ городъ и бѣжалъ; это было, вѣроятно, въ концѣ лѣта или началѣ осени 1099 г. Такъ попытка Святополка завладѣть Волынью окончилась совершенною неудачею[4]).

М. Грушевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Лавр. с. 263 (Ипат. с. 180).

[2]) Затруднительно рѣшить, кто были „людье", просившіе помощи у Святополка, и „гражане" (ниже, въ разсказѣ о приходѣ Путяты подъ Владиміръ)—Святополковъ гарнизонъ или владимірское населеніе? Вѣроятнѣе, что эти „людье", боявшіеся „да аще ся вдамы, Святополкъ погубитъ ны вся" и противополагающіе себя другимъ „людямъ", собирающимся сдать городъ, и эти „гражане", такъ усердно сѣкущіе „воѣ Давыдовы", были гарнизономъ Святополка (ср. Андріяшева ор. с. с. 114), но г. Хрущовъ, напримѣръ, видитъ здѣсь владимірцевъ (Чтенія с. 57).

[3]) Г. Андріяшевъ (ор. с. с. 36) категорически утверждаетъ, что Святоша только стоялъ съ войскомъ, а не владѣлъ Луцкомъ, но это, по моему, невѣроятно: Святоша занималъ Луцкъ до похода Давыда на Волынь; стѣсненный послѣднимъ онъ заключаетъ съ нимъ договоръ и остается въ Луцкѣ же, только Давыдъ помѣщаетъ у него, очевидно для обезпеченія, своихъ мужей. Перейдя затѣмъ, послѣ прихода Путяты на сторону Святополка, онъ сохраняетъ за собою Луцкъ и теперь, и только послѣ новыхъ успѣховъ Давыда, не надѣясь удержать городъ за собою, ушелъ въ Сѣверщину. Очевидно, дѣло шло о чемъ-то большемъ, чѣмъ о занятіи города гарнизономъ. Что Святославичи, въ частности Святоша, за свою помощь должны были получить вознагражденіе отъ Святополка, это понятно само по себѣ.

[4]) Лавр. с. 260—263 (Ипат. с. 176—179).

Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка.

Извѣстно, что въ XVI—XVII вѣкахъ въ южнорусскихъ земляхъ Литвы и Польши существовалъ особый взглядъ на бракъ. Тамъ господствовали идеи брака, который называютъ теперь гражданскимъ: нотаріальный договоръ имѣлъ значеніе такое же, какъ и благословеніе церкви, расторженіе браковъ происходило легко и часто; для этого достаточно было взаимнаго согласія супруговъ и подтвержденія ихъ согласія гражданскою властью, которая давала имъ „распустные листы", или же сами супруги давали другъ другу подобныя удостовѣренія, предоставлявшія имъ право вступить въ другой бракъ.

Причину подобныхъ явленій тогдашней жизни, противорѣчащихъ праву церковному, нѣкоторые указываютъ во вліяніи реформатскаго ученія или въ соціальныхъ условіяхъ тогдашней жизни (Ор. Левицкій, О семейныхъ обычаяхъ въ юго-зап. Руси, „Русск. Стар." 1880, ноябрь). Проф. Владимірскій-Будановъ, въ ст. „Черты семейнаго права западной Россіи", (въ 4-й книгѣ „Чтеній истор. общества Нестора Лѣтописца") считаетъ такія анормальныя явленія остаткомъ обычнаго права, существовавшаго на Руси во времена язычества. „Ни въ какой области права, говоритъ профессоръ, обычаи не оказались столь жизненными и живучими, какъ именно въ семейной сферѣ; не только въ прежніе долгіе вѣка по принятіи христіанства дохристіанскіе обычаи не поддавались истребленію, но живутъ и въ наши дни въ формѣ семейныхъ обрядовъ, которые предста-

вляютъ замѣчательно вѣрно сохранившійся памятникъ временъ язычества“ (стр. 42).

Конечно, церковь всегда старалась устранить все, противорѣчащее духу христіанства въ области семейнаго права. Въ представленныхъ проф. В.-Будановымъ фактахъ видна эта борьба церкви и закона съ вѣковымъ обычнымъ правомъ. И уже въ XVI в. въ культурныхъ центрахъ западной Россіи видна регламентація семейнаго права въ духѣ христіанства; но чѣмъ дальше отъ центровъ умственной жизни тогдашняго общества, тѣмъ больше господствуетъ прежнее языческое право. Такъ, въ томъ же XVI в. въ Подоліи, въ украинныхъ повѣтахъ (барскомъ и каменецкомъ), по свидѣтельству описей (люстрацій) государственныхъ имуществъ, существовали такіе государственные доходы: 1) *поемщизна*, что сами чиновники—люстраторы объясняютъ такъ: „когда который человѣкъ обычаемъ пограничнымъ самовольнымъ возметъ себѣ чью дѣвку или вдову или разведенную въ качествѣ жены и съ нею желаетъ жить, тогда даетъ три гривны на зàмокъ“; 2) *разводы*,—„когда кто хочетъ жену отпустить или жена мужа, то тотъ кто причиненъ (т. е. кто требуетъ того) даетъ три гривны“, и наконецъ 3) *куница*,—„когда кто благопристойно (законно—„statecznie“) беретъ дѣвку замужъ въ частно-владѣльческое село (изъ казеннаго), то, по принятому обычаю той краины, даетъ подарокъ въ пользу замка“,—но послѣдній доходъ, по замѣчанію люстраторовъ, наименѣе значительный (тамъ-же стр. 44—45).

Таковы были черты семейнаго права въ XVI в. не только въ Подоліи, но во всей Руси Литовской.

Затѣмъ вышеуказанный взглядъ на бракъ къ началу XVIII вѣка почти изчезъ вездѣ, кромѣ Подоліи.

Въ этой же мѣстности, вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій края, обычное семейное право, господствовавшее здѣсь въ XVI вѣкѣ, существовало еще и въ половинѣ XVIII вѣка, хотя отчасти въ измѣненномъ видѣ. Лишенное какой бы то ни было регламентаціи и совершенно отрицаемое церковнымъ и гражданскимъ законодательствомъ, оно порождало настоящее безладье въ семейной жизни народа, и духовнымъ властямъ

пришлось вести упорную борьбу съ ненормальностями въ области семейныхъ отношеній того времени.

Въ нашемъ пользованіи были три тома декретовъ каменецкой уніатской консисторіи, обнимающіе время съ 1737 по 1754 г. Книги эти принадлежатъ архиву Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета. При чтеніи этихъ декретовъ поражаетъ масса дѣлъ о незаконныхъ бракахъ,—изъ 1000 слишкомъ прочитанныхъ нами декретовъ, почти 10-я часть ихъ занята дѣлами подобнаго рода: или священникъ привлекается въ судъ за обвѣнчаніе двое-и трое-женца или двое-и троемужней женщины, или привлекаются въ судъ сами эти лица, вступившія въ такіе незаконные браки, или вторая жена жалуется суду, что мужъ покинулъ ее и живетъ съ первой своей женой, и т. п. дѣла. Настоящая статья и составлена на основаніи матеріаловъ, заимствованныхъ нами изъ указанныхъ консисторскихъ декретовъ.

Причинами подобныхъ явленій въ Подоліи въ первой половинѣ XVIII вѣка были: 1, хаотическое состояніе страны въ предшествовавшій періодъ, въ эпоху козацко-шляхетскихъ войнъ и турецкаго владычества, а также соціально-политическія условія народной жизни въ Подоліи въ первой половинѣ XVIII в. и 2, вліяніе магометанъ, господствовавшихъ въ Подоліи болѣе четверти вѣка (съ 1672 по 1699 гг.) и затѣмъ въ XVIII в. жившихъ по сосѣдству съ Подоліей, въ Бессарабіи.

Извѣстно, что еще съ половины XVII вѣка началось движеніе подольскаго народа на востокъ, за Днѣпръ. Турецкое занятіе края усилило это движеніе: народъ сталъ двигаться не только на востокъ, но и на западъ, и на сѣверъ. Къ концу владычества турокъ, Подолія сильно обезлюдѣла. Многія села и мѣстечки стояли въ развалинахъ. Незначительная только часть населенія пряталась по горамъ, ущельямъ и пещерамъ днѣстровскаго бассейна, по лѣсамъ, болотамъ и камышамъ прибугскихъ равнинъ. Но вотъ, съ выходомъ турокъ изъ Подоліи, сталъ возвращаться народъ на свои родныя пепелища. По брачнымъ дѣламъ въ указанныхъ выше декретахъ консисторіи можно прослѣдить, откуда въ то время двигался народъ въ Подолію:

движется онъ съ востока, изъ Украйны и Брацлавщины, изъ за Кальника и Тульчина, движется съ запада—изъ Угорщины, Покутья и Подгорья, движется, наконецъ, и съ сѣвера—Полѣсья.

Польское правительство, занявъ Подолію, принялось регулировать внутреннюю жизнь страны, но не всегда удачно, и это породило массу внутреннихъ безпорядковъ. Такъ, простой народъ сталъ селиться на слободахъ польскихъ землевладѣльцевъ; послѣдніе, для привлеченія къ себѣ рабочихъ рукъ, предоставляютъ поселенцамъ извѣстныя льготы на извѣстный срокъ. По прошествіи срока паны требуютъ исполненія условій—повиновенія, притѣсняютъ крестьянъ, вслѣдствіе чего происходитъ нарушеніе обязательствъ съ обѣихъ сторонъ. Народъ протестуетъ или массами — посредствомъ возстаній (таковы возстанія 1702, 1734, 1750 и 1768 гг.), или же въ одиночку—посредствомъ побѣговъ отъ одного землевладѣльца къ другому, чему иногда сами землевладѣльцы способствовали, приманивая къ себѣ переселенцевъ. Народъ, привыкши бродяжничать въ эпоху „руины“ продолжаетъ бродяжничать и теперь, въ первой половинѣ XVIII в.

И вотъ крестьянинъ, ушедшій изъ Подоліи въ чужіе края и успѣвшій тамъ жениться, при первой возможности идетъ на свою покинутую родину, не особенно безпокоясь о томъ, идетъ ли съ нимъ его жена, или остается на своей родинѣ. Если только жена не сопровождаетъ его, онъ на новомъ мѣстѣ женится на другой, не особенно заботясь также о томъ, благословила ли его бракъ церковь, или нѣтъ. Затѣмъ, если ему на новомъ мѣстѣ не живется, онъ, увлекаемый жаждой лучшей доли, а иногда и привычкой къ бродяжничеству, переходитъ въ третье мѣсто и тамъ опять женится. Такихъ переходовъ и женитьбъ онъ могъ сдѣлать нѣсколько. Тоже дѣлаютъ и женщины: онѣ переходятъ отъ одного мужа (находящагося въ живыхъ) къ другому, отъ другого къ третьему.

И нужно сказать, что при такомъ положеніи вещей трудно было тогдашнимъ властямъ—духовнымъ и гражданскимъ—контролировать заключеніе браковъ. При вѣчныхъ переходахъ и бродяжничествѣ народа нельзя было знать, гдѣ находится то или другое лицо. Народныя возстанія и ихъ усмиренія, а также

свирѣпствовавшія тогда моровыя повѣтрія (какъ въ зиму 1737—1738 гг.) уничтожали людей безъ счета, много пропадало ихъ безъ вѣсти, и никакими документами и свидѣтельскими показаніями нельзя было доказать смерть того или другого человѣка—супруга. Часто лицо, потерявшее супруга и желавшее вступить въ новое супружество, для доказательства своей правоспособности, должно было посылать довѣренныхъ лицъ за нѣсколько сотъ и даже тысячъ верстъ, чтобы найти какіе нибудь слѣды смерти или гибели супруга, но весьма рѣдко посылаемые находили требуемыя свѣдѣнія.

Нужно прибавить къ этому, что въ началѣ прошлаго вѣка и метрическія книги не всегда велись въ приходахъ; въ ревизіяхъ („визитахъ“) подольскихъ церквей прошлаго вѣка весьма часто находимъ настоятельныя требованія визитаторовъ, чтобы парохи вели метрическія книги; только съ третьяго десятилѣтія прошлаго вѣка метрическія книги являются въ большей части приходовъ (въ то время уніатскихъ).

И по необходимости мужъ или жена, при продолжительной отлучкѣ своего „подружья“, вступаетъ въ новое супружество, но чрезъ нѣсколько времени (иногда чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ) является мнимо умершій и начинается процессъ, обыкновенно оканчивающійся расторженіемъ послѣдняго брака.

Но если были случаи, вытекавшіе изъ необходимости выйти изъ затруднительнаго положенія, то еще больше было такихъ, что совершались въ силу установившагося обычая. Здѣсь могли имѣть мѣсто преданія XVI и XVII вѣка, которыя находили поддержку для своего существованія въ соціальномъ бытѣ народа.

Въ XVIII в. въ Подоліи находимъ то, что было въ XVI вѣкѣ въ другихъ южно-русскихъ земляхъ Литвы и Польши.

Такъ, въ консисторскихъ декретахъ прошлаго вѣка встрѣчаемъ, что иногда супруги расходились по взаимному согласію, и ихъ согласіе оформливалось выдачей другъ другу „разводныхъ листовъ“, и затѣмъ такія лица вступали въ другія супружества. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1744 году было возбуждено дѣло противъ священника (пароха) с. Карповецъ, обвинявшагося въ совершеніи незаконнаго брака. Изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось: пономарь меджибожской Успенской церкви Иванъ Лось назадъ тому 30 лѣтъ женился на какой-то Ксеніи, но найдя себя физически неспособнымъ къ супружеской жизни, отпустилъ жену, послѣ чего она вышла замужъ за другаго, который чрезъ 16 лѣтъ „во время инкурсіи“ убитъ россійскими войсками, а послѣ его смерти Ксенія опять вышла замужъ и жила съ третьимъ мужемъ въ с. Книжповцахъ. Духовный судъ не призналъ послѣдняго брака законнымъ и присудилъ возвратить Ксенію къ первому мужу—меджибожскому пономарю.

Въ 1738 г. инстигаторъ (прокуроръ) духовнаго суда привлекъ къ отвѣтственности уроженаго Василія Корницкаго, жителя с. Дьяковецъ, за то, что онъ въ супружество взялъ Анну, чужую жену и, забывши страхъ Божій, жилъ съ ней незаконно. Корницкій оправдывался на судѣ тѣмъ, что его жена дѣйствительно сначала вышла было замужъ за Попеля, будучи къ этому приневолена,—и хотя считалась его женой пять лѣтъ, но съ нимъ супружески не жила, и въ 1728 г., по взаимному согласію ея и мужа ея Попеля, „была квитована скриптомъ“ (kwitowana z przyiazni skriptem), который и представленъ Корницкимъ въ судъ; затѣмъ, изъ дальнѣйшаго разбора оказалось, что Анна вышла замужъ за дьячка Занькевича и, поживши съ нимъ годъ, осталась вдовой и тогда уже, будучи вдовой, сочеталась бракомъ въ третій разъ съ Корницкимъ.—Судъ призналъ послѣдній бракъ незаконнымъ и опредѣлилъ расторгнуть его.

Или еще фактъ. Крестьянка с. Вихровецъ, бывшая замужемъ за Өеодоромъ, получила отъ мужа бумагу (kartę), освобождающую ее отъ супружества съ нимъ и дозволяющую ей выйти замужъ за другаго, и дѣйствительно вышла за Петра, жителя также вихровецкаго. При дачѣ Өеодоромъ разводнаго листа присутствовалъ и парохъ (священникъ) вихровецкій, который затѣмъ совершалъ и бракосочетаніе этой крестьянки съ Петромъ, за что (въ 1741 г.) былъ наказанъ „трехнедѣльной реколлекціей въ каөедрѣ съ дисциплиной при двухъ „Miserere

теі" [1]), штрафомъ въ 20 гривенъ и отрѣшеніемъ отъ священнодѣйствій на три четверти года".

Но не всегда разводъ оформливался дачей разводныхъ листовъ, чаще всего просто расходились и вступали въ новый бракъ безъ всякихъ формальностей на бумагѣ.

И народъ такъ сжился съ такими явленіями, что явный двоеженецъ нисколько не стѣснялся своимъ положеніемъ. Такъ, мы находимъ, что крестьянинъ, имѣя жену и дѣтей въ подольскомъ селѣ (въ Балинѣ, камен. у.) ушелъ на Украйну, тамъ женился на другой, привелъ эту вторую жену въ свое родное село, гдѣ была его первая жена, и жилъ тамъ съ этой новой женой (1739 г.) Или такой фактъ: Агафья, дочь Сугака, мѣщанина черноковскаго, обывателька каменецкая, заявляетъ въ 1753 г. въ консисторіи претензію на своего мужа, что онъ оставилъ ее и живетъ съ своей первой женой въ с. Ходоровцахъ, по какой жалобѣ судья позволилъ Агафьѣ вступить въ другой бракъ.

Конечно, въ декреты внесены только тѣ случаи, когда совершенъ былъ незаконно бракъ священникомъ съ записью въ метрики, что подавало поводъ къ процессу. А сколько было случаевъ, когда не было поводовъ привлекать къ суду!

Если подобное безладье въ дѣлѣ совершенія браковъ поддерживалось въ Подоліи, благодаря хаотическому состоянію страны въ гражданскомъ отношеніи, то нужно сказать, что этому безладью не мало способствовали и неурядицы въ церковной жизни. Религіозныя смуты въ Подоліи, вызванныя введеніемъ уніи въ началѣ XVIII в. и стараніемъ польскаго правительства сблизить обрядъ русской церкви съ латинскою, приводили къ тому, что крестьяне украдкой переправлялись чрезъ Днѣстръ въ Волощину и тамъ получали благословеніе браковъ отъ православныхъ молдавскихъ священниковъ. Конечно, этимъ средствомъ часто пользовались тѣ, кто хотѣлъ вступить въ незаконный бракъ. Такихъ незаконныхъ браковъ, совершенныхъ на Волощинѣ, встрѣчается въ декретахъ очень много.

---

[1]) Т. е. въ теченіе двукратнаго чтенія псалма „Помилуй мя Боже".

Кромѣ того, существовало и другое болѣе удобное средство получить благословеніе незаконнаго брака. Въ то время въ Подоліи и Брацлавщинѣ было очень много праздношатающихся священниковъ. Такіе священники были большею частью если не родомъ изъ Волощины, то получали тамъ рукоположеніе; были между ними и мнимые священники — искатели приключеній и наживы, выдававшіе себя за священниковъ и желавшіе въ мутной водѣ ловить рыбу.

Эти праздношатающіеся священники за вознагражденіе охотно благословляли незаконные браки, часто безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей и церковныхъ требованій— безъ оглашенія, въ простой хатѣ, или даже гдѣ нибудь въ полѣ, безъ свидѣтелей, ночью. Такъ, въ 1742 г. декретомъ консисторіи былъ расторгнутъ совершенный назадъ тому лѣтъ 12 бракъ какого-то крестьянина Стефана съ Ксеніей, такъ какъ оказалось, что Ксенія имѣетъ другого мужа въ живыхъ, а вѣнчалъ ихъ (Стефана и Ксенію) какой-то бродяга (włoczęga) подъ селомъ Балакирами. Урож. Комарницкій, житель с. Тарновы Подлѣской, при жизни своей первой жены женился на другой въ Зиньковѣ и бракъ былъ совершенъ въ хатѣ безъ оглашеній какимъ-то бродягой, о которомъ консисторія сомнѣвалась, былъ ли онъ духовнымъ лицомъ (1746 г.). Въ 1752 г. однимъ декретомъ было расторгнуто четыре брака крестьянъ сс. Сказинецъ, Савинецъ, Франовки и Шидловецъ; эти браки были совершены въ Лисоводахъ праздношатающимся пресвитеромъ, называвшимъ себя Мастыкашею.

Какъ мы сказали раньше, этой всеобщей распущенности нравовъ подольскаго народа способствовала, кромѣ хаотическаго состоянія страны, еще одна, можетъ быть даже главная, причина — это вліяніе магометанства. 27-лѣтнее господство въ странѣ турокъ во второй половинѣ XVII в. должно было оставить свои слѣды; да и въ XVIII в. магометане жили въ смежности съ Подоліей, только Днѣстръ отдѣлялъ ихъ отъ подолянъ: въ Хотинѣ были турецкія войска, во многихъ мѣстахъ за Днѣстромъ землевладѣльцами были турки, у которыхъ подольскіе крестьяне служили работниками, приходили косить сѣно,

жать пшеницу и т. п., какъ это видно изъ декретовъ консисторіи.

Во время господства въ Подоліи турокъ было много случаевъ принятія магометанства христіанами, много было такъ называемыхъ „потурнаковъ“ какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ среды поляковъ-шляхтичей. И послѣ, въ XVIII в., были случаи совращенія въ магометанство. Такъ, въ 1745 г. жительница с. Нѣгина Маріанна, желающая вступить въ бракъ, представила въ уніатскую консисторію показанія нѣкоего жителя Чернокозинецъ, данныя имъ католической каменецкой консисторіи, слѣдующаго содержанія: „мужъ Маріанны служилъ въ Ботушанахъ, на Волощинѣ, у липка (татарина) Гордзики, будучи уже бусурманиномъ; когда онъ безнадежно заболѣлъ и увидѣлъ близкую свою смерть, то часто говорилъ о своей женѣ Маріаннѣ, оставшейся въ Подольѣ, сожалѣлъ, что сдѣлался бусурманиномъ;—это меня Богъ наказываетъ за то, что я отступилъ отъ св. вѣры—говорилъ онъ“.

Въ 1752 г. въ консисторскій судъ были привлечены два крестьянина—одинъ изъ с. Цвикловецъ, другой изъ с. Тутновецъ за то, что „они, забывши страхъ Божій и любовь къ ближнему, способствовали побѣгу дезертира изъ Каменецкой крѣпости, переправили его чрезъ Днѣстръ и отдали въ услуженіе турку въ Хотинѣ, гдѣ онъ отрекся отъ христіанской вѣры, и они тѣмъ самымъ были причиной его отреченія и гибели его души.

Если были факты совращенія жителей Подоліи въ магометанскую религію, то нельзя не допустить, что магометанство вліяло и на семейную жизнь христіанскаго населенія Подоліи. Сейчасъ за Днѣстромъ, въ Хотинѣ, паши и аги держали многолюдные гаремы, наполняемые обыкновенно женщинами с подольскаго берега. Часто подольскія женщины изъ крестьянокъ и мѣщанокъ принимали магометанство, жили съ турками за Днѣстромъ, а потомъ возвращались въ Подолье. Такъ, жена мѣщанина г. Могилева, „по діавольскому навожденію и подущенію“ турка Измаила въ с. Кишновѣ, въ предѣлахъ валахійскихъ, измѣнила вѣрѣ, а потомъ возвратилась въ Могилевъ и стала опять жить съ первымъ своимъ мужемъ (1744 г.). Какая-то

обывателька Дзвиняцкая проситъ консисторію разрѣшить ей вступить въ бракъ (1747 г.); изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось, что она замужемъ не была, а только 5 лѣтъ жила на Волошской сторонѣ съ турчиномъ, за что въ наказаніе было назначено ей: купить 2 двухфунтовыя свѣчи въ приходскую церковь, лежать крестомъ три литургіи, а для тѣлеснаго наказанія отправлена въ панскій дворъ;—тѣмъ не менѣе вступленіе въ бракъ ей позволено. Въ одномъ дѣлѣ 1747 г. указывается, что жены двухъ крестьянъ с. Браги (надъ Днѣстромъ) также жили съ турчинами въ Хотинѣ.

Многіе изъ такихъ женщинъ добровольно дѣлались женами турокъ, поступали въ гаремы; иногда же это дѣлалось противъ ихъ воли: татары, жившіе въ Волощинѣ, такъ называемые липки, часто дѣлали набѣги на приднѣстровскія села и уводили красивыхъ, молодыхъ женщинъ, которыя поступали въ гаремы не только ханскихъ пашей, но даже цареградскихъ визирей и султановъ. Поднѣстровье всегда славилось красивыми женщинами. Вообще, нужно сказать, земли украинскія, еще съ XVI в., пополняли гаремы цареградскіе и крымскіе. Въ XVI — XVII в. „смуглыя худощавыя черкешенки, говоритъ д-ръ Антоній I., вышли изъ моды, славянскіе блондинки имѣли предъ ними преимущество; для ханскихъ гаремовъ искали бранокъ (плѣнницъ) надъ Днѣпромъ, а для султановъ самыми привлекательными были красавицы изъ — надъ Днѣстра. Поразительная была красота тамошнихъ женщинъ, даже принадлежавшихъ къ самому низшему классу народа: высокія, съ правильными чертами лица, тѣло стройное, движенія гармоничныя, волосы бѣлорусые мягкіе, густые и длинные, очи свѣтлыя — и не голубыя, и не зеленныя, что-то среднее между сапфиромъ и изумрудомъ, съ сильнымъ блескомъ; въ нихъ была видна рѣзвость копки и полное слезъ смущеніе серны". Такъ описываетъ д-ръ Антоній I. поднѣстровскихъ женщинъ, заимствуя краски изъ записокъ какого-то армянина XVII — XVIII в. (Dr. Antoni I., Nowe opowiadania historyczne,—въ разсказѣ подъ заглавіемъ: „Losy kresowego miasteczka", стр. 99—100).

Женщина, взятая въ турецкій гаремъ, если это было не далеко отъ Подоліи, напр. въ Хотинѣ, жила тамъ до тѣхъ поръ, пока ей жилось хорошо; если же ей было плохо, и она тосковала въ неволѣ, то уходила оттуда тайно или старалась освободиться отъ неволи законнымъ порядкомъ. Такъ въ „Архивѣ Ю.-З. Р.“ (ч. V т. 1 стр. 271) находимъ слѣдующій фактъ. Жена какого-то мѣрочника (мельника) изъ Карвасаръ, предмѣстья Каменца, Анна бросила мужа своего и жила преступно, а когда была наказана розгами, ушла въ Хотинъ, приняла магометанство и сдѣлалась женой нѣкоего турка Кольфа, жителя хотинскаго, но жила съ нимъ недолго, чрезъ двѣ недѣли забрала у турка мѣшочекъ съ левами, кунтушъ кармазиновый французскаго сукна, кафтанъ зеленый, два платка, шелковый и бумажный, и ушла въ Исаковцы. Но за такой поступокъ она жестоко поплатилась: судъ, для пресѣченія подобнаго своеволія, присудилъ эту крестьянку къ смертной казни чрезъ усѣченіе головы на рынкѣ, во время ярмарки.

Но бывали случаи, что подобные побѣги сходили благополучно. Иногда же плѣнницы гаремовъ достигали свободы законнымъ путемъ. Плѣнница присылала жалобу къ каменецкому коменданту съ просьбой освободить ее отъ заключенія. Жалобу эту нужно было посылать крайне осторожно, втихомолку и чрезъ вѣрныя руки, потому что такая жалоба, перехваченная на дорогѣ турецкой властью, была смертнымъ приговоромъ для жалобщицы:—зашитая въ мѣшокъ, какъ невѣрная жена правовѣрнаго мусульманина, она шла на дно Днѣстра. Въ декретахъ встрѣчаемъ подобные случаи. Если же просьба доходила до каменецкаго коменданта, онъ оффиціально требовалъ отдачи плѣнницы, и турки отдавали ее.

Такія женщины, возвращавшіяся изъ гаремовъ къ прежнимъ своимъ домашнимъ очагамъ, безъ сомнѣнія не приносили сюда убѣжденій высокой нравственности и скромности, у турокъ этому онѣ не могли научиться (Dr. Antoni. I., Zam. Pod. na kresach multan. I, 242,—изд. 2-ое).

Такова была семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Такою она представляется при чтеніи

вышеуказанныхъ декретовъ каменецкой уніатской консисторіи прошлаго вѣка. И католическій каменецкій епископъ Сѣраковскій (1739—1742 г.), во время своей генеральной ревизіи приходскихъ костеловъ Подоліи, нашелъ семейную жизнь своей паствы весьма неудовлетворительной. „Брачные союзы, говоритъ онъ въ одномъ эдиктѣ, совершенно не уважались: мужья безъ всякой нужды, по одной прихоти, разводились съ тремя женами и женились на четвертой; многоженство было обыкновеннымъ явленіемъ; жены изъ одной прихоти самовольно бросали мужей и мужья женъ и, какъ бы въ ветхомъ завѣтѣ, мужья разводились съ своими женами per libellum repudii, съ взаимнымъ позволеніемъ другъ другу вступить въ другой бракъ; жены съ чужими мужьями жили „на вѣру", или вѣрнѣе „безъ вѣры и противъ вѣры", о чемъ мы, замѣчаетъ епископъ, достаточно наслушались съ тяжелой болью въ сердцѣ во время генеральной визиты. (Симашкевичъ, Р. католичество и его іерархія въ Подоліи, Кам.-Под. 1872, стр. 337).

Е. С.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

IV.

По Днѣпру отъ Кіева до Канева.

Для путешествія императрицы по Днѣпру предварительныя распоряженія начались еще въ 1784 году: посланы были морскіе офицеры для промѣра рѣкъ Днѣпра и Сожа, а въ Смоленскѣ начали строить суда для императорской днѣпровской флотиліи; въ 1785 году, когда рѣшено было начать водяное путешествіе изъ Кіева, построенныя галеры перевели изъ Смоленска въ Кіевъ; 20 мая онѣ прибыли туда. 21-го мая, въ день тезоименитства в. к. Константина Павловича, послѣ оффиціальнаго угощенія у правителя кіевскаго намѣстничества, капитанъ-лейтенантъ Пущинъ, завѣдывавшій этими галерами, пригласилъ правителя намѣстничества и всѣхъ бывшихъ у него гостей посмотрѣть приведенныя имъ суда, стоявшія у берега Днѣпра возлѣ Кіева. По вступленіи на первое судно правителя, генералитета и всѣхъ присутствовавшихъ, эскадра, по сдѣланному сигналу, отваливъ отъ берега съ поднятыми флагами и съ музыкою, плыла внизъ по Днѣпру, въ виду нѣсколькихъ тысячъ собравшихся на берегу дворянъ, духовенства и городскихъ жителей; при прохожденіи мимо Кіево-Печерской крѣпости, съ обѣихъ сторонъ производилась обыкновенная пушечная пальба, а потомъ эскадра стала на якорѣ ниже города въ 4-хъ верстахъ, гдѣ впадаетъ въ Днѣпръ рѣка Лыбедь, въ заливѣ Михайловскомъ;

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1891 г. № 3.

здѣсь для эскадры назначено было удобное мѣсто для стоянія (Москов. Вѣд. № 52, 1785 г.). Въ 1786 г. въ іюлѣ отправленъ былъ изъ Петербурга въ Кіевъ вице-адмиралъ Пущинъ съ подробными наставленіями для командованія днѣпровскою флотиліею. Сверхъ того Пущину повелѣно было осмотрѣть днѣпровскіе пороги, чтобъ убѣдиться, можно ли будетъ плыть императрицѣ далѣе Новыхъ Кайдакъ.

9 сентября Пущинъ увѣдомилъ А. А. Безбородка, что, проплывъ Днѣпромъ до пороговъ съ правителемъ намѣстничества Ширковымъ, онъ осмотрѣлъ пороги съ большимъ затрудненіемъ; „имѣя при себѣ сына своего капитана-лейтенанта и штурмана, ходя въ разныхъ мѣстахъ къ утесистымъ большимъ горамъ и каменьямъ, ѣздя съ нуждою верхомъ и въ роспускахъ".

Пущину хотѣлось во что бы то ни стало доплыть до Херсона. Но не только большой лодки, а даже и челнока ниже пороговъ онъ не сыскалъ, а потому возвратился въ Кіевъ 5-го сентября. Пущинъ прислалъ Безбородку экстрактъ изъ журнала своего плаванія, въ которомъ, между прочимъ, было записано, что онъ ѣхалъ отъ Кіева до Новыхъ Кайдакъ, гдѣ начинаются пороги, 12 дней. Лоцмана объявили Пущину, что переводъ галеръ черезъ пороги можно сдѣлать, если поставить знаки, но и при этомъ не безопасно. (Изъ дѣлъ Госуд. Архива).

29 января 1787 г. вице-адмиралъ Пущинъ донесъ о числѣ морскихъ служащихъ при днѣпровской флотиліи; ихъ тогда было: флотскихъ офицеровъ 23, лѣкарь и подлѣкарь 2; прочихъ нижнихъ чиновъ—писарей, боцмановъ, матросовъ 424, трубачей 31 челов., штурмановъ 23. Всего съ артиллерійскою командою и съ разными мастеровыми было 567 челов. Пущинъ просилъ прибавки изъ солдатъ 990 челов. для гребки. 22 апрѣля 1787 г., какъ мы видѣли, для путешествія императрицы по Днѣпру галеры были приведены и стояли у Кіево-Подола за Братскимъ Богоявленскимъ монастыремъ, у берега, и поставлены на якорныя мѣста, съ учрежденіемъ карауловъ и съ назначеніемъ, гдѣ кому помѣститься. Размѣщеніе галеръ было произведено въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. *Ильма*, для морской и подрядческой провизіи.

2. *Ингулъ*, для гардероба императрицы.

3. *Донъ*, для кондитера съ его должностью, подъ вино и подъ провизію, для должностей кофешенкской и тафельдекерской.

4. *Самара*, кухня для пріуготовленія на вечерній и на разные расхожіе столы кушанья.

5. *Кубань*, кухня для обѣденныхъ столовъ.

6. *Десна*, семибаношная [1]), столовая.

7. *Сожъ*, десятибаношная, для господъ: гофмаршала, тайнаго совѣтника Стрекалова, лейбъ-медикуса Рожерсона, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Храповицкаго и будущихъ при нихъ.

8. *Сновъ*, десятибаношная, для генералъ-адъютанта графа Ангальта, тайнаго совѣтника графа Безбородка, генералъ-маіора Левашева, шталмейстера Ребиндера, или кому приказано будетъ, съ помѣщеніемъ самонужнѣйшихъ людей для генералъ-адъютанта и для канцеляріи графа Безбородка.

9. *Днѣпръ*, двѣнадцатибаношная, для императрицы.

10. *Бугъ*, двѣнадцатибаношная, для князя Григорія Александровича Потемкина и для помѣщенія графинѣ Александрѣ Васильевнѣ Браницкой и графинѣ Катеринѣ Васильевнѣ Скавронской.

11. *Ипуть*, десятибаношная, для господъ: оберъ-шталмейстера Нарышкина, оберъ-камергера Шувалова и тайныхъ совѣтниковъ Черткова и Нелединскаго-Мелецкаго.

12. *Сеймъ*, двѣнадцатибаношная, для римско-императорскаго посла, министровъ: французскаго графа Сегюра, великобританскаго г-на Фицъ-Герберта и принца де-Линій.

13. Трешкоутъ *Орелъ*, для графа Чернышева и графини, его дочери.

14. *Остеръ*, для камергеровъ: Валуева, Салтыкова, камеръ-юнкеровъ: Бибикова и Кочубея и для двухъ или трехъ гвардіи капитановъ.

15. *Трубежъ*, лейбъ и гофъ-хирургамъ: Кельхену, Вейкарту, Мессингу и аптекарю Гревве и двумъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ чинамъ.

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

16. *Лыбедь*, камеръ-пажамъ и кого помѣстить нужно будетъ.

17. *Тясминъ* и 18. *Стугна*, для конюшенной команды.

19. *Тавель*, для морскихъ припасовъ.

20. *Салгиръ*, морская гошпиталь.

21. Сверхъ вышеписанныхъ, судно кіевскаго губернатора Ширкова къ слѣдованію его съ губернскимъ предводителемъ дворянства, для препровожденія императрицы до границы, раздѣляющей кіевскую губернію съ губерніею другого намѣстничества.

У вышеписанныхъ галеръ, трешкоута и водовиковъ назначены были мелкія гребныя суда.

У галеры *Днѣпра*, для высочайшихъ ея императорскаго величества выѣздовъ, подъ командою флота капитана Ивана Петровича Пущина: шлюпка 12-ти весельная одна, при ней собственныхъ ея и. в—ва судовъ квартирмейстеръ одинъ и надлежащее число гребцовъ; катеръ 16-ти весельный одинъ, при немъ морскаго флота мичманъ одинъ и надлежащее число матросовъ.

Для командующаго флотиліею, вице-адмирала, шлюпка 12-ти весельная одна вѣдомства его съ морскими служителями, да для разныхъ разъѣздовъ баркасъ 8-ми весельной одинъ, съ служителями-же морскаго флота.

У прочихъ галеръ и судовъ у каждаго по одному баркасу и по другому катеру, состоящіе подъ командою капитанъ-лейтенантовъ, находящихся въ помянутой флотиліи, съ употребленіемъ на тѣхъ судахъ морскихъ служителей и воинской команды пѣхотныхъ полковъ: днѣпровскаго и черниговскаго.

22 апрѣля Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ: „Выѣхали изъ Кіева на галерахъ“. (См. Днев. Храпов.).

Передъ отъѣздомъ императрица приказала Храповицкому: „Со дня отъѣзда моего, когда паки начнете журналъ для пересылки въ обѣи столицы, включите имена особъ, кои на суда сядутъ, дабы видѣли во всей Европы, какъ врутъ газеты, когда пишутъ, что тотъ умеръ или другой отдалился. (Р. Арх., 1872, XI. Письма Екат. II къ Храповицкому, стр. 2068).

22 апрѣля предъ полуднемъ, въ исходѣ 12-го часа, императрица прибыла къ берегу рѣки Днѣпра, на приготовленную

пристань, противъ стоявшаго флота, гдѣ, вышедъ со всею высочайшею свитою изъ экипажей, переѣхала въ императорской своей шлюпкѣ на столовую галеру Десну, причемъ въ шлюпку императрицы приглашены были статсъ-дамы: графиня А. В. Браницкая, графиня К. В. Скавронская, камеръ-фрейлина А. С. Протасова, князь Г. А. Потемкинъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ и римско-императорскій посолъ графъ Кобенцель. За императрицею, въ шлюбкахъ же и баркасахъ, слѣдовали прочія составляющія свиту персоны: фрейлина графиня Катерина Ивановна Чернышева; адмиралтейской коллегіи вице - президентъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ; оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ; оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ; гофмейстеръ, тайный совѣтникъ графъ А. А. Безбородко; генералъ-адъютантъ графъ Ѳ. А. Ангальтъ; вице-адмиралъ и генералъ-интендантъ Петръ Ивановичъ Пущинъ; тайный совѣтникъ Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ; гофмаршалъ и тайный совѣтникъ князь Ѳ. С. Барятинскій; графъ Штакельбергъ, россійскій полномочный посолъ при королѣ польскомъ; графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, министръ при дворѣ неаполитанскомъ; шталмейстеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ; генералъ-поручикъ графъ Михаилъ Петровичъ Румянцевъ; генералъ-маіоръ и флигель-адъютантъ Василій Ивановичъ Левашевъ; тайный совѣтникъ Евграфъ Александровичъ Чертковъ; тайный совѣтникъ Александръ Юрьевичъ Нелединской-Мелецкой; камергеръ Петръ Степановичъ Валуевъ; камергеръ Василій Петровичъ Салтыковъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ и лейбъ-медикъ Иванъ Самойловичъ Рожерсонъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Васильевичъ Храповицкій; камеръ-юнкеры: графъ Юрій Александровичъ Головкинъ; Александръ Александровичъ Бибиковъ; Викторъ Павловичъ Кочубей. Иностранные: французскій полномочный министръ графъ Сегюръ; великобританскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ г. Фицъ-Гербертъ; графъ Браницкій, гетманъ, великій коронный польскій; принцъ де-Линій; принцъ де-Нассау. Полковники: флигель-адъютантъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ; Иванъ Степановичъ Рибопьеръ; Дмитрій Ѳеодоровичъ Козловъ;

флота капитанъ полковничьяго ранга Иванъ Петровичъ Пущинъ. Слѣдовавшіе для провожанія императрицы до границы: кіевскій губернаторъ С. Е. Ширковъ; губернскій предводитель дворянства Капнистъ.

Во время высочайшаго шествія отъ пристани до столовой галеры стоящіе на галерахъ и на прочихъ судахъ караулы отдавали фронтомъ честь и играла музыка на трубахъ съ литаврами и били въ барабаны. На галерѣ Деснѣ императрицу встрѣтилъ гофмаршалъ и затѣмъ былъ обѣдъ на 41 кувертъ.

По окончаніи стола императрица перешла съ столовой галеры, въ сопровожденіи статсъ-дамъ, камеръ-фрейлины и прочихъ тѣхъ же особъ, съ коими предъ тѣмъ прибыла, на свою галеру Днѣпръ, слѣдовавшую подъ вице-адмиральскимъ флагомъ; на этой галерѣ назначено было также помѣщеніе камеръ-фрейлинѣ А. С. Протасовой и генералъ-маіору А. М. Дмитріеву-Мамонову. Тотчасъ по прибытіи императрицы, съ галеры Днѣпръ пушечнымъ выстрѣломъ данъ сигналъ, чтобы всѣ суда изготовились къ походу, и въ исходѣ 3-го часа передовыя суда и галеры, поднявши якорь, пошли въ путь; въ это же время изъ поставленныхъ на Подолѣ на берегу Днѣпра пушекъ началась пальба, а въ городѣ во всѣхъ церквахъ начался колокольный звонъ и стоявшіе на берегу Днѣпра и на плотахъ мѣщане и ремесленники стрѣляли изъ ружей бѣглымъ огнемъ съ криками ура!, повторявшимися стоявшимъ на берегу народомъ.

Потомъ, когда императорскія галеры проходили мимо Печерской крѣпости, изъ крѣпости вице-адмиральскому флагу салютовано пушечною пальбою, съ галеры же Днѣпра отвѣтствовано 9-ю выстрѣлами; въ 6 часовъ, по пушечному выстрѣлу съ галеры Днѣпра, всѣ суда легли на якорь противъ Китаевой пустыни, проплывъ отъ якорнаго мѣста, бывшаго при Кіево-Подолѣ, 10 верстъ. Когда всѣ галеры установились въ порядкѣ, на галерѣ Днѣпръ выставленъ былъ сигнальный флагъ, чтобы вся свита собралась на галеру императрицы, что тогда же было исполнено, и всѣ, не исключая и чужестранныхъ министровъ, съѣхались на шлюпкахъ на галеру Днѣпръ. Императрица не замедлила выдти въ залъ, и послѣ бесѣды, въ 8 ч. вечера

удалилась въ свои внутренніе на галерѣ покои. Все общество путешествующихъ, по приглашенію гофмаршала кн. Барятинскаго, опять въ шлюпкахъ переѣхало на галеру Десну, гдѣ нѣкоторые изъ свиты остались ужинать.

Въ 10 часовъ вечера, начиная съ галеры Днѣпръ, во всей флотиліи, заиграла музыка на трубахъ съ литаврами, а къ вечерней зарѣ забили барабаны; послѣ музыки и по совершеніи военными командами надлежащей молитвы, съ первой галеры выпалили изъ пушки „на ночлегъ".

23 апрѣля, въ пятницу, по утру, въ исходѣ 4-го часа, съ галеры Днѣпра сдѣланъ былъ сигналъ выставленнымъ флагомъ: всей флотиліи сниматься съ якоря и идти въ путь; плаваніе продолжалось до 9-ти часовъ утра, а въ это время съ галеры Днѣпръ поданъ сигналъ прочимъ галерамъ пушечнымъ выстрѣломъ: *лечь на якорь*. Флотилія остановилась противъ рѣчки Березовки, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны по теченію и отстоящей отъ Китаевой пустыни въ 24 верстахъ. По полудни, въ 12 часовъ, на столовой галерѣ Десна, началась суета и бѣготня,—приготовляли обѣдъ. Осмотрѣвъ всѣ приготовленія къ столу, гофмаршалъ приказалъ выкинуть алый флагъ, какъ условленный сигналъ для съѣзда къ обѣденному столу лицъ свиты. Когда всѣ собрались, гофмаршалъ донесъ императрицѣ, которая вскорѣ и прибыла на галеру Десну, въ своей императорской шлюпкѣ, въ которую были приглашены: графиня А. В. Браницкая, графиня К. В. Скавронская, А. С. Протасова, князь Г. А. Потемкинъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, римско-императорскій посолъ графъ Кобенцель и принцъ де-Линій; при отъѣздѣ съ галеры Днѣпра и по прибытію на галеру Десну, по всей флотиліи въ честь императрицы гремѣла музыка на трубахъ съ литаврами и барабаннымъ боемъ:

Обѣдъ былъ на 39 кувертовъ, приглашенъ былъ кіевскій губернаторъ Ширковъ и во время стола играла духовая музыка. Послѣ стола, въ четверть 2-го часа, императрица возвратилась на свою галеру Днѣпръ, причемъ въ шлюпку императрицы приглашены были статсъ-дамы, камеръ-фрейлина и др. персоны. Потомъ, въ половинѣ 2-го часа, на галерѣ Днѣпръ сдѣланъ

былъ сигналъ, по которому всѣ суда снялись съ якоря и продолжали путь до 7-ми часовъ вечера, а въ это время, по сигналу же, стали на якорь близъ села Видочева, отстоящаго отъ рѣчки Березовки въ 13 верстахъ.

Вскорѣ, на галерѣ выставленъ былъ сигнальный флагъ къ съѣзду свитѣ на галеру Днѣпръ, а когда всѣ собрались, императрица вышла въ залу и играла въ карты, приглася за свой столъ князя Г. А. Потемкина, А. М. Дмитріева-Мамонова и великобританскаго посланника Фицъ-Герберта. Въ половинѣ 9-го часа императрица удалилась во внутренніе покои. Въ этотъ же день императрица писала къ Брюсу: „Въ тотъ часъ вчерась, какъ я собиралась выѣхать изъ Кіева, получила я ваше письмо отъ 11 апрѣля съ приложеніями и потомъ сѣла я въ карету и поѣхала къ пристани подольской, откуда водою до моей галеры и, отобѣдавъ на галерѣ, пустилась благополучно въ путь, но понеже судовъ много, то галера Днѣпръ, на которой я подняла якорь, не прежде какъ въ исходѣ четвертаго часа; отошедъ же отъ Подола и прошедъ Печерскую крѣпость, противу пустыни паки легли на якоря, гдѣ ночевали и съ свѣтомъ вмѣстѣ пустились паки въ путь, а теперь мы въ виду мѣстечка Триполи паки легли на якоря. Дни теплые и прекрасные и всѣ здоровы. (См. Прилож. къ К. Ф. Ж. 1787.)

24 апрѣля, въ субботу, по утру, въ исходѣ 5-го часа, по данному съ галеры Днѣпръ сигналу, всѣ галеры и суда снялись съ якоря и продолжали путь до 10 часовъ утра-жъ, прошедъ, между тѣмъ, въ 8-мъ часу, мѣсто границы, раздѣляющей Россію съ Польшею, которое находится по теченію Днѣпра съ правой стороны, близъ деревни Кабной, лежащей на россійскомъ берегу, съ лѣвой стороны, и потомъ, по сигналу же, стали на якорь, близъ малороссійскаго села Ячники, отстоящаго отъ села Видочева въ 22 верстахъ.

Императрица обѣдала со свитою на галерѣ Деснѣ.

По возвращеніи императрицы на галеру Днѣпръ, по полудни въ 2 часа, данъ сигналъ, по которому всѣ суда снялись съ якоря и продолжали путь до половины 7-го часа вечера. Между тѣмъ, въ 5 часовъ, приглася камеръ-фрейлину Про-

тасову, камеръ-юнгферу М. С. Перекусихину и генералъ-маіора Дмитріева-Мамонова въ свою шлюпку, императрица придумала оригинальную прогулку по водѣ,—она приказала плыть шлюпкѣ внизъ по Днѣпру, возлѣ и мимо идущихъ галеръ, на которыхъ военные полковые музыканты играли на трубахъ съ литаврами, а солдаты отдавали императрицѣ честь съ барабаннымъ боемъ. По возвращеніи на галеру Днѣпръ, во время плаванія мимо монастырскихъ селъ Гучинки и Трехтемирова[1]), находящихся съ лѣвой стороны по теченію Днѣпра; тутъ на берегу стояли народъ и священники съ крестами, а въ то же время по правую сторону по теченію Днѣпра расположенный тамъ отрядъ польской конницы салютовалъ идущимъ галерамъ музыкою на трубахъ съ литаврами; потомъ съ галеры Днѣпръ данъ сигналъ стать на якорь; это было въ виду города Переяславля; послѣ обѣда флотилія проплыла 21 версту. Когда стали на якорь, по сигналу съ галеры Днѣпръ флагомъ вся свита и иностранные посланники съѣхались на галеру Днѣпръ, гдѣ въ залѣ императрица играла до 9 ч. вечера въ карты, приглася за свой столъ Дмитріева-Мамонова и посланника Фицъ-Герберта. Въ этотъ день императрица писала къ барону Гримму:

„22 апрѣля я выѣхала изъ Кіева и вотъ теперь мы уже третій день плывемъ на веслахъ по Днѣпру; всѣ мы здоровы. Все, что могу вамъ сказать, что изъ всѣхъ моихъ путешествій по водѣ теперешняя очень затруднительна потому что эта рѣка очень извилиста, на ней множество островов, островковъ и подводныхъ камней и поэтому мы все шли на веслахъ, не употребивъ ни разу парусовъ. Днѣпръ гораздо быстрѣе Невы. Теперь мы между двумя берегами: съ одной стороны гористый принадлежитъ Польшѣ, съ другой русской — очень плоской.... Богъ знаетъ откуда отправлю это письмо. Завтра или послѣзавтра надѣюсь видѣть на моей галерѣ короля польскаго“.

---

[1]) Мѣстечко Трехтемировъ извѣстно было тогда по ломкѣ и обдѣлкѣ жерновыхъ камней, развозимыхъ не только по польской Украинѣ, но и по всей почти Малороссіи (см. Путешествіе ея величества въ 1787 г. Печатано при Горномъ училищѣ въ 1786, стр. 44).

На слѣдующій день предстояло свиданіе съ королемъ польскимъ въ мѣстечкѣ Каневѣ.

Сегюръ, французскій посланникъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія любопытныя подробности о плаваніи по Днѣпру до Канева.

„Императрица пустилась въ путь на галерѣ, въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которая когда либо шла по широкой рѣкѣ. Она состояла изъ 80 судовъ съ 3000 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, съ множествомъ ловкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Одна изъ тѣхъ галеръ, которыя слѣдовали за царскою, была назначена Кобенцелю и Фицъ-Герберту, другая де-Линю и мнѣ, прочія были отданы князю Потемкину и его племянницамъ, оберъ-камергеру, шталмейстеру, министрамъ и сановникамъ, которые удостоились чести сопровождать императрицу. На остальныхъ судахъ помѣстились разные служители, пожитки, провизія. Г-жа Протасова и каждый изъ насъ имѣлъ комнату и еще нарядный и роскошный кабинетъ съ покойными диванами, съ чудесною кроватью подъ штофною занавѣсью и съ письменнымъ столомъ краснаго дерева. На каждой изъ галеръ была своя музыка. Множество лодокъ и шлюпокъ носилось впереди и вокругъ этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебствомъ“.

„Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкія суда и катались вдоль берега, вокругъ зеленѣющихъ островковъ, которыми усѣяна рѣка. Множество народа громкими кликами привѣтствовало императрицу, когда, при громѣ пушекъ, матросы мѣрно ударяли по волнамъ Борисѳена своими блестящими, расписанными веслами. По берегамъ появлялись толпы любопытныхъ, которые безпрестанно мѣнялись и стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы видѣть торжественный поѣздъ и поднести въ даръ императрицѣ произведенія различныхъ мѣстностей. Порою на береговыхъ равнинахъ Днѣпра маневривали легкіе отряды козаковъ. Города, деревни, усадьбы, а иногда простыя хижины такъ были изу-

крашены цвѣтами, расписанными декораціями и тріумфальными воротами, что видъ ихъ обманывалъ взоръ, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолѣпными садами. Снѣгъ стаялъ; земля покрылась яркою зеленью; луга запестрѣли цвѣтами; солнечные лучи оживляли, одушевляли и украшали всѣ предметы. Гармоническіе звуки музыки съ нашихъ галеръ, различные наряды побережныхъ зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину".

„Когда мы подъѣзжали къ большимъ городамъ, то передъ нами на опредѣленныхъ мѣстахъ выравнивались строемъ превосходные полки, блиставшіе красивымъ оружіемъ и богатымъ нарядомъ. Противоположность ихъ щегольскаго вида съ наружностью Румянцевскихъ солдатъ уже доказывала намъ, что мы оставляемъ области этого маститаго, знаменитаго воина и вступаемъ въ мѣста, которыя судьба подчинила власти Потемкина. Стихіи, весна, природа и искусство, казалось, соединялись для торжества этого могучаго любимца. Окружая императрицу такими дивами, когда она проѣзжала страны, недавно покоренныя его оружіемъ, онъ надѣялся возбудить ея самолюбіе и внушить ей желаніе и смѣлость рѣшиться на новыя завоеванія".

„Мы были свободны только по утрамъ и пріятно проводили ихъ въ чтеніи, въ разговорахъ, въ переходахъ съ одной галеры на другія и въ прогулкахъ по берегамъ. Въ часъ мы отправлялись на царскую галеру и обѣдали съ императрицей. Столъ ея, какъ всегда, былъ накрытъ на десять приборовъ. Только разъ въ недѣлю она сзывала всю свиту, имѣвшую честь сопровождать ее. Тогда столъ устраивался на огромномъ суднѣ, гдѣ помѣщалось до 60 человѣкъ".

Я никогда не видѣлъ императрицу болѣе любезною, какъ въ первый день нашего плаванія; за обѣдомъ было очень весело: мы всѣ рады были, что выѣхали изъ скучнаго Кіева, гдѣ льды держали насъ цѣлые три мѣсяца. Весна молодила наши умы. Прекрасная погода, великолѣпіе нашего флота, величественная рѣка, движеніе, радость зрителей, толпившихся по берегу, азіятская или воинственная пестрота въ разнообразныхъ нарядахъ тридцати различныхъ народовъ, наконецъ, увѣренность видѣть

каждый день новые, любопытные предметы, все это возбуждало и подстрекало воображеніе, которое въ стремленіи своемъ опережало насъ самихъ. Не останавливаясь долго на одномъ предметѣ, мы въ разговорахъ нашихъ безпрестанно переходили отъ одного къ другому. Мы сравнивали прежнія времена съ новыми, Францію съ Греціей, Англію съ Карѳагеномъ, Пруссію съ Македоніею, имперію Екатерины съ Кировою, разсказывали анекдоты старые и новые; императрица сообщила намъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Петра Великаго и Елизаветы. Когда мы дивились скорости, съ какою она успѣла смягчить нравы, недавно еще столь грубые и суровые, она сказала намъ: „Правда, наши старики должны находить различіе при сравненіи ихъ времени съ нынѣшнимъ. Я не могу безъ ужаса думать о положеніи народа въ правленіи императрицы Анны, или лучше сказать, ея министра Бирона; этотъ жестокій человѣкъ, которому она довѣрялась, лишилъ жизни и сослалъ болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ“.

„Мы говорили о дикихъ племенахъ, населявшихъ отдаленные края ея имперіи: „Потокъ времени еще не коснулся до этихъ кочующихъ народовъ, сказала государыня:—они издавна сохраняютъ первоначальную простоту нравовъ; живутъ подъ шатрами, питаются мясомъ и скопами своихъ стадъ, подчинены начальникамъ, которые скорѣе отцы ихъ, нежели владыки. Можно считать ихъ счастливцами, потому что нужды ихъ ограничены и легко удовлетворимы. Если бы по прежнимъ намѣреніямъ моимъ я ихъ образовала, то это, можетъ быть, послужило бы къ ихъ развращенію. Небольшая дань мѣхами ихъ не обременяетъ, потому что они охотятся по привычкѣ и по страсти“

„Въ одномъ только отношеніи эти древнія орды гунновъ, киргизовъ, татаръ, извѣстныя прежде подъ многими названіями, значительно измѣнились. Долго они наводили страхъ своими кочеваньемъ, набѣгами и грабежами; но теперь образованные народы лишили ихъ возможности дѣлать новыя завоеванія, и эти племена потеряли прежній воинственный духъ свой. Когда зашелъ разговоръ объ ихъ вѣрѣ, шаманахъ или волхвахъ и идолахъ императрица сказала намъ, что иныя изъ этихъ пле-

менъ придерживаются какихъ то непонятныхъ вѣрованій, что жрецы ихъ сохранили древнѣйшій сборникъ молитвъ, притчъ и духовныхъ пѣсней, писанныхъ на языкѣ, совершенно неизвѣстномъ, и которыя они читаютъ по преданію, не понимая смысла ихъ".

„Это возбудило мое любопытство, сказала она:—я обратилась съ запросами къ ученымъ, но они объ этомъ предметѣ, какъ и о многихъ иныхъ, оказались ничего незнающими. Наконецъ, недавно уже открыли, впрочемъ еще не навѣрно, что эти молитвы писаны на древнемъ, священномъ языкѣ индусовъ, на санскритскомъ".

„Такъ какъ въ продолженіи этой бесѣды императрица въ бѣгломъ очеркѣ изобразила ученія законодателей Греціи, Азіи, Рима и Аравіи, то я замѣтилъ ей, что она послѣ этого, кажется, потеряла право смѣяться надъ учеными, по старой своей привычкѣ".

„Точно, прибавилъ де-Линь,—послѣ всего, что мы слышали, мы, по совѣсти, принуждены включить васъ въ число тѣхъ ученыхъ, на которыхъ вы такъ нападаете".

„Да, я знаю,—сказала императрица,—я вообще вамъ нравлюсь, и вы хвалите меня „цѣликомъ", но, разбирая меня по подробнѣе, осуждаете во мнѣ многое. Я безпрестанно дѣлаю ошибки противъ языка и правописанія. Сегюръ знаетъ, что у меня иногда претупая голова, потому что ему не удалось заставить меня сочинить шесть стиховъ. Безъ шутокъ, я думаю, несмотря на ваши похвалы, что, если бы я была частною женщиною во Франціи, то ваши милыя парижскія дамы не нашли бы меня довольно любезною для того, чтобы отъужинать съ нами".

„Прошу васъ вспомнить, государыня, возразилъ я, что я здѣсь представитель Франціи и не долженъ допускать клеветъ на ея счетъ".

„Но императрица, бывшая въ духѣ, продолжала въ томъ же тонѣ: „Какъ вы полагаете, чѣмъ бы я была, если бы родилась мужчиною и частнымъ человѣкомъ"?

„Въ отвѣтъ на это Фицъ-Гербертъ сказалъ, что она была бы мудрымъ законовѣдцемъ, Кобенцель полагалъ, что она бы сдѣ-

лалась великимъ министромъ, а я увѣрялъ ее, что она сдѣлалась бы знаменитымъ полководцемъ".

„На этотъ разъ вы ошибаетесь, возразила она:—я знаю свою горячую голову; я бы отважилась на все для славы и въ чинѣ поручика въ первую компанію не снесла бы головы".

„Въ другой разъ мы говорили о предположеніяхъ, которыя тогда дѣлались въ Европѣ по поводу ея путешествія. Мы всѣ были одинаковаго мнѣнія и увѣряли, что вездѣ будутъ думать, будто она съ императоромъ хочетъ завоевать Турцію, Персію даже, можетъ быть, Индію и Японію, наконецъ, что странствующій кабинетъ Екатерины занимаетъ и тревожитъ всѣ прочіе".

„Стало быть этотъ петербургскій кабинетъ, находящійся теперь на волнахъ Днѣпра, кажется весьма значительнымъ, если такъ тревожитъ другіе?"

„Точно такъ, государыня, сказалъ тогда де-Линь,—а между тѣмъ я не знаю ни одного, который былъ бы такъ малъ: онъ и весь то въ нѣсколько дюймовъ, потому что простирается отъ одного виска до другого и отъ переносицы до волосъ".

25 апрѣля флотилія приближалась къ Каневу, гдѣ назначено было свиданіе съ королемъ польскимъ.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ПРЕВРАЩЕНІЯХЪ ВЪ МАЛОРУССКИХЪ СКАЗКАХЪ.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Превращенія приписываются нѣкоторымъ изъ миѳическихъ существъ низшаго разряда, которыя въ представленіи народа сохранились до настоящаго времени, каковы: *вовкулакъ*, *упырь*, *мавки*; а также народная фантазія большею способностью превращеній надѣлила *черта*, который, повидимому, совпалъ съ личностью *дьявола*, заимствованнаго изъ христіанскаго вѣроученія, сохраняя впрочемъ въ себѣ довольно ясные аттрибуты низшихъ языческихъ божествъ, какъ-то: Пана, Сильвана, Сатира.

Вовкулакомъ называется человѣкъ, который надѣленъ способностью превращаться въ волка; такая способность дается за грѣхи тѣхъ родителей, которые предъ праздниками или постами имѣли плотскія сношенія, или же работали въ праздники [2]). Въ *вовкулака* обращаются только на время, но никто изъ волка не можетъ сдѣлаться человѣкомъ, потому что это дается въ наказаніе отъ Бога [3]). О превращеніяхъ *вовкулака* народъ говоритъ: „Вовкулакъ ходыть у лисъ до настоящихъ вовкивъ и тамъ воны бигають, щобъ поймать що небудь и зъисты. Свитомъ вовкулакъ иде до дому и передъ селомъ зновъ перекидается въ чоловика, а жинка ёго вже знае, ничого вже ёму й не

---

[1]) „Кіевская Старина", 1891, 3.

[2]) Труды Этн. Эксп. I, 206.

[3]) Ibidem.

каже“ [1]). Вовкулакъ представляется человѣкомъ понурымъ, и если онъ дѣлается волкомъ, то только давитъ, но не ѣстъ овецъ [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (кіевск. губ.) *вовкулакъ* и *упырь* въ представленіи народа отождествляются и имъ приписываются тѣ же самыя злобныя свойства.

Мавки, или *лоскотницы*—это превращенные черти. Онѣ принимаютъ видъ молодыхъ красивыхъ дѣвушекъ, завлекаютъ встрѣчныхъ и щекочутъ ихъ до смерти. По другому воззрѣнію, *мавки*—это „украденныя дьяволомъ дѣти“ [3]). Почти вездѣ въ Малороссіи *мавки* отождествляются съ русалками, въ которыхъ превращаются дѣвушки-утопленницы и утонувшія дѣти.

Морськи люды—это тѣ воины Фараона, которыхъ потопило море; „съ тѣхъ поръ они и превратились въ морскихъ людей, принявъ форму въ нижней части тѣла — рыбью, а верхняя осталась человѣческою. „Морськи люды“ сочиняютъ пѣсни и перекладываютъ ихъ на ноты“ [4]).—Интересенъ разсказъ о *морскихъ женщинахъ*. Онѣ „отличаются необыкновенною красотою и увлекательнымъ голосомъ. Имъ-то и приписываютъ произведеніе всѣхъ извѣстныхъ въ народѣ пѣсенъ и сказокъ. Вѣрятъ, что женщины эти подплываютъ къ кораблямъ и начинаютъ пѣть и, если по неопытности плывущихъ на кораблѣ, ихъ не отгонятъ пушечными выстрѣлами, то онѣ до того успѣваютъ увлечь слухъ, что всѣ на кораблѣ засыпаютъ, и тогда „морськи люды“ опрокидываютъ корабль“ [5]). Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ греческаго преданія о сладкогласномъ пѣніи *сиренъ*.

Чертъ способенъ принимать самые разнообразные виды: то онъ является въ видѣ пана, одѣтаго по нѣмецки, во фракѣ, то въ видѣ чернаго человѣка съ когтями, хвостомъ и рогами, въ видѣ козленка, кота, собаки и др. „Видѣвшій чертей замѣчаетъ у нихъ рога на головѣ, тщательно закрываемые круглою шля-

---

1) Ibidem.

2) Ibidem.

3) Ibidem, I, 206—7.

4) Ibidem, I, 211.

5) Ibidem.

пой съ широкими полями, собачью морду, хвостъ крючкомъ, когти на рукахъ и ногахъ. Одежда ихъ: коротенькая курточка, узкіе панталоны. Чертъ любитъ иногда принимать на себя видъ заблудившагося козлёнка; онъ является проѣзжему, и такъ жалобно блеетъ, что путникъ беретъ его къ себѣ въ повозку и лаская говоритъ: „козочка, козочка", а онъ повторяетъ: „козочка, козочка". Путникъ въ испугѣ бросаетъ его на землю, послѣ чего мнимый козленокъ исчезаетъ" [1]).—Чертъ не всегда приноситъ людямъ несчастье; онъ часто даетъ имъ деньги, а слѣдовательно, и благостояніе. Чертъ является человѣку въ видѣ козленка, который разсыпается деньгами. Послѣ того, какъ бѣдный человѣкъ закопалъ „злыдни", онъ вдругъ слышитъ, что-то кричитъ *на горищи*: „изсады, изсады"! Человѣкъ взялъ бичовку, полѣзъ—видитъ *козиня зъ рижкамы* (а то бувъ чортяка, не при хати згадуючи). Только что хотѣлъ онъ *изсадыть, а гроши такъ и посыпались у сини* [2]).—Чертъ является въ видѣ *хорта* (борзой собаки). Полевой сторожъ увидѣлъ бѣлаго *хорта*, далъ ему хлѣба; потомъ этотъ *полёвый* посланъ былъ съ письмомъ; возвращаясь, онъ зашелъ на хуторъ, гдѣ его хозяинъ принялъ гостепріимно, а потомъ спросилъ: помнишь-ли ты меня, какъ ты меня накормилъ хлѣбомъ? Тутъ только *полёвый* догадался, что это былъ чертъ [3]). Чертъ является въ видѣ кота подлѣ креста, на границѣ, гдѣ хоронятъ тѣхъ, которые вѣшаются. Когда хотѣли ударить кота, то онъ сдѣлался, какъ верста [4]). Чертъ является въ видѣ *клубка*, который ночью катится предъ человѣкомъ, и когда тотъ рѣшился ударить его, то *не знать, гдѣ дѣвалось* [5]).

Любимымъ мѣстопребываніемъ черта считается мостъ, который часто вода вырываетъ; народъ говоритъ, что его рветъ *нечыста сыла*. Подъ мостомъ чертъ часто принимаетъ образъ дитяти. Одно такое дитя человѣкъ взялъ изъ подъ моста; кони

[1]) Ibidem, I, 188.
[2]) Драгомановъ, Млр. н. ск. и пр. 414.
[3]) Драгомановъ. Млр. н. ск. и пр. 45. Тр. Этн. Эксп. I, 188.
[4]) Драгамановъ, Млр. н. ск. и пр. 47.
[5]) Ibidem, 44.

его рвутся; онъ смотритъ, *а то уже не дитя—чоловикъ*; онъ ударилъ его *на війя*, и только вѣтеръ сорвался... „и каже: ну догадався, що зробыты зо мною!“ [1])—Черти въ видѣ дѣтей бѣгаютъ передъ лошадьми; эти дѣти тутъ же превращаются въ *бѣлыхъ хортовъ*. Когда человѣкъ выстрѣлилъ въ нихъ изъ ружья, то они только засмѣялись и спрятались подъ мостъ [2]).—Въ сказкѣ „Про бидного чоловика и чорта“ передается, что человѣкъ можетъ обратиться въ *чорта*. Одинъ бѣднякъ, который имѣлъ много дѣтей, а не имѣлъ *на что соли купить, чтобъ посолить борщъ*, пообѣщалъ черту дитя, если тотъ дастъ ему денегъ. Чертъ, услышавъ это, „приносыть ему казанокъ, три—чотыри гарци грошей“ и говоритъ, что дитяти ему не надо, а необходимо только выполнить слѣдующее условіе: одинъ разъ въ мѣсяцъ, *що новои субботы*, приносить *несолоный коржъ ярои пшеныци и чорного пивня* (нѣчто въ родѣ жертвы), деньги же можно отдать послѣ съ процентомъ. Когда черезъ пять-шесть лѣтъ вздумалъ этотъ человѣкъ отдать деньги, то оказалось, что добраго черта убилъ бичемъ *фурманъ*, а явился другой чертъ, его товарищъ, который сказалъ ему слѣдующее: „Спасыби тоби, що таки справны. За коржы и пивни спасыби; а гроши беры соби—воны твои. Якъ бы той бувъ живый, то винъ бы также не отбиравъ бы, и черезъ то не одбиравъ бы, то бувъ твій братъ ридный. Бо твоя мама стеряла дытыну, и отъ зъ той дытыны вырисъ той. Винъ бачывъ, що ты такый бидный шовъ черезъ лисъ и плакавъ. Отъ винъ и пожалувавъ тебе и давъ тоби грошей. Иды ими хозяюй“ [3]).—Чертъ превращается въ чернаго пѣтуха. Крестьянинъ съ женой, возвращаясь съ ярмарки, нашелъ чернаго пѣтуха, привезъ его домой и посадилъ на печь, но не слыша пѣнія, посмотрѣлъ туда и увидѣлъ предъ пѣтухомъ кучи золота и серебра. Крестьянинъ догадался, какой это былъ пѣтухъ и бросилъ его съ моста въ воду. Мгновенно взбушевала рѣка и поднялся сильный вѣтеръ.

---

[1]) Ibidem, 46.

[2]) Ibidem.

[3]) Труды Этн. Эксп. II, 379—80.

На печи же вмѣсто денегъ оказалась смола [1]).—Чертъ является въ видѣ *паныча*, въ видѣ *пана*. Въ одномъ народномъ преданіи говорится, что на томъ мѣстѣ, гдѣ было *стерво* (падаль), выходилъ чертъ, *по-паньски вбраный*, ходилъ взадъ и впередъ, курилъ *люльку и ногы були зъ ратыцямы* [1]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ образъ черта своимъ даже внѣшнимъ видомъ напоминаетъ классическаго пана.—Черти, по народному повѣрью, принимаютъ образъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ мечтаютъ люди. „Молодымъ, распутнымъ людямъ являются въ образѣ красивыхъ, молодыхъ женщинъ; сребролюбцамъ—въ образѣ богача-человѣка, раздающаго свои сокровища всѣмъ желающимъ“ [3]). О многообразныхъ видахъ, какіе принимаетъ „Охъ, або чортъ“, было уже сказано.

Доселѣ мы разсматривали превращенія человѣка или человѣкообразнаго миѳическаго существа въ животное или неодушевленный предметъ, теперь мы перейдемъ къ особаго рода превращеніямъ, такимъ, гдѣ волосъ, палочка, напр. превращаются въ коня, кости быка въ собакъ, въ яблоню,—щетка, гребенка—въ лѣсъ, горы. Во всѣхъ этихъ превращеніяхъ мы видимъ, что названные предметы достаются отъ необыкновенныхъ существъ, отъ чародѣевъ, или наконецъ отъ чудесныхъ животныхъ; такъ что всѣ эти превращенія, очевидно, производятся силою существъ миѳическихъ.

О превращеніи волосъ въ коней сказка передаетъ такимъ образомъ. Отецъ, умирая, завѣщалъ тремъ сынамъ своимъ приходить ночевать на могилу. На первую ночь старшій, разумный сынъ не пошелъ, а пошелъ самый младшій—дурень,—отецъ привязалъ ему волосинку за лѣвое ухо; на вторую и третью ночь повторилась та же исторія, и дурень услышалъ о томъ, что ихъ царевна объявила, что выйдетъ за того за-мужъ, кто достанетъ ее на стеклянной горѣ. Дурень *присмалилъ* волосинку, и явился конь, на которомъ онъ, впрочемъ, не доскакалъ;

[1]) Ibidem, I, 184.

[2]) Драгоман. Мир. н. ск. и пр. 47; Труды Этн. Эксп. I, 184.

[3]) Труды Этн. Эксп. I, 184.

тогда *присмалилъ* волосинку—и явился второй конь, съ которымъ повторилась та же неудача, и только на третьемъ конѣ досталъ онъ царевну. При помощи этого чудеснаго коня онъ повоевалъ враговъ царя и исполнилъ нѣсколько чудесныхъ задачъ: добылъ семь кабановъ морскихъ, семь коровъ морскихъ и семь кобылъ морскихъ [1]).

Въ другой сказкѣ самъ конь даетъ Ивану три волосинки съ наказомъ присмалить ихъ, тогда онъ явится [2]). Появленіе коня здѣсь, очевидно, основывается на необыкновенномъ чутьѣ, которое, по народному представленію, сохраняется между предметомъ и частью, отдѣленною отъ этого предмета. Яснѣе указываетъ на превращеніе палочки въ коня сказка „Про дурня Терешка". Старый дѣдъ завѣщалъ, чтобы три сына его ходили каждую ночь на его могилу и *чыталы молытвы по кныжци*. Старшіе два сына исполнили эту обязанность очень небрежно и только третій—дурень исполнилъ какъ слѣдуетъ. Въ награду даетъ имъ отецъ три палочки, которыя обращаются въ коней; палочки старшихъ братьевъ—были худшіе кони, а съ помощью своего коня дурень добываетъ себѣ *панночку* [3]). Вѣдьма на *Лысой горѣ* даетъ своему мужу коня, который оказался потомъ *дручкомъ;* мужъ вышвырнулъ его, но дручокъ снова превратился въ коня [4]). Отголосокъ этого повѣрья можно отчасти видѣть въ дѣтскихъ играхъ, когда мальчики ѣздятъ на палочкахъ, воображая ихъ конями.

Существуетъ отдѣлъ превращеній, гдѣ брошенная щетка, гребенка, *рушныкъ,* превращаются въ лѣсъ, горы, рѣку. По большей части эти предметы получаются отъ волшебницы или отъ чудесныхъ животныхъ, и потому превращеніе ихъ совершается высшею силою. Вотъ какъ въ сказкѣ „Про стрильця" говорится о подобныхъ превращеніяхъ. Сынъ стрѣльца спасается отъ змѣя при помощи младшей дочери змѣя, которая

---

[1]) Труды Этн. Эксп. II, 274—6; 269—274.

[2]) Ibidem, II, 222.

[3]) Ibidem, II, 276—7.

[4]) Драгомановъ, Малор. нр. ск. и пр., 393—4.

его полюбила; онъ садится на нее, какъ на коня; „вона крыла роспъяла и летыть". Вотъ змѣй нагоняетъ ихъ, она велитъ бросить щетку, и стала пуща такая, что змѣй еле могъ пробиться; во второй разъ, когда змѣй настигъ, дочь велитъ бросить гребенку, и стали горы; снова змѣй приблизился, тогда бросаютъ иголку и шпильку—и образуются лѣса, горы, скалы [1]). Въ другихъ сказкахъ съ подобными превращеніями, такія вещи, какъ гребенку, хустку даетъ чудесный волъ, бычокъ. Въ сказкѣ „про царевича Ивана и царивну Марусю" говорится, что царскія дѣти спасались отъ змѣя при помощи вола. Когда змѣй настигъ ихъ, волъ и говоритъ: „е, Иванъ Ивановичъ, руській царевичъ, вже мени трохы прыпика; заглянь мени у праве вухо, та выйми гребиночку маеву та махны навхрестъ, то такъ теренъ и зробытся". Этимъ они задержали змѣя, а когда добѣжали до моря, то волъ и говоритъ: „заглянь мени у праве вухо та выймы хустку; махны навхрестъ черезъ море, то мы по води перейдемъ" [2]). Въ варіантѣ этой сказки мы видимъ характерное видоизмѣненіе. Царевича и царевну спасаетъ „бычокъ поганый да кошлатый, що гидко на его й глянуть". Это сказочный пріемъ, который такому незамѣчательному существу и приписываетъ именно чудесныя свойства. И дѣйствительно, бычокъ „понисъ ихъ, да такъ скоро, такъ скоро, що й витеръ не дожене,—такъ скоро". Проснулся змѣй, пустился въ погоню и сталъ бросать за ними огнемъ,—бычокъ и спрашиваетъ: „а що дитки чы пече?"—пече, кажуть, та ще й дуже.—„Влизь, каже бычокъ, въ ливе ухо, а въ праве вылизь, выймы збрую на себе й на мене". Онъ такъ и сдѣлалъ, но и черезъ сбрую стало печь; тогда бычокъ велѣлъ царевичу влѣзть въ лѣвое ухо и вылѣзть въ правое и вынуть оттуда гребенку. Царевичъ „махнувъ тымъ гребенцемъ назадъ, и ставъ лисъ такый густый та здоровый, що не проихать ёго, ни пишки пройты: такъ дерево коло дерева й поросло, да все таке-жъ-то претовсте, що й у чотырохъ не обыймешъ. Летыть

---

[1]) Труды этногр. эксп., II, 192.

[2]) Ibidem, 154,

той змій; долетивъ до лису—палыть, ломыть, трощыть,—таке лихо пиднялось въ тымъ лиси що ажъ земля реве". Когда змѣй опять сталъ жечь огнемъ, царевичъ вынулъ изъ уха *„биленькый платочокъ*, махнувъ назадъ—и стало море, таке велыке, таке велыке, що й коньця ниде не выдно; да такыи хвыли пиднялысь на тому мори престрашенны, да такъ лютують да бьють объ берегъ, що страшно на ихъ и глянуть" [1]). Быку здѣсь приписывается перенесеніе на себѣ и спасеніе дѣтей отъ змѣя; можетъ быть, здѣсь отразилось то значеніе, какое приписывается быку въ арійской, а особенно въ ассирійской и египетской (аписъ) миѳологіи. Эта же сказка содержитъ въ себѣ еще одно оригинальное миѳическое представленіе, по которому какъ бы изъ головы быка вынимаются задуманныя и осуществленныя чудесныя вещи.

Кости, голова, рога, сердце чудеснаго быка, коровы превращаются въ собакъ, въ яблоню, въ яворъ. Въ упомянутой уже сказкѣ: „Иванъ Ивановичъ, руськый царевичъ, его сестра и змій" бычекъ послѣ спасенія отъ змія царевича и царевны говоритъ имъ: „Ну, дитки, чы васъ до батька одвезты, чы, може, вы тутъ останетесь"?—„Да мы вже, кажуть, останемся тамъ, де вы будете; уже будемъ разомъ зъ вамы жыть до коньця вику".—„Я вже, каже бычокъ, не хочу жыть на свити; зарижте мене, мъясо поижте, а косткы въ стриху заткнить, то выросте изъ моихъ костокъ *чуйко й буйко.* Воны вамъ стануть въ велыкый пригоди".—„Якъ же мы васъ зарижемо? Вы насъ одъ смерты оборонылы, а мы от-це васъ будемъ ризать?!" (Замѣчательна здѣсь та форма вѣжливости, въ которой даже царскія дѣти обращаются къ бычку). Бычка зарѣзали и изъ костей его дѣйствительно выросли двѣ большія и сильныя собаки—*чуйко* и *буйко*, которыя исполняли большую и трудную службу для Ивана—царевича [2]). Въ варіантѣ этой сказки волъ, спасшій царскихъ дѣтей, велитъ имъ себя зарѣзать, рога свои положить подъ стрѣху, тогда „вашои хатки, говоритъ онъ, ни вогонь не

---

[1]) Труды этн. эксп., II, 142—3.

[2]) Ibidem, 143—152.

спале, не гримъ, и буде зъ мене дви собаки: чуйко и бачко—побаче“ [1]). Эти собаки точно также оказались чудесными.

Въ другихъ аналогичныхъ сказкахъ голова коровы или быка превращается въ чудесную яблоню. Дочь дѣда, преслѣдуемая мачихой, спасается тѣмъ, что влѣзаетъ коровѣ въ правое ухо и вылѣзаетъ въ лѣвое и вынимаетъ оттуда требуемое полотно. Наконецъ корову подстерегли и зарѣзали. По совѣту коровы дѣдова дочь попросила себѣ голову коровы и закопала ее въ воротахъ. „Прыйшла, гляне—ажъ тамъ росте яблунька, та ще жъ яка! золотый на нiй лысточокъ, а лысточокъ срибный. Вона любуетьця на ту яблуньку, а пташкы спивають: соловьи, зозули, райськи птыци—та такъ и вкрылы яблуньку“. Яблоки на ней выросли одно золотое, а другое серебряное. Ѣхалъ мимо панъ, увидѣлъ чудесную яблоню и хотѣлъ сорвать яблокъ, но никто не могъ сорвать ихъ, только дѣдова дочь. Панъ сдѣлалъ ей предложенiе, „узявъ іи за руку и посадывъ биля себе въ карети. Воны поихали, *и яблунька пишла за нымы*“ [2]). Въ сходной сказкѣ, волъ, во всемъ помогавшій дѣдовой дочкѣ, передъ своей смертью совѣтуетъ ей найти въ его кишкахъ камешекъ и посадить его подлѣ воротъ. Изъ этого камешка выросла чудесная яблонька съ золотыми и серебряными яблоками [3]). По другому варiанту, дѣдова дочь должна найти въ кишкахъ два зерна—одно золотое, а другое серебряное, или два камешка—одинъ золотой, а другой серебряный, изъ которыхъ выростаютъ двѣ яблони [4]). Интересенъ въ этомъ родѣ слѣдующій рядъ превращеній. Козакъ, получивъ способность превращеній, дѣлается бѣлымъ жеребцомъ, поступаетъ на службу къ *чернокнижнику*, чтобы отомстить послѣднему. Жена чародѣя узнала коня и заставила убить его; но конь попросилъ дивчину, чтобы она одинъ его *волосъ* воткнула среди двора, и выросъ изъ него *яворъ*. Но и яворъ узнали и велѣли срубить и сжечь. Дивчина объ этомъ сказала явору. „Яворъ одказуе ій: не

---

[1]) Ibidem, 154—6.

[2]) Ibidem, II, 459—464.

[3]) Ibidem. 450—451.

[4]) Драгоман., Млр. н. ск. и пр. 362; Труды этн. эксп., II, 466—7.

журысь дивчынко, я не пропаду, тилько выломы изъ мене гиллячку и пусты на воду, то я все таки живъ буду!“ Изъ вѣтки потомъ сдѣлался *качуръ*, который и убилъ чародѣя [1]). Эта сказка дѣлаетъ для насъ вполнѣ яснымъ происхожденіе олицетвореній: конь, яворъ обладаетъ способностью говорить, потому что это превращенный человѣкъ.

Сказки знакомятъ насъ еще съ превращеніями такого рода, когда человѣкъ, искупавшійся въ кипящемъ молокѣ или кипящей водѣ, дѣлается моложе, красивѣе. Въ сказкѣ передается, что бѣдный паробокъ, послѣ ряда неудачъ, женится на панѣ, которая оказалась сестрою солнца. Панъ, которому понравилась молодая жена, хочетъ согнать этого человѣка со свѣту и приказываетъ ему съ этою цѣлью исполнить трудныя задачи, которыя тотъ и исполняетъ при помощи своей жены и солнца. Наконецъ, панъ велѣлъ ему искупаться въ кипяткѣ. „Нагрилы котелъ зъ водою, той ускочивъ и выскочивъ ще хорошчимъ. Панъ зъ его дядькомъ и соби ускочылы тай зварылысь“ [2]). Въ другой сказкѣ, по приказу пана, сирота добываетъ морскую дѣвицу, которой любуется солнце. Она „велила подоить коровы, и молоко зварыла въ такимъ велыкимъ котли, що можно плавать чоловикови та й каже Ивану: „Скупайся въ цёму молоци, що кыпыть“. Иванъ скочывъ, унирнувъ тры разы и выскочивъ такый гарный, якъ квиточка. Отъ, вона до свого пана старого и каже: „Ты-бъ, голубчику, покупався ще: дывысь, якъ Иванъ помолодшавъ и ты будешъ такый гарный“. Панъ якъ ускочивъ, такъ и кисткы ёго разсыпались; а Иванъ оженывся съ тею панною, що зъ мора винъ доставъ. Жывуть и хлибъ жують“ [3]). Обыченъ также пріемъ, когда морской конь, помогавшій дураку во всемъ, совѣтуетъ ему не купаться до тѣхъ поръ, пока онъ три раза не прыснетъ. Вотъ подходятъ къ нагрѣтому котлу, „а тутъ уже кинь стоить. Прыхнувъ—той кинь разъ, прыхнувъ другый разъ, якъ третій разъ прыхнувъ, той скынувъ зъ себе сорочку и скочивъ въ котелъ, покупавсь тамъ и вылизъ. Поба-

---

[1]) Труды этн. эксп., II, 441—3.

[2]) Ibidem, 11.

чивъ панъ, що той ще кращчій вылизъ изъ молока, якъ бувъ, да и каже: „Нагрійте, каже, молока; я ще покупаюсь“. Понятно, когда онъ вскочилъ, то только косточки *заторохкотилы* [1]). Можетъ быть, въ основаніи этого воззрѣнія лежитъ миѳическо-юридическій обычай *суда Божія*, или испытанія посредствомъ огня и воды, когда осужденный выскакивалъ изъ воды оправданнымъ, обновленнымъ.

На миѳическомъ воззрѣніи основаны также превращенія старика-дѣда, козленка, горящихъ угольевъ *въ деньги, въ кучу серебра, въ червонцы*. По народному преданію, *„лисовы люды“*—сѣдые засморканные старики, превращаются въ кучу серебра. „Одна дѣвушка, вышедши осенью въ лѣсъ, нашла подъ деревомъ лѣсного старика скорчившагося. Замѣтивъ, что онъ дрожитъ и крѣпко „засмаркался“, она, изъ состраданія, обтерла ему носъ своимъ передникомъ, и старикъ разсыпался передъ нею кучей серебра“ [2]). Золото въ миѳическую эпоху служило символомъ небеснаго огня, поэтому понятно превращеніе огня въ золото. По народному повѣрью, золото горитъ огнемъ въ день Пасхи. Въ сказкѣ, огонь, взятый въ день Пасхи, превращается въ золото. Не имѣя чѣмъ засвѣтить въ день Пасхи, бѣднякъ увидѣлъ на пригоркѣ огонь и пошелъ *позычать огня*. Пришелъ—видитъ дѣда (Бога) и проситъ у него огня. „Держы, сыну, прыпилъ: я тоби насыплю жару“, сказалъ *дидъ*.—Прогорыть пола, дидусю!—„Та ни, сыну, не прогорыть, держы прыпилъ: я тоби насыплю; да гляды несы да не заглядуй въ прыпилъ, ажъ покы не прыйдешъ до господы.—Отъ той чоловикъ загорнувъ той жаръ у полу и пойшовъ до дому. Колы дывытця въ хати ажъ то не огонь, а червоньци“ [3]): Тотъ же самый смыслъ лежитъ и въ превращеніи угольевъ въ червонцы. Дѣдъ *(щастья)* посовѣтовалъ купеческому сыну жениться на жидовской наймычкѣ, обѣщая, что она будетъ счастливая. Когда ей дали денегъ для закупки товару, то она купила „хуру уголля; прывезла, а винъ

---

[1]) Ibidem, III, 114.

[2]) Ibidem, I, 211.

[3]) Ibidem, II, 349.

(мужъ) побачывъ та думае соби: „дурне дурнымъ! брехавъ той дидъ, що вона щаслыва". Колы пиде на другый день брать на чай уголле—ажъ тамъ сами червинци. Винъ тоди думае соби: правда, що дидъ казавъ" [1]).—У чертей и въ заколдованныхъ мѣстахъ червонцы всегда обращаются въ уголья и наоборотъ; поэтому козакъ въ *каменномъ царствѣ* не беретъ золота, а уголья, которые обращаются въ *гроши* [2]).—Животныя, въ особенности тѣ, которыя имѣютъ нѣкоторое соотношеніе съ чертомъ, превращаются въ *гроши*. Бѣднякъ, который потерялъ послѣднее *борошно* по причинѣ вѣтра, идетъ *позывать* (жаловаться) вѣтеръ. Встрѣчаетъ его дѣдъ (Богъ), входитъ въ его положеніе, даетъ ему козу и говоритъ: „Якъ треба тоби буде грошей, то тилько скажы: „Коза—коза, розсыпся!" То зъ неи такъ гроши и посыплятця, да самисеньки чырвонци" [3]). Въ другомъ варіантѣ *дѣдъ* даетъ баранчика, который разсыпался золотомъ [4]). О томъ, что чертъ, превратившійся въ *козиня*, разсыпался *грошами*, было уже сказано [5]). Превращеніе черта въ *гроши* и особенно обладаніе послѣдними есть излюбленный мотивъ народнаго представленія. Въ одной сказкѣ чертъ желаетъ купить коня; ему сказали цѣну,—„той вынявъ гроши изъ мишка, саме золото, й дае ему и не счытае, *бо звисно, у нечыстои сылы есть до биса грошей*" [6]). Въ томъ взглядѣ, что преимущественно дьяволъ обладаетъ угольями, обращающимися въ червонцы, которыми искушаетъ бѣднаго человѣка, сказалось несомнѣнно вліяніе позднѣйшаго христіанскаго воззрѣнія.

Слѣды превращеній, хотя и менѣе ясные, можно видѣть въ олицетвореніяхъ, богатѣйшемъ отдѣлѣ народной поэзіи. Мы уже встрѣчали такое явленіе, что *яворъ* говоритъ и представляется, какъ человѣкъ, потому что это дѣйствительно превращенный человѣкъ. Точно также кукушка, голуби, медвѣдь, жаба,

---

[1]) Ibidem, 423—4.

[2]) Ibidem, 439.

[3]) Ibidem, 347.

[4]) Ibidem, 351.

[5]) Драгомановъ, Млр. н. ск. и пр. 414.

[6]) Труды Этн. Экси. II, 371.

черешня, яблоня говорятъ, потому что это превращенные люди, или же изъ членовъ тѣла человѣческаго, какъ изъ сѣмени, выросшія существа, которыя сохраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ свойства человѣческія. Такое свойство имѣетъ черешня, выросшая на могилѣ убитаго брата. Панъ, который ѣхалъ мимо, сдѣлалъ изъ черешины дудочку, „иде соби и грае, а та дудочка говорыть:

„Не грай панопьку не грай,
Мого серденька не торкай,
Мене браты забылы,
Ножа въ серденько вбылы,
Черепочкомъ очи накрылы,
Черешыну за крыжа уткнулы,
И песочкомъ засыпалы“.

Отецъ, мать и братья играли, и дудочка имъ прямо указала виновниковъ преступленія. Свойствомъ говорить обладаетъ и яблоня, выросшая изъ отрубленнаго пальца сына, любуются этимъ деревомъ родители и удивляются: „Хто бъ не вырвавъ яблучко—кровъ бижить зъ дерева, та все щось прыспивуе: „Обмана, обмана, батеньку-змію!“ [1]).—Братъ, обращенный въ баранчика, ходитъ на берегъ къ сестрѣ, обращенной въ утку, и поетъ:

„Сестричко Оленко, приплынь, приплынь,
До бережечка,
Братикъ плаче, исты хоче“ [2]).

О кукушкѣ (превращенной женщинѣ), которая пѣла надъ убитыми дѣтьми пѣсню, было уже сказано [3]). Слѣдующая пѣсня, которую поютъ голуби, очень поэтично приноровлена къ ихъ воркованью. Голуби взяли Марусю, понесли ее черезъ море, „та ще несуть та и спиваютъ:

„Жыла-була въ дида
Дочка Марусенька.
Бурку-ку!
Прилетило къ ній
Два голубоньки.
Бурку-ку!

---

[1]) Труды Этн. Эксп. II, 304 № 79.
[2]) Ibidem, 470.
[3]) Ibidem, 475.

Взяли іи съ кроватію
Бурку-ку!
Несутъ іи съ кроватію
Бурку-ку!" [1]).

Въ сказкахъ весьма часто встрѣчается, что не только животныя, но и неодушевленные предметы говорятъ. Въ сказкѣ „Довгомудъ" мы наглядно видимъ, какъ эти предметы принимаютъ человѣкообразныя формы. У одного хозяина *довгомудъ* выносилъ всю рѣпу. (Интересно, какъ представляетъ себѣ народъ это существо: „Довгомудъ—це колысь таки люде булы: чоловикъ не чоловикъ, вовкъ не вовкъ: рукы у него булы таки, якъ и въ чоловика, а тило усе въ волосси, а на голови шапка—хто іи зна, якои масты). Противъ этого довгомуда идетъ потерпѣвшій человѣкъ. „Иде, иде—лежыть на дорози довбня.—„Здоровъ!" говоритъ *довбня.*—Здоровъ.—„Куды идешъ?"—Довгомуда быты.—„Визьмы й мене!"—Иды. И пишлы. Идуть—идуть—ведмидь зострився". Медвѣдь точно также просится въ товарищи, затѣмъ волкъ, потомъ *лычко задрыпане*, наконецъ желудь попросился, и его приняли. Сказка въ заключеніе о нихъ говоритъ: „Оце вже стало *ихъ шисть чоловика*, и пришлы воны вси до довгомудовои хаты" [2]).—Интересенъ также разговоръ неодушевленныхъ предметовъ, какъ-то: кочерги, *рогача*, топора и долота. Эти предметы какъ бы заставляетъ принять олицетворенную форму злой духъ. Сказка, относящаяся сюда, передаетъ, что царь, возвращаясь со смотра, почувствовалъ жажду и подошелъ къ болоту напиться, гдѣ его и присосало. Онъ получилъ свободу только тогда, когда пообѣщалъ отдать черту то, чего дома онъ еще не знаетъ. Оказалось, что въ его отсутствіе жена родила сына и дочь. Чтобы не отдавать дѣтей, царь и царица рѣшили спрятать ихъ подъ поломъ. Черезъ годъ является *нечыста сыла* и требуетъ обѣщаннаго; ему объявляютъ, что онъ получитъ тогда, когда самъ найдетъ. „Отъ злый пойшовъ до кочерги и пытае: „Кочерга, кочерга, скажы, де мій подарунокъ дився?" Кочерга отвѣчаетъ: „Не знаю я. Я тилько

---

[1]) Ibidem, 92—3.

[2]) Труды Этн. Эксп. II, 95—96.

знаю, якъ изъ печы выгребты попелъ, чы тамъ огонь, да якъ добра кухарка, то на ничъ мене пудъ пичъ положыть, а якъ ни, то я оттакъ, якъ бачышъ, стою у кочергахъ по цилыхъ суткахъ". Съ подобнымъ вопросомъ обращается змѣй къ *рогачу* и *сокирѣ*, но тѣ отказались указать мѣсто сохраненія царскихъ дѣтей. Тогда змѣй съ необыкновенной лаской обращается къ долоту: „Долото, долото, скажи мини, де мій подарунокъ. Я тебе буду въ повази держать, озолочу твою голову, николы й обухъ не доторкнется до твоеи головы; а якъ не скажешъ, то день и ничъ будуть тебе по голови быть обухомъ.—Добре, каже долото, скажу тоби, де ты можешъ найты свій подарунокъ; возьмы мене, понесы въ комнаты и кыдай въ кожный хати: де застромлюсь у помистъ, то въ тией и шукай подъ помостомъ" [1]). Долото этимъ способомъ вызвалось сослужить службу змѣю.

Въ такой первобытной свѣжести существуетъ масса олицетвореній въ народной поэзіи, но они, сравнительно съ превращеніями, должны быть отнесены къ другой, болѣе поздней эпохѣ народнаго міровоззрѣнія.

Хр. Ящуржинскій.

[1]) Ibidem, 138—140 152.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА ПОЛЕТИКЪ.

I. Происхожденіе Полетикъ. Свѣдѣнія о жизни Григ. Андр. Полетики.

Въ числѣ авторовъ и переводчиковъ русскихъ книгъ, напечатанныхъ во второй половинѣ прошлаго вѣка встрѣчается немало малороссіянъ: Богаевскій, Галенковскій, Гамалѣя, Дараганъ, Яковъ Козельскій, Иванъ Лашкевичъ, Василій Лобысевичъ, Лукашевичъ, Левъ Максимовичъ, Марковичъ, Огіевскій, Парпура, Григорій Полетика и много другихъ, имена которыхъ, поискавши, можно найти въ каталогѣ Сопикова. Все это имена лицъ болѣе или менѣе причастныхъ къ тогдашней литературѣ, о которыхъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній, не зная откуда и при какихъ условіяхъ приходили эти работники на литературную ниву... Въ числѣ этихъ лицъ Григорій Полетика занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ по своей любви къ просвѣщенію и по своей дѣятельности общественной въ качествѣ одного изъ депутатовъ Екатерининской коммиссіи.

Благодаря счастливой случайности, остатки бумагъ Гр. Андр. Полетики недавно пріобрѣтены извѣстнымъ собирателемъ памятниковъ малорусской старины В. В. Тарновскимъ. На основаніи этихъ остатковъ семейнаго архива, какъ видно нѣкогда очень богатаго, мы и можемъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ просвѣщенномъ малороссѣ конца XVIII в.—Родомъ Гр. А. Полетика былъ изъ Ромна, куда отецъ его Андрей перешелъ жить изъ Полтавы. „Родословіе“ Полетикъ, состав-

ленное впрочемъ самимъ Гр. А. П-кою, говоритъ, что они вышли изъ Волыни. Тамъ де жилъ „шляхтичъ“ Иванъ П-ка, который, въ войну поляковъ съ турками, былъ убитъ въ 1673 г., подъ Хотиномъ; послѣ смерти Ивана, вдова его отправила двухъ малолѣтнихъ своихъ сыновей, Павла и Григорія, въ Кіевъ „какъ для того, чтобы они не оставили вѣры своего исповѣданія, такъ и для обученія“; а въ Кіевѣ де жилъ тогда, „бывшій потомъ въ черниговскомъ полку седневскимъ сотникомъ и полковникомъ (?) зять бывшаго прежде гетмана Богдана Хмельницкаго,—малороссійскаго гетмана Семена Перевязки и свойственникъ малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго, а ихъ Павла и Григорія близкій родственникъ Полетикъ“. Разсчетъ вдовы былъ тотъ, продолжаетъ „родословіе“, что седневскій Полетика, „будучи бездѣтный и богатый человѣкъ, ибо онъ имѣлъ въ Малой Россіи, въ черниговскомъ полку, многія деревни, а именно Ивашковъ, Выхвостовъ, Мощонку, Пекуровку, Рудню и друг. (о чемъ, такъ какъ и о свойствѣ его съ вышеписанными гетманами, свидѣтельствуетъ бывшее въ Малой Россіи въ 1729 и 1730 гг. слѣдствіе)[1]), можетъ ихъ и обучить, и наслѣдниками сдѣлать; но они того своего родственника Полетики въ живыхъ не застали, почему они, обучась въ Кіевѣ и познакомясь съ дѣтьми бывшаго полтавскаго полковника Про-

---

[1]) Для поясненія полетикинскаго „родословія“, приводимъ здѣсь отрывки изъ генеральнаго слѣдствія, послужившіе источникомъ для свѣдѣній о седневскомъ Полетикѣ. *Ивашковка* — „старожилы того села, якъ они упомнятъ, сказкою показали, что владѣлъ онымъ *зять гетмана Перевязки нѣкій Полѣтика.*—*Пекуровка*—„владѣлъ послѣ лядского владѣнія, *гетмана Перевязки зять его, нѣкоторый Полѣтика*, будучи сотникомъ седневскимъ“... *Мощонка* — „показали старожилы, что владѣлъ онымъ селомъ перво, *сотникъ седневскій* прозваніемъ *Полетика, свойственный гетмана Многогрѣшнаго*“... *Рудня*—„деревню Рудню поселилъ слободою тотъ же *Политика, зять гетмана Перевязки*“... Генер. слѣдствіе называетъ седневскаго Полетику то зятемъ гетмана Перевязки, то свойственникомъ гетмана Многогрѣшнаго; такъ повторяетъ и Гр. А. П-ка, прибавляя только при названіи Перевязки имя Семона, каковаго имени въ генер. слѣдствіи нѣтъ, да и не могло быть, потому что здѣсь Перевязка отождествляется съ Многогрѣшнымъ, такъ какъ дочь послѣдняго была замужемъ за седневскимъ сотникомъ Полетикою, послѣдній былъ живъ еще въ 1672 г. См. Акты юго-западн. Россіи, IX, 828. Изъ приведенныхъ мѣстъ генер. слѣдствія, между прочимъ, видно, что Многогрѣшный прозывался въ народѣ Перевязкою такъ, какъ Самойловичъ—Поповичемъ.

кофія Левенца, отлучились въ Полтаву и, сыскавъ сходныя для себя супружества, поженились..." Старшій изъ братьевъ поселился въ Решетиловкѣ и жилъ тамъ до 1709 г., когда былъ убитъ „на бывшей подъ Полтавою баталіи". Послѣ Павла остался старшимъ въ семьѣ сынъ его Андрей, который нашелъ лучшимъ, „удаляясь отъ татарскихъ набѣговъ", подвинуться на сѣверъ, гдѣ онъ и оселился съ матерью и младшими братьями,—въ Ромнѣ. Здѣсь Андрей П-ка женился на внучкѣ лубенскаго полковника Илляшенка и скоро сталъ роменскимъ войтомъ. Затѣмъ онъ началъ съ Полуботками процессъ за село Коровинцы,—которое сначала было пожаловано, въ 1690 г., дѣду его жены, а потомъ, въ 1708 г., Павлу Полуботку,—выигралъ этотъ процессъ и сталъ почти единственнымъ владѣльцемъ многоземельнаго села [1]). Оставивъ почему то роменское войтовство, Андрей П-ка „вступилъ значковымъ товарищемъ въ лубенскій полкъ" и отправлялъ козачью службу въ этомъ званіи до 1749 г., когда произведенъ былъ въ чинъ бунчуковаго товарища; затѣмъ еще оставался на службѣ до 1757 г., когда получилъ отставку, имѣя отъ роду 65 л. Умеръ Андрей П-ка въ 1773 г., оставивъ, кромѣ дочерей, пять сыновей, изъ которыхъ Григорій былъ старшимъ.

Гр. Андр. П-ка родился въ 1725 г. и учился въ кіевской академіи. Въ 1746 г. онъ поступилъ въ академію наукъ переводчикомъ, при чемъ предварительно былъ проэкзаменованъ Тредьяковскимъ, который въ своемъ донесеніи объ этомъ экзаменѣ президенту (гр. К. Разумовскому) пишетъ: „имѣвъ случай свидѣтельствовать въ искусствѣ россійскаго и латинскаго языковъ малороссіянина Григорія Полетику, который проситъ объ опредѣленіи себя переводчикомъ при академіи, пріемлю смѣлость симъ объявить мое мнѣніе объ искусствѣ помянутаго малороссіянина: помянутый малороссіянинъ, переводя съ латинскаго языка, показалъ себя, что онъ тотъ языкъ изрядно разумѣетъ, переводить съ него можетъ; однако россійскій его языкъ есть по большей части въ переводѣ—діалектъ малороссійской,

[1]) См. „Кіевская Старина" 1891 г., январь, стр. 188.

въ разсужденіи рѣчей и цѣлыхъ изображеній“ [1]). О служебной своей дѣятельности Полетика самъ говоритъ такъ: „будучи воспитанъ и обученъ языкамъ и наукамъ на коштѣ отца моего, въ службу вступилъ я въ 1746 г., въ с.-петербургскую академію наукъ, переводчикомъ, гдѣ и находился по 1748 г., въ ономъ году, по желанію моему, отъ оной академіи уволенъ и опредѣленъ въ св. правительствующій Синодъ переводчикомъ же. Въ Синодѣ Гр. П-ка оставался до 1764 г., когда былъ назначенъ „въ морской шляхетной кадетской корпусъ главнымъ надъ классами инспекторомъ“; на этомъ мѣстѣ П-ка пробылъ девять лѣтъ и въ 1773 г., „за болезньми“, уволенъ.—Будучи инспекторомъ морскаго корпуса, П—ка былъ выбранъ въ 1767 году, отъ шляхетства лубенскаго полка, депутатомъ въ коммиссію сочиненія новаго уложенія [2]).

Получивъ отъ отца, еще при его жизни, часть Коровинскаго имѣнія, Гр. П-ка значительно увеличилъ свое имущество, женившись въ 1762 г., на дочери отставнаго генеральнаго судьи Ивана Андреевича Гамалѣи, при чемъ получилъ, по особой сдѣлкѣ съ тещею, два села около Погара, Юдиновъ и Чеховку съ хуторами. — Кромѣ того, П-ка прикупилъ немало земель къ своему Коровинскому имѣнію и сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ малороссійскихъ помѣщиковъ конца XVIII в., такъ какъ въ 1780 г. за нимъ числилось крестьянъ: 1346 мужч. и 1339 женщ. [3]).

О литературныхъ занятіяхъ Гр. П-ки мы знаемъ немного. Будучи на службѣ въ Синодѣ, онъ написалъ для напечатанія въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, статью—„О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи“. Статью эту Ломоносовъ однакожъ не разрѣшилъ къ печатанію потому,—говоритъ авторъ

---

[1]) Пекарскій. Истор. акад. наукъ, II, 116—117.

[2]) Наказы малороссійскимъ депутатамъ. Изд. „Кіевской Старины“, стр. 277.

[3]) О богатствѣ Гр. А. Полетики можно судить уже и изъ того, что при посмертной описи имущества Гр. П-ки и жены его, въ 1785 г, однихъ женинныхъ брилліантовъ оказалось на шесть тысячъ рублей, кромѣ разныхъ алмазныхъ и золотыхъ вещей.

Исторіи академіи наукъ,—что Полетика въ древней Россіи нестолько нашелъ училищъ сколько слѣдовало ихъ тамъ быть по мнѣнію Ломоносова. Къ этому Пекарскій добавляетъ, что „произведеніе Полетики для своего времени очень замѣчательно по обстоятельности заключавшихся въ немъ свѣдѣній о Петрѣ Могилѣ" [1]).

Затѣмъ, въ каталогѣ Сопикова обозначены слѣдующія изданныя Гр. П-кою книги:

1759 г.—Епиктита, стоическаго философа, енхиридіонъ и апоѳегмы и Кевита Ѳивейскаго картина или изображеніе житія человѣческаго. Перевелъ съ греческаго Григорій Полѣтика. Спб.—Тоже изд. 2-е, 1767 г.

1762 г.—Ксенофонта, о достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократовыхъ и оправданіе Сократово предъ судіями. Перев. съ греч. Григорій Полетика. Спб.

1762 г.—Истинныя основанія и должности христіанскія вѣры или наставленіе язычникамъ, обращающимся въ христіанскую вѣру. Соч. Григорія Полетики. Спб.

1763 г.—Словарь на шести языкахъ: на россійскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англинскомъ, изд. Григ. Полетикою. Спб.

Изъ обнародованныхъ свѣдѣній о дѣятельности Гр. П-ки какъ депутата отъ лубенскаго шляхетства въ коммиссіи о сочиненіи уложенія, извѣстны: „Возраженіе депутата Гр. П-ки на наставленіе малороссійской коллегіи господину же депутату Дмитрію Наталину" [2]) и его довольно обширное мнѣніе на читанный въ 1768 г., въ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія „проектъ правамъ благородныхъ" [3]). Въ этихъ двухъ запискахъ П-ка является съ одной стороны вообще защитникомъ автономности Малороссіи, а съ другой—ревнивымъ ходатаемъ объ утвержденіи за „малороссійскимъ шляхетствомъ" тѣхъ „правъ и привилегій", которыя де во „время бытности Малыя Россіи подъ Польшею подтверждаемы были". Нѣтъ сомнѣнія, что эти двѣ записки, и въ особенности вторая, и создали Полетикѣ репутацію—человѣка, „славившагося своею ученостью и патріотизмомъ къ краю своему".

Послѣ выхода П-ки въ 1773 г. въ отставку, онъ до самой смерти занятъ былъ веденіемъ разныхъ процессовъ за

---

[1]) Исторія академіи наукъ, II, 116 и 610.

[2]) Чтен. въ моск. общ. истор. и древ., 1858 г., кн. 3-я.

[3]) Сборн. русск. историч. общ., XXXVI, 346—356.

имѣнія. Особенно важенъ былъ для П-ки процессъ его съ братомъ жены, Мих. Ив. Гамалѣею, который оспаривалъ правильность той сдѣлки, по которой П-ки (мужъ и жена) пріобрѣли стародубскія имѣнія... Поѣхавъ въ Петербургъ, чтобы тамъ личнымъ ходатайствомъ направлять этотъ процессъ въ свою сторону, П-ка тамъ же заболѣлъ и умеръ 27 ноября 1784 года.

II. Шесть писемъ разныхъ лицъ о библіотекѣ Гр. Андр. Полетики.

Самую цѣнную часть сохранившихся остатковъ семейнаго архива Полетикъ составляетъ частная переписка какъ самаго Гр. А. П-ки, такъ и разныхъ членовъ его семьи, начиная отъ его отца и братьевъ и кончая письмами его дѣтей, внуковъ и разныхъ родичей и знакомыхъ. Изъ этихъ остатковъ видно, что значительная часть переписки Гр. А. П-ки растеряна...

На первый разъ приводимъ здѣсь шесть писемъ разныхъ лицъ, говорящихъ объ одномъ и томъ же предметѣ—о библіотекѣ Гр. А. П-ки, которую послѣдній дважды собиралъ въ своей жизни; разъ собранная —„изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ"—она погибла отъ пожара, а въ другой разъ собранная — уже незначительная по количеству книгъ,— она погибла отъ неумѣнія внуковъ оцѣнить значеніе дѣдовскаго собранія, несмотря на совѣты просвѣщенныхъ любителей письменной старины, напр. М. И. Ханенка [1]).

---

[1]) Мих. Ив. Ханенко (р. 1818 † 1853), младшій изъ трехъ братьевъ, — правнуковъ автора изданнаго „Кіевск. Стар." въ 1884 г. „Дневника" Н. Д. Ханенка,— извѣстенъ былъ, какъ и старшіе его братья, здравствующіе Ал. и Ив. Ив—чи, любовью къ письменнымъ памятникамъ мѣстной старины. Мих. Ив. учился въ москов. университетск. пансіонѣ и затѣмъ служилъ: сначала въ гвардіи, въ Финляндскомъ полку, а потомъ - новгородъ-сѣверскимъ предводителемъ дворянства. — Въ Черниг. Губ. Вѣд. 1852 г., имъ напечатаны интересные документы изъ бумагъ его прадѣда, въ томъ числѣ и любопытнѣйшее наставленіе Н. Д. Ханенка сыну Василію, при отправленіи его въ заграничный университетъ въ 1746 г., для окончанія образованія. См. Опис. Стар. Малор., I, 78.

I. 1771 г. Письмо Григорія Андреевича Полетики къ президенту адмиралтейской коллегіи Голенищеву-Кутузову съ просьбою о продолженіи отпуска и съ извѣстіемъ о гибели своей библіотеки.

Милостивый государь.

По милостивому вашего сіятельства и государственной адмиралтейской коллегіи снисхожденію, отпущенъ я въ годовой отпускъ въ домъ мой. Пользуясь симъ случаемъ, желалъ я поправить мое здоровье и состояніе; но по приключившимся мнѣ болѣзнямъ, ни того, ни другаго здѣлать не успѣлъ, а между тѣмъ имѣлъ нещастіе въ бывшій маія 23 дня въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, пожаръ потерять всѣ мои пожитки и нужныя къ содержанію и пропитанію моему вещи, а что всего для меня болшей дороже—и всю мою библіотеку, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ, о которой какъ вручитель сего пріятель мой Василій Александровичъ Шараповъ, такъ и многіе другіе ваше сіятельство увѣрить могутъ, что она была одна изъ лучшихъ въ россійскомъ государствѣ библіотекъ; а особливо что касается до собранія моего россійскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то безъ похвальбы могу предъ вашимъ сіятелствомъ выговорить, что таковаго не токмо ни у одного изъ партикулярныхъ людей не было, но и съ государственными россійскими библіотеками моя въ первенствѣ, въ рѣдкости и древности книгъ, препираться могла. Сіе нещастливое приключеніе столько меня поразило, что я еще больше въ здоровьѣ моемъ почувствовалъ ослабѣніе, о чемъ и атестатъ отъ доктора въ команду мою послалъ, и лишенъ будучи всѣхъ средствъ, къ питанію ума и тѣла моего служащихъ, не сыскиваю другаго способа, какъ только прибѣгнуть къ милости и великодушію вашего сіятелства и просить еще на годъ увolненія, чтобъ помощію онаго забыть и не быть принужденнымъ оплакивать не угасшій еще пепелъ лучшаго моего имѣнія, настоящей моей печали, а притомъ поправить хотя немного мое здоровье и домостроительство и привесть себя въ состояніе къ дальнѣйшему продолженію моей службы. Помилуйте, сіятелнѣйшій графъ,

печалнаго, нещастливаго и слабаго человѣка тоею милостію, которая вамъ ничего не стоитъ, и заставте, чтобъ я сіе мое уволненіе почиталъ за полученное отъ васъ награжденіе моихъ убытковъ и разоренія, и прибылъ по жизнь мою съ глубочайшею преданностію, милостивый государь, вашего сіятелства. *(Съ черновика).*

II. 1782 г. 3 іюня. Письмо могилевскаго архіепископа Георгія Конисскаго къ Григорію Андреевичу Полетикѣ, при посылкѣ польскихъ историческихъ книгъ.

2. Высокородный господинъ! коллежскій совѣтникъ!
Милостивый государь и благодѣтель мой!

Сего дни имѣлъ я честь почтеннѣйшое писаніе ваше, и въ любезнѣйшихъ вашихъ сыновяхъ, какъ самого васъ видѣть, радовался. Annales Rudawscy прошу принять въ число книгъ вашыхъ, при коемъ еще посилаются: Piasecy, chronicon и Starowolscy, tractatus tres, по требованію вашему, да сверхъ того: два томы Длугоша, съ коихъ въ послѣднемъ приданы старые полскіи писатели, какъ то—Кадлубко, Sarnicius, Orechovius etc. и еще посилаются жъ: Regenwolscy systema chronologicus, и Pastory, historiae polonae plenior, Kojalowicza и Кобержицкого какъ и Старозолского, Eques polonus не находится у мене. Равно жъ къ благоденствію вашему не могутъ (sic) услужить вамъ ни однимъ гербаромъ, понеже самъ не имѣю. Въ слѣдующемъ сентябрѣ нужда будетъ мнѣ посилать нарочного въ Варшаву. Какіе вамъ надобны книги, изволте прислать мнѣ реестръ. Васъ поздравляю искреннѣйше и усерднѣйше новымъ дворянствомъ: промыслили вы благовременно. Естли не думаете дѣтей послать туди, откуду дворянство, для ученія, то совѣтовалъ бы я напредъ, послать ихъ въ Вилню, тамъ сего году открился новій университетъ и академія новымъ порядкомъ ученій и весма похвалнымъ; жалко, что не имѣю при себѣ печатныхъ о томъ рѣчей и расположенія; послалъ преосв. смоленскому, и получа обратно, пришлю вамъ; а тамъ можно бъ дѣтямъ и въ монастирѣ нашемъ квартеру имѣть. Не пишу болше, не хотя удерживать

птенцовъ любезнѣйшихъ, спѣшащихъ въ гнѣздечко свое. И такъ желаю вамъ со всѣмъ домовствомъ истиннаго благоденствія, остаюсь съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и усердіемъ,

высокородія вашего, милостивого государя и благодѣтеля моего, покорнѣйшій слуга Е. Георгій. Іюня 3 д. 1782 года. Могилевъ. *(Съ подлинника).*

III. 1812 г., 17 сентября. Письмо Петра Ивановича Полетики къ Василію Григорьевичу Полетикѣ съ просьбою прислать для графа Н. П. Румянцева списокъ книгъ и рукописей Григорія Андреевича Полетики и съ извѣщеніемъ—о желаніи Румянцева купить эти книги и рукописи.

Милостивый государь мой и любезный братецъ Васильевичъ (sic) (Должно быть—Василій Григорьевичъ).

Государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ поручилъ мнѣ на сихъ дняхъ, испросить у васъ подробную вѣдомость о книгахъ и рукописяхъ, покойнымъ родителемъ вашимъ и вами умноженныхъ. Графъ наиболѣе въ виду имѣетъ книги и рукописи, до отечественной исторіи касающіеся, и по всѣмъ отзывамъ его сіятельства, я полагать долженъ, что вамъ учинено будетъ предложеніе—оные уступить продажею. Въ слѣдствіе чего не признаете ли приличнымъ, любезный братецъ, при доставленіи къ графу желаемой вѣдомости, чрезъ кого либо изъ сдѣшнихъ пріятелей вашихъ, (ибо нѣтъ сомнѣнія, что при полученіи вами сего письма, я находится буду паки въ чужихъ краяхъ), увѣдомить сего послѣдняго о намѣреніи вашемъ касательно продажи вашей библіотеки, а также и полагаемой вами цѣны, симъ способомъ сократится нарочито и время, и переписка.

Я съ поспѣшностію пользуюсь симъ случаемъ, дабы возобновить себя въ памяти вашей и любезнѣйшей сестрицы Настасьѣ Фоминишнѣ, которой прошу васъ засвидѣтельствовать усерднѣйшее мое почтеніе.

Въ протчемъ съ истинною привязанностію честь имѣю быть, любезный братецъ, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга и братъ Петръ Полѣтика.

IV. 1812 г., 25 ноября. Письмо Василія Григорьевича Полетики къ графу Н. П. Румянцеву.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Братъ мой Петръ Ивановичъ Полетика, въ письмѣ своемъ, отпущенномъ изъ Санктпетерборга отъ 17 сентября, а мною здѣсь полученномъ не прежде какъ 14 сего ноября, по приказанію вашего сіятельства, пишетъ ко мнѣ о доставленіи вашему сіятельству подробной описи книгамъ и рукописямъ, покойнымъ отцемъ моимъ собраннымъ и мною умноженнымъ. Полагая, что ваше сіятельство наиболѣе въ виду имѣть изволите книги и рукописи, до отечественной исторіи относящіяся, упоминаемыя княземъ Щербатовымъ и профессоромъ Шлецеромъ во введеніяхъ ихъ въ оную, я со всегдашнимъ сожалѣніемъ о безцѣнной ихъ для меня и потомства моего потери, доношу вашему сіятельству, что оныя всѣ почти въ бывшій въ Санктпетербургѣ, на Васильевскомъ острову, гдѣ тогда отецъ мой жилъ, въ 1771 году, пожаръ, со всею его библіотекою, состоявшею изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ сгорѣли, о которой многіе еще и теперь ваше сіятельство увѣрить могутъ, что она была одною изъ лучшихъ въ россійскомъ государствѣ библіотекъ; а особливо что касается до собранія сего россійскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то смѣло могу предъ вашимъ сіятельствомъ выговорить, что таковаго не токмо ни у кого изъ частныхъ людей не было, но и съ государственными россійскими библіотеками библіотека отца моего о первенствѣ въ рѣдкости и древности книгъ препираться могла. Нѣкоторая только часть, изторгнутыхъ изъ пламени уцѣлѣла. Собранныя жъ съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцемъ моимъ въ послѣднихъ дняхъ жизни его и напослѣдокъ мною и присовокупленныя къ первымъ, относятся по большей части до малороссійской исторіи, начертаніе которой было его, а накопецъ сдѣлалось моимъ предмѣтомъ. Въ теченіи сей зимы я имѣю необходимую надобность быть въ нашей сѣверной столицѣ. Тамъ предстану вашему сіятельству. Удостоившись же получить полное отъ васъ разрѣшеніе о содержаніи нужныхъ вамъ сочиненій въ книгахъ и рукописяхъ, и смотря

на оное, буду имѣть честь поднести вашему сіятельству опись находящимся у меня. Но, сіятельнѣйшій графъ, позвольте сказать себѣ предварительно, что я ни одной изъ нихъ не рѣшусь продать ни за какую цѣну, и что одна только переписка можетъ доставить ихъ въ другое мѣсто. Достояніе мое не велико; я имѣю дѣтей, стараясь о найлучшемъ воспитаніи которыхъ, я, вмѣсто сокровищъ свѣта, часто безполезныхъ, хочу оставить имъ сію пищу ума единственнымъ послѣ себя, для вящего ихъ къ пользѣ общей образованія наслѣдіемъ. Честь и долгъ имѣю быть съ глубочайшимъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ, милостивый государь, вашего сіятельства... (Василій Полетика). 25 ноября 1812 г. (*Съ черновика*).

V. Около 1850 г. Письмо Василія Васильевича Полетики къ Михайлу Осиповичу Судьенку, съ предложеніемъ купить рукописи, принадлежавшія его дѣду Гр. Андр. Полетикѣ.

Зная труды ваши и занятія по части русской исторіи, особливо же древней, и съ какимъ стараніемъ вы отыскиваете всѣ древніе источники, до оной относящіеся, я рѣшился обратиться къ вамъ, мил. госуд., и приложить у сего выписку о имѣющихся у меня рукописахъ. Рукописи сіи, вмѣстѣ съ прочими книгами, достались мнѣ по наслѣдству, принадлежали родному дѣду моему Григорію Андреевичу Полетики, въ свое время славившемуся ученостію, патріотизмомъ къ краю своему и трудами по части исторіи Малороссіи. Нѣкоторые изъ означенныхъ въ прилагаемомъ спискѣ труды его писаны собственною его рукою, а права и привилегіи малор. шляхетства, совмѣстно съ двумя мнѣніями его коммиссіи, имъ собственноручно подписаны и другаго экземпляра нигдѣ и ни у кого инаго не находится. Что касается до переписки его, то утвердительно ничего не могу сказать вамъ, ибо я не имѣлъ еще времени пересмотрѣть оную и разсортировать; могу только прибавить, что собственноручныхъ писемъ его находится у меня довольно большое количество, исправно сохранненыхъ со дня его смерти. Естли вы найдете что либо соотвѣтствующее вамъ, какъ для пользы вашей, такъ собственно для науки, то я со всею готовностію могу

уступить вамъ по вашему увѣдомленію, было бы то за деньги или же за книги новѣйшихъ авторовъ, коими я хочу пополнить имѣющуюся у меня небольшую библіотеку, на каковой конецъ, по извѣщеніи вашемъ, пришлю вамъ и каталогъ,—тогда вы можете сообразить и назначить недостающихъ авторовъ въ оной.— Ожидая вашего, милостивый государь, увѣдомленія, прошу васъ въ случаѣ отвѣта въ семъ мѣсяцѣ или въ самомъ началѣ будущаго, адрессовать по прилагаемому адрессу письмо въ г. Погаръ, а съ 10 чиселъ мая въ г. Роменъ, куда я переѣзжаю на нѣсколько мѣсяцевъ и гдѣ находятся всѣ книги мои. *Съ черновика, къ которому приложенъ слѣдующій списокъ:*

Въ большую десть.

1) Рукописное собраніе грамотъ, статей, писемъ и прочихъ сочиненій, касающихся до малороссійской исторіи 6

2) Договорныя малоросс. гетмановъ статьи, грамоты и прочія сочиненія рукописныя 1

3) Малороссійскій лѣтописецъ, рукописный 1

4) Історія о зачатіи Москвы, рукописная. 1

5) Собраніе разныхъ привилегій польскихъ и рускихъ, рукописное. . . . 1

6 Каталогъ эпископовъ, патріарховъ святыя великія византійскія церкви, такой же каталогъ кіевскихъ митрополитовъ и прочія сочиненія, рукописныя. . 1

7) Малороссійскій лѣтописецъ Самуила Величка, рукописный. 1

8) Дѣйствія презѣлной брани Богдана Хмельницкаго съ поляками, рук. . 1

9) Малороссійскій рукописецъ, рукописный. 1

10) Книга, содержащая въ себѣ описаніе мытарствъ, соборъ бывшій при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и сочиненія Максима Грека, рукописная 1

11) Каталогъ и лѣтописаніе изъ бытности (sic) архіереевъ россійскихъ, рукописные 1

12 Права и привилегіи малорос. шляхетства, тутъ же собраны и двѣ рѣчи предка моего, бывшаго депутатомъ при Екатеринѣ. 1

13 Разсмотрѣніе лѣтъ Р. Х. согласующихъ съ лѣтами бытія міра и каталогъ патріарховъ константинопольскихъ, тако жъ митрополитовъ и архіереевъ россійскихъ, рукописныя 1

14) Малороссійскій лѣтописецъ, рукописный 1

15) Иго законное неудобоносимое, сочиненіе Θ. Прокоповича и иго Христово благо, его же, собственною рукою Стефана Яворскаго, писанное, неполное 1

Въ меньшую четверть листа.

16) Начало государей и великихъ князей россійскихъ и родословіе разныхъ знатныхъ фамилій россійскихъ, рукописные 1

17) Лѣтописецъ кн. Курбскаго, томъ 1, рукописный 1

18) Собраніе разныхъ сочиненій Θ. Прокоповича, рукописн. 1

19) Сатиры кн. Антиоха Кантемира, рукописи. 1
20) Лѣтописецъ либо кроника о землѣ польской 1
21) Старинная книга Острожской печати, безъ заглавія и конца 1
Календарей 1749 год. 52, 56, 57, 66, 67 по 1811 всего. 49
Календарей историческихъ, географическихъ, економическихъ и календ. съ наставленіями съ 1768 по 1786 всего 63

VI. 1850 г. 14 мая. Письмо Михаила Ивановича Ханенка къ Василію Васильевичу Полетикѣ съ извѣстіемъ о возвращеніи рукописи „права и привиллегіи“ и съ просьбою беречь рукописи, собранныя его дѣдомъ и отцомъ.

Милостивый государь Василій Васильевичъ! Я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо и готовъ былъ бы немедленно исполнить ваше требованіе о присылкѣ находящейся у меня вашей книги: *права и привиллегій*, еслибы не находилъ къ этому препятствій. Книга ваша такой высокой важности для исторіи, всѣхъ насъ и въ особенности васъ, что я ее не имѣю права пересылать чрезъ какія бы то не было постороннія руки, кромѣ того еслибы вы кому поручили. Какъ и чѣмъ бы я могъ замѣнить ее утрату? Извините меня,—я такъ думаю и такъ свято чту вашу драгоцѣнность. Получивъ ваше письмо, я былъ готовъ самъ ѣхать и вручить ее вамъ лично, какъ нечаянное требованіе въ Черниговъ, на чрезвычайное собраніе, помѣшало мнѣ это исполнить.—Я ее беру съ собой, если васъ тамъ не встрѣчу и возвратившись не застану въ Юдиновѣ, то укажите мнѣ, куда ее переслать по почтѣ, это будетъ вѣрно и я ее отправляю казенной посылкой. Напишите мнѣ, когда вы будете въ Коровинцахъ, я думалъ самъ васъ посѣтить тамъ и порится (sic) въ вашей исторической Калифорніи.

Какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть васъ, сколько я долженъ передать вамъ вѣстей и просьбъ и предложеній отъ Бодянскаго. Можетъ быть мы не увидимся, вы будете въ Кіевѣ, да и въ другихъ мѣстахъ встрѣтите людей, которые уже знаютъ о вашемъ кладѣ, черезъ меня; они, вѣроятно, будутъ просить васъ о вашихъ рукописяхъ; умоляю васъ всѣмъ святымъ вашей родины, не давать имъ никому и ничего, кромѣ *лѣтописи Величкн* для Кіевскаго Археографическаго общества, которому она нужна и

принесетъ пользу общую. Я, руководясь Вашимъ позволеніемъ, вошелъ въ сношеніе съ Бодянскимъ, обѣщалъ ему и онъ взялся быть разбирателемъ и обнародователемъ этой драгоцѣнной старины нашей. Этотъ ученый выше всѣхъ много и несравненно; онъ трудится, терпитъ, страдаетъ для нашей родины и дѣлаетъ это съ величайшимъ самоотверженіемъ, въ высокой степени безъинтересно. Всѣхъ остальныхъ водятъ не тѣ чувства: самолюбіе или желаніе выработать на чужой щетъ копѣйку, а во главѣ ихъ стоитъ Погодинъ. Вѣрьте мнѣ, что я говорю это, сильно убѣдившись во всемъ и много любя нашу страну и ее исторію. Увѣренъ, что вы не измѣните вашихъ предположеній и тѣмъ достигните благой цѣли.

Свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Вашей супругѣ и моему старому товарищу, ежели онъ съ вами.

Съ отличнымъ уваженіемъ и глубочайшимъ почтеніемъ, имѣю честь быть, милостивый государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Ханенко. 1850 г., 14 мая. Юхновъ. *(Съ подлинника).*

III. Догадка объ авторѣ „Исторіи Русовъ".

Изъ приведенныхъ писемъ мы видимъ, что за двадцатипятилѣтнее свое пребываніе въ Петербургѣ (1746—771), Гр. П-ка успѣлъ составить библіотеку „изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ" и что „она была одна лучшихъ въ россійскомъ государствѣ библіотекъ, а особливо что касается до собранія россійскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то таковаго не токмо ни у одного изъ партикулярныхъ людей не было, но и съ государственными россійскими библіотеками" библіотека Гр. П-ки „въ первенствѣ, въ рѣдкости и древности книгъ препираться могла....". И когда это книжное богатство почти все погибло въ огнѣ, П-ка, какъ видно, началъ снова собирать книги и рукописи... Собираніе это онъ продолжалъ почти до самой смерти, какъ видно изъ письма къ нему архіеп. Георгія Конисскаго. Послѣдній, какъ видимъ, посылаетъ Гр. П-кѣ, по его заказу, классическія старопольскія историческія сочине-

нія (Кадлубка, Длугоша, Пасторія, Сарницкаго, Орѣховскаго, Пясецкаго, Рудавскаго...). Собиралъ эти послѣднія книги П-ка, интересуясь исторіей Малороссіи; такъ можно думать напр. потому, что въ 1781 г. онъ проситъ своего двоюроднаго брата Гр. Ив. Полетику, одного изъ чиновниковъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, достать ему книгу—„Marcina Borzymowskiego, Nawigacya do Lubeka“, напечатанную въ Люблинѣ въ 1662 г., объясняя, что въ этой книгѣ ему нужна только статья—o początku kozaczyny [1]). — Съ какою же цѣлью собиралъ Гр. П-ка подобнаго рода книги?—На этотъ вопросъ мы находимъ нѣкоторый отвѣтъ въ письмѣ Вас. Гр. П-ки къ гр. Румянцеву (№ IV),—гдѣ читаемъ: „собранныя съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцемъ моимъ въ послѣднихъ дняхъ жизни и напослѣдокъ мною, относятся по большей части до малороссійской исторіи, *начертаніе которой было его, а наконецъ сдѣлалось моимъ предметомъ...*“ Такимъ образомъ старшій сынъ Гр. П-ки, Василій (р. 1765 † 1845), которому отецъ завѣщалъ свою библіотеку [2]), свидѣтельствуетъ, что отецъ его писалъ исторію Малороссіи, которую онъ, сынъ, продолжаетъ. Рождается въ высшей степени любопытный вопросъ: гдѣ же эта оконченная или неоконченная исторія Малороссіи, которую началъ отецъ, умершій 1784 г., и продолжаетъ его сынъ еще и въ 1812 г.?—Никакихъ слѣдовъ этой исторіи въ пріобрѣтенныхъ В. В. Тарновскимъ остаткахъ Полетикинскаго семейнаго архива мы не нашли [3]). Извѣстно, что часть Полетикинскихъ бумагъ прі-

---

[1]) Исполняя это порученіе Гр. А. П-ки Гр. Ив. П-ка пишетъ къ какому то гр. Ржевускому: „au cas, qu'on ne pourra pas trouver ce livre, m-r le comte de Rzevusky est prié d'avoir la bonté de s'informer si le même livre ne se trouve pas à Varsovie dans la bibliotеque du feu comte de Zalusky et dans le cas qu'il s'y trouve, d'en faire faire *un extrait du chapitre qui traite: o „początku kozaczyny“*.

[2]) „Какъ старшій сынъ мой Василій Полетика до сего времени оказываетъ къ наукамъ бо́льшую отъ другихъ охоту.... то библіотека моя, вся состоящая изъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, такожъ и всѣ письма и извѣстія подлинныя и копіи, *касающіяся до ученыхъ дѣлъ и исторіи*, отказываются мною ему одному....“. Пунктъ 9-й изъ завѣщанія Гр. А. П-ки, написаннаго за нѣсколько дней до смерти.

[3]) Сохранилась впрочемъ составленная Гр. А. П-кою „опись ученымъ и правнымъ дѣламъ“, въ которой между прочимъ значится: „№ 50. Оглавленія грамо-

обрѣтена была раньше М. О. Судьенкомъ[1]), который, какъ любитель мѣстной письменной старины, конечно пересмотрѣлъ эти бумаги и еслибы бы нашелъ въ нихъ историческія писанія Гр. А. П-ки, то конечно о томъ извѣстилъ бы хотя Бодянскаго, съ которымъ дѣлился своими открытіями въ письменной малорусской старинѣ. Между тѣмъ мы имѣемъ—„Историю Русовъ", которой авторъ также неизвѣстенъ, какъ и авторъ написаннаго къ ней предисловія. Въ этомъ предисловіи, между прочимъ, упоминается и Гр. А. П-ка:—„извѣстный ученостью и знатностью депутатъ шляхетства малороссійскаго г. Полетика, отправляясь по должности депутатства въ великую имперскую коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, имѣлъ надобность необходимую отыскать отечественную исторію (т. е. исторію Малороссіи). Онъ относился о семъ къ *первоначальному учителю своему*, архіепископу бѣлорусскому Георгію Конискому... И сей то архіерей сообщилъ г. Полетикѣ лѣтопись или исторію сію (т. е. „Исторію Русовъ")…. Г. Полетика, сличивъ ее со многими другими лѣтописями малороссійскими и нашедъ отъ тѣхъ превосходнѣйшею, всегда ея держался въ справкахъ и сочиненіяхъ по коммиссіи. И такъ исторія сія, прошедшая столько отличныхъ умовъ, кажется, должна быть достовѣрною….". Какъ видимъ, автору этого предисловія извѣстны отношенія Гр. А. П-ки къ Георгію Кониcскому; онъ свидѣтельствуетъ, что послѣдній былъ учителемъ П-ки въ кіевской академіи[2]), каковой фактъ могъ знать только человѣкъ близко знавшій Гр. П-ку. Но главное, авторъ предисловія утверждаетъ, что „Исторія Русовъ" была хорошо извѣстна Гр. П-кѣ, была имъ одобрена, послѣ предварительнаго де сличенія съ подобными этой исторіи

тамъ, статьямъ, письмамъ и *прочимъ сочиненіямъ до малороссійской исторіи принадлежащимъ* и № 110. Письма до разныхъ (лицъ?) *къ малороссійской исторіи принадлежащія*".

[1]) М. О. Судьенко купилъ Полетикинскія рукописи у внука Гр. А. П—ки, Василія В—ча, при посредствѣ М. И. Ханенка, и заплатилъ 2000 р. (Сообщено А. И. Ханенкомъ).

[2]) Гр. П—ка окончилъ кіевскую академію въ 1746 г., а Кониcскій, по свидѣтельству Аскоченскаго (Кіевъ и проч. II, 119), сталъ тамъ учителемъ піитики съ 1745 г.

сочиненіями, которыя тутъ же называются лѣтописями малороссійскими... Но намъ теперь извѣстны, должно быть, всѣ эти лѣтописи и мы можемъ утвердительно сказать, что никакихъ такихъ лѣтописей, которыя похожи были бы въ литературномъ отношеніи на „Исторію Русовъ" не было, да и не могло быть, почему не могло быть и никакого съ ними сличенія... Авторъ предисловія что то знаетъ о происхожденіи „Исторіи Русовъ", но разсказываетъ небылицу, что будто эта „исторія" „ведена была съ давнихъ лѣтъ въ кафедральномъ могилевскомъ монастырѣ искусными людьми" и проч. Авторъ предисловія настолько, повидимому, былъ знакомъ съ малороссійскимъ лѣтописаніемъ, что, говоря о написаніи „Исторіи Русовъ" въ могилевскомъ монастырѣ, просто кого то морочитъ... Кому же нужно было это мороченье?—Только тому, кто зналъ имя дѣйствительнаго автора „Исторіи Русовъ" и кому почему то нужно было закрыть слѣды къ имени [1].... Не оставили никакихъ слѣдовъ объ имени автора и тѣ обстоятельства, при которыхъ въ первый разъ была найдена рукопись „Исторіи Русовъ" [2]). Приходится догадываться.... Такая догадка заключается и въ вопросѣ, который мы здѣсь ставимъ: почему авторомъ этой анонимной „Исторіи" не могъ быть Гр. А. П-ка и почему предисловія къ ней не могъ написать сынъ его

---

[1]) Ср. у Максимовича. Соч. I, 306.

[2]) По разсказу А. И. Ханенка, слышанному нами отъ него на дняхъ, въ первый разъ рукопись „Исторіи Русовъ" найдена была около 1828 г., въ библіотекѣ м. Гринева (старод. у.) при описи гриневскаго имущества, когда оно переходило отъ кн. Лобанова-Ростовскаго (получившаго Гриневъ въ приданое отъ гр. И. А. Безбородко) къ кн. Голицыну; нашли рукопись описывавшіе гриневскую движимость два члена одного изъ стародубскихъ судовъ (Ст. Лайкевичъ и Ал. Гамалѣя), которые эту рукопись показали стародубскому помѣщику Ст. Мих. Шираю (тогдашнему губ. предводителю); послѣдній, снявъ съ этого списка копію, оригиналъ затѣмъ вернулъ въ гриневскую библіотеку. Съ копіи Ширая снимали для себя копіи и нѣкоторые стародубскіе помѣщики; одну изъ первыхъ копій снялъ *Як. Павл. Полетика (родной внукъ Гр. А. П—ки)*, а съ этой копіи снялъ копію для себя и А. И. Ханенко, отославшій потомъ свой списокъ Бодянскому, когда тотъ задумалъ напечатать „Исторію Русовъ". Какъ извѣстно, Ширай послалъ копію „Исторіи Русовъ" и Бантышъ-Каменскому, но, какъ говоритъ послѣдній, этотъ списокъ оканчивался только 1708-мъ годомъ. По свидѣтельству А. И. Ханенка, у Ширая былъ полный списокъ „Исторіи" и посылка его Бант.-Кам—у въ неполномъ видѣ должна быть объяснена какою нибудь случайностью.

Василій?—Давно извѣстенъ тотъ фактъ, что авторъ „Исторіи Русовъ“ былъ „горячій украинскій патріотъ“ [1]). Такимъ „горячимъ украинскимъ патріотомъ“ былъ и Гр. А. П-ка, по свидѣтельству людей близко къ нему стоявшихъ и хорошо его знавшихъ. Въ этомъ отношеніи очень интересно письмо къ Гр. А. П-кѣ, писанное къ нему въ августѣ 1781 г. генераломъ Андреемъ Милорадовичемъ, однимъ изъ довѣренныхъ лицъ гр. П. А. Румянцева, по представленію котораго Мил—чъ былъ, въ томъ же 1781 г., назначенъ правителемъ вновь открытаго черниговскаго намѣстничества. Письмо Мил—ча настолько интересно, что мы приведемъ его здѣсь полностью: „М. Г. мой Григ. Андр.! Требованіе ваше исполнено. Братца вашего и моего истиннаго пріятеля Григорія Ивановича родственики всѣ какими чинами по запискѣ были означены, такъ и произведены. Если не въ трудъ вамъ, покорно прошу сообщить ко мнѣ—каково положеніе во всемъ собраніемъ въ Глуховѣ знатнѣйшаго шляхетства здѣлано? [2]) И по секрету прыложыть перваго изъ нихъ съ вамы прымырывшагося (?) вашего начертанія привѣтствіе. Я злоупотребленія нималаго не учиню, будте увѣрены. Пребывающій съ непреложнымъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашимъ, милостиваго государя моего, вѣрнопокорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ. Ч. 13 авгус. 781 Вышенки“.

P. S. Посланъ сего податель г-нъ Хорошкевичъ по нѣкоторому дѣлу въ Глуховъ есть изъ вѣрныхъ для меня, можете съ нимъ писать ко мнѣ откровенно, хотя у насъ никакихъ секретовъ нѣтъ. А вы держитеся однакожъ моихъ совѣтовъ—не подавать безумнымъ меча: *фамилія ваша, имѣніе, немолодые лѣта* [3]) да будутъ смягченіемъ патріотыческой горячности иногда не въ попадъ. Вы не думайте, чтобъ въ Глуховѣ съ вамы равно соображали. Не всему вѣру емлите, чтобъ къ искушенію не

---

[1]) См. живую характеристику автора „Исторіи Русовъ“ въ статьѣ—„Въ защиту неизвѣстнаго покойника“, напечат. въ газ. *Порядокъ* 1881 г. № 128. Статья эта заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ возраженіе противъ отзыва Костомарова объ этомъ „неизвѣстномъ покойникѣ“. Отзывъ Костомарова былъ напечатанъ въ той же газетѣ Порядокъ, № 97.

[2]) Мы не знаемъ—о какомъ „собраніи знатн. шляхетства“ здѣсь говорится.

[3]) Слова эти подчеркнуты Милорадовичемъ.

послужило. Оставимъ дѣла судбою своею влекомые. Раздерыте сіе письмо ничего незначущее“.

Это любопытное письмо, въ которомъ многое остается непонятнымъ, представляетъ однакоже несомнѣнное свидѣтельство, что Гр. А. П-ка отличался тою „патріотическою горячностью“, слѣды которой можно видѣть и въ „Исторіи Русовъ“....

„Косвенныя улики“, по которымъ автора „Исторіи Русовъ“ можно подозрѣвать въ Гр. А. П-кѣ, повидимому, есть... Къ числу этого рода уликъ можетъ быть отнесено и то любопытное переиначенье факта, которое видимъ въ „Исторіи Русовъ“ относительно конца гетманства Многогрѣшнаго. Какъ записано *во всѣхъ* малороссійскихъ лѣтописяхъ, большихъ и малыхъ, гетманъ Многогрѣшный въ 1672 г., въ великій постъ, былъ арестованъ своею же старшиною, въ Батуринѣ, за измѣну, и отвезенъ въ Москву, откуда былъ сосланъ затѣмъ въ Сибирь... Этотъ арестъ Многогрѣшнаго своими же, въ гетманскомъ домѣ, и особенно участіе въ этомъ арестѣ генер. писаря Карпа Мокріевича—былъ фактомъ до такой степени громкимъ въ исторіи гетманщины XVII в., что никакой ошибки въ разсказѣ объ этомъ событіи въ малороссійскихъ исторіяхъ быть не могло. А между тѣмъ въ „Исторіи Русовъ“ мы читаемъ вотъ что: „въ 1672 г., февраля 7-го дня, гетманъ Многогрѣшный *отъ ранъ своихъ умеръ и съ великими почестями, военными и церковными, въ Батуринѣ погребенъ*. Всѣ чины и народъ съ чистосердечнымъ сокрушеніемъ оплакивали сего достойнаго ихъ начальника. Онъ, при всей своей нарочитой кротости, былъ хорошій вождь въ войскѣ, отличный политикъ и справедливый судія въ правленіи. Послѣ Зиновія Хмельницкаго одному ему приписать можно превосходныя качества“... Кому нужно было и ради какого интереса—выдумывать этотъ явно ложный панегирикъ?—Недавно умершій Карповъ, указывая на приведенное мѣсто изъ „Исторіи Русовъ“, видитъ въ немъ—„замѣчательнѣйшее незнаніе автора ея событій и наклонность его постоянно разсказывать нелѣпости, но съ извѣстнымъ неприличнымъ оттѣнкомъ“...[1]) Но здѣсь нѣтъ *незна-*

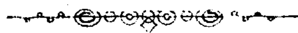
[1]) Карповъ. Критическій обзоръ разработки главн. русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся. (М. 1870), стр. 117.

нія событій, потому что рѣчь идетъ о событіи ужъ очень извѣстномъ... Нѣтъ здѣсь и „наклонности постоянно разсказывать нелѣпости“, какъ думалъ предубѣжденный критикъ. Въ описаніи небывалыхъ похоронъ Многогрѣшнаго въ Батуринѣ мы видимъ намѣренно выдуманный фактъ... Кѣмъ же?—Можетъ быть, позднѣйшимъ родичемъ одного изъ зятей гетмана Многогрѣшнаго[1]), которому та или другая тенденція могла подсказать желаніе обѣлить въ потомствѣ тестя того седневского Полетики, отъ котораго предки Гр. А. П—ки ожидали великихъ и богатыхъ милостей.—Конечно, это предположеніе составляетъ не болѣе какъ одну нашу догадку, могущую тоже быть „косвенною уликою“, что „Исторія Русовъ“ первоначально вышла изъ подъ пера Гр. А. Полетики, а потомъ, можетъ, была дополняема и сыномъ его Василіемъ....

Подтвердятся ли наши „косвенныя улики“—„прямыми“ или будутъ вовсе отвергнуты, Гр. А. П-ка все таки останется однимъ изъ замѣтныхъ общественныхъ дѣятелей к. XVIII в., заслуживающимъ сохраненія его портрета. Послѣдній здѣсь и прилагается, снятый съ писаннаго масляными красками оригинала, который прежде находился въ числѣ семейныхъ портретовъ Полетикъ въ с. Коровинцахъ, а нынѣ принадлежитъ намъ.

29 марта 1891 г.

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Двѣ дочери Многогрѣшнаго были замужемъ: одна за Полетикою, а другая за лубенск. полковникомъ Нестеренкомъ. Акты ю.-з. Россіи, IX, 828.—Хотя Гр. А. П-ка въ своемъ „родословіи“ и называетъ тестемъ седневскаго Полетики—Перевязку, но мы думаемъ, что авторъ „родословія“ только боялся расходиться съ найденными имъ въ генер. слѣдствіи фактами, а въ дѣйствительности зналъ, по обычному семейному преданію, такой крупный въ исторіи рода фактъ, какъ свойство съ Полетиками гетмана Многогрѣшнаго..

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

V.

Житомиръ.—Выборы.—Житомирская округа и ея жители.—Лошади.—Объ умственномъ движеніи и матеріальныхъ улучшеніяхъ въ житомирской округѣ.—О сословіяхъ, входившихъ въ составъ мѣстнаго общества.

Мнѣ было лѣтъ 17, когда подошло время дворянскихъ выборовъ въ волынской губерніи, къ которой тогда принадлежалъ Бердичевъ со своею округой. Я былъ еще несовершеннолѣтнимъ, такъ какъ по закону только 18-лѣтній дворянинъ получалъ право голоса, а 24-лѣтній—право быть избираемымъ и занимать выборныя должности, но мать моя хотѣла, чтобы я познакомился съ дворянами и вошелъ въ ихъ кругъ. Я поѣхалъ на выборы съ моимъ младшимъ дядей Іосифомъ Гленбоцкимъ. Я былъ принятъ какъ дворянинъ, имѣющій право подавать голосъ, можетъ быть, благодаря стараніямъ моихъ дядей или пріятелей моего покойнаго отца. Мы съ дядей заняли половину каменнаго дома, а другую половину занималъ Михаилъ Чацкій, который былъ выбранъ волынскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Прислуги у насъ было много, жили шумно, потому что такъ хотѣла моя мать. Мы держали открытый столъ для всѣхъ помѣщиковъ, множество экипажей, верховыхъ лошадей... Я пріобрѣлъ значеніе и сразу привлекъ къ себѣ сердца помѣщиковъ.

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1891 г., № 3.

Выборы происходили каждые три года. Выборными были слѣдующія должностныя лица: губернскій предводитель дворянства („маршалокъ“), первый сановникъ, глава дворянства; предсѣдатели перваго и второго департаментовъ, въ первомъ разбирались уголовныя дѣла и предсѣдателемъ его выбирали человѣка богатаго, со значеніемъ и вѣсомъ у правительства, чаще всего какого нибудь магната; во второмъ предсѣдателемъ избирался человѣкъ разумный и добросовѣстный, знающій законы и указы, пользующійся уваженіемъ среди дворянства, хотя бы даже и небогатый; затѣмъ шли уѣздные предводители 12 уѣздовъ, составлявшихъ тогда волынскую губернію; далѣе, уѣздные подкоморіи,—должность болѣе почетная, чѣмъ сопряженная съ обязанностями и работой; депутаты двухъ департаментовъ; уѣздные хорунжіе, замѣстители предводителей,—они должны были постоянно быть въ движеніи, въ разъѣздахъ, и потому на эту должность выбирали болѣе молодыхъ и богатыхъ; уѣздные судьи, подсудки, кромѣ того въ каждомъ уѣздѣ выбирался еще писарь изъ людей, владѣющихъ перомъ, дѣльныхъ, не гулякъ и т. д. Всѣ эти должностныя лица жалованья не получали. Движимые дворянскими чувствами, они жертвовали охотно своимъ имуществомъ на пользу дворянства.

Должности исправниковъ и засѣдателей или ассесоровъ были тогда выборныя и платныя; потомъ ихъ стали замѣщать по назначенію отъ правительства, и исправники и засѣдатели стали такими же коронными чиновниками, какъ и многіе другіе чиновники, назначаемые правительствомъ.

Дворянскій домъ или залъ для выборовъ представлялъ огромное каменное зданіе, находившееся въ полномъ распоряженіи дворянства. Голосованіе происходило иногда въ большомъ порядкѣ, вполнѣ пристойно, а иногда съ шумомъ и крикомъ. Дворянство было похоже на молоко, поставленное на огонь: прекрасно кипятится—любо смотрѣть, вдругъ начинаетъ пѣниться и все выливается изъ кастрюли.

При выборахъ въ губернскія должности важную роль играли овручане; въ этомъ уѣздѣ имѣющихъ право голоса дворянъ было болѣе четырехсотъ. Житомирцы были богаче и очень

горды,—не давали большимъ панамъ командовать собою, но отличались рознью и самолюбіемъ. Овручане были бѣдны, но многочисленны, многіе изъ нихъ не имѣли ни одной ревизской души, но голосовали, какъ имѣющіе 25 душъ, записанныхъ за ними болѣе богатыми, такъ какъ нужно было владѣть 25 душами, чтобы имѣть право голоса. Такіе меценаты брали овручанъ въ свою свиту и распоряжались ихъ голосами на выборахъ.

Однимъ изъ меценатовъ этого рода былъ генералъ Корженевскій; онъ владѣлъ частью Житомира, называвшейся Коденкой. Тамъ были домики, какъ бы нарочно построенные для выборной агитаціи. Жилище было обширное, удобное, съ огородами, садами, огороженное кругомъ, точно островъ. Туда привозили овручанъ въ крытыхъ еврейскихъ бричкахъ, и панъ Корженевскій, бывшій предводитель овручскій, давалъ у себя пріютъ братьямъ-шляхтичамъ овручанамъ. Паны Третьяки, Ружанскій, Барановскій привозили овручскую шляхту, поселялись съ нею въ огороженныхъ дворахъ, жили тамъ и заботились, чтобы шляхта не имѣла никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, пока не окончатся губернскіе выборы.

По избраніи губернскихъ должностныхъ лицъ, выпускали овручанъ на волю и они наполняли кофейни и шляхетскіе кабаки. Тогда нельзя было становиться имъ поперекъ дороги.

Житомирцы дѣлились на двѣ партіи: шляхта, сблизившаяся съ овручанами, сторонники равенства, хоть, можетъ быть, они и не знали, что это демократизмъ; другая партія считалась аристократическою.

Выпущенные на волю овручане, вмѣстѣ съ житомирцами, вносили въ шляхту другихъ уѣздовъ жизнь и разгулъ, потому что тогда этимъ отличались названные уѣзды. Шумѣли, кричали на выборахъ, но дракъ не было.

Удивительно, что хотя Житомиръ былъ только губернскимъ городомъ, а Кіевъ былъ главнымъ городомъ трехъ губерній, имѣлъ университетъ (?), множество памятниковъ, дорогихъ славянскому сердцу, отличался такимъ дивнымъ мѣстоположеніемъ, что во многихъ отношеніяхъ не уступалъ Стамбулу, польской шляхтѣ

тамъ было не по себѣ, тогда какъ въ дрянномъ Бердичевѣ, въ грязи, среди евреевъ, царила свобода и разгулъ, шляхта чувствовала себя какъ дома и предавалась полетамъ высокой фантазіи. По крайней мѣрѣ до 1831 года, только здѣсь братались поляки съ русскими, была какая то взаимная откровенность, безъ заднихъ мыслей, стремленій, предположеній и комбинацій. Политическіе разговоры велись по славянски и о славянствѣ. Большую помощь въ этомъ дѣлѣ оказывало постоянное пребываніе въ Бердичевѣ кавалерійской дивизіи, офицеры которой были людьми хорошо выдержанными, хорошо воспитанными и сходными по своей широкой натурѣ съ польской шляхтой. Польская молодежь поступала въ русскіе полки, браталась съ русскими, и смѣло можно сказать, что, можетъ быть, во всей Польшѣ только одна бердичевская шляхта знала, что такое славянство, и имѣла къ нему тяготѣніе. Бердичевскіе поляки видѣли на ярмаркахъ Александра Карагеоргіевича, сына сербскаго богатыря, а позднѣе князя этого разумнаго славянскаго народа, а вмѣстѣ съ нимъ Янковича, Менадовича и другихъ сербовъ, бѣжавшихъ тогда изъ своего отечества; видѣли они также болгаръ—Априлева и Палаузова—и черногорцевъ. Съ ними знакомились и потомъ дѣлали охотничьи экскурсіи въ Новую Сербію, гдѣ было мѣстопребываніе этихъ выходцевъ; знали, гдѣ они живутъ и какъ они живутъ; знали, что есть выходцы—запорожцы, вооруженные рыцари за Дунаемъ, что есть некрасовцы. Шляхта узнавала изъ этихъ живыхъ книгъ славянства о томъ, что и не снилось ни великополянамъ, ни слѣпымъ мазурамъ, ни краковянамъ, ни даже галичанамъ. Великополяне, мудрые философы, знали и разсуждали о великихъ оботритахъ, объ онѣмечившихся славянахъ и сами по немногу нѣмечились, потому что это былъ западъ и цивилизація: Кантъ, Гегель, Шлегель... Для краковянъ и мазуровъ славяне были схизматиками, погибшими душами. Галичане знали тогда славаковъ, которые продавали порошокъ для истребленія блохъ, слыхали о Ганкѣ и Шафарикѣ, но все повторяли: мадьяры—„братанки и до шабли, и до чарки“—все за насъ знаютъ и сдѣлаютъ. У насъ было иначе: мы читали сочиненія,

выходившія въ Харьковѣ, въ Одессѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ уже занимались основательно славянствомъ. Этого не могло быть подъ властью нѣмецкихъ монарховъ, которые старались убѣдить, что „slavi sunt sclavi“ (славяне—рабы), что римляне пользовались славянами какъ гладіаторами, а германцы какъ конюхами, что разсказы о царяхъ сербскихъ, о короляхъ боснійскихъ, а также о болгарскихъ—все это миѳы. Это незнакомство со славянами, это слабое пониманіе сущности славянства было, есть и еще долго будетъ великимъ зломъ для поляковъ.

Польское общество не завязало никакихъ сношеній съ русскимъ обществомъ главнымъ образомъ потому, что всѣ высшіе чиновники въ то время были или поляки, или курляндцы. Губернаторомъ послѣ генерала Гижицкаго, человѣка вздорнаго и нелюбимаго шляхтой за свое грубое обхожденіе, былъ назначенъ Андржейковичъ, литовецъ, человѣкъ радушный, хорошо воспитанный.

Русскіе чиновники были большею частью изъ малороссовъ, которые предпочитали жизнь въ домашнемъ кругу жизни общественной. Малороссы народъ трудолюбивый, добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, не гуляки, не пьяницы, не требуютъ большихъ денегъ и не копятъ ихъ, но стремятся къ домашней жизни, любятъ семью, соловья, цвѣты...

По селамъ помѣщичье житье было шумное, пышное и архи-цивилизованное; почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ была библіотека довольно обширная и хорошо подобранная изъ книгъ на различныхъ языкахъ, вездѣ выписывали газеты виленскія, варшавскія, а во многихъ мѣстахъ французскія; умственное движеніе было большое. Въ то время существовало два кружка: литературный и философскій. Что касается литературы, то вся молодежь и женщины были за романтическую литературу. Адамъ Мицкевичъ, Байронъ, Пушкинъ были кумирами этого кружка. Другой кружокъ, состоявшій изъ стариковъ и упрямцевъ, единственной цѣлью которыхъ было показать, что они имѣютъ свое мнѣніе, стоялъ за классицизмъ, и Людвикъ Осинскій былъ ихъ учителемъ. У нихъ на всѣ разсужденія, на всѣ просьбы послушать былъ только одинъ отвѣтъ: брали

книжку Мицкевича, какъ дѣлалъ это Осинскій, раскрывали и громко читали: „Ciemno wszędzie, głucho wszędzie!", закрывали книжку, говорили: „должно быть будетъ глупо" (głupie będzie), и клали ее на столъ. Изъ за этого дѣло доходило до бурныхъ споровъ, даже до поединковъ; но, къ счастью, сторонниковъ классицизма было мало и ода къ молодости, повторяемая и превозносимая всѣми, добила классицизмъ.

Въ философіи были сторонники Канта и сторонники Яна Снядецкаго, но послѣдніе, благодаря національному чувству и здравому смыслу, хотя и не всегда присущимъ полякамъ въ точныхъ наукахъ и въ политикѣ, взяли верхъ надъ сторонниками нѣмецкой философіи, которой не понимали даже ея поклонники. Янъ и Андрей Снядецкіе считались величайшими мужами науки въ Польшѣ.

Этотъ бѣглый обзоръ делекаго прошлаго показываетъ всеобщее умственное движеніе въ юго-западной Россіи.

Не встрѣчалось болѣе или менѣе значительной деревни, гдѣ не было бы уютнаго и красиваго помѣщичьяго домика; даже въ маленькихъ деревушкахъ, которыя сдавались въ аренду или гдѣ жили экономы, были опрятные и благоустроенные домики; хозяйственныя постройки соотвѣтствовали домомъ; особеннымъ великолѣпіемъ отличались конюшни. Крестьянскія хаты, особенно въ окрестностяхъ Бердичева, были очень опрятны; тамъ было множество садовъ и обиліе воды. Среди степи эти села казались рощами; народъ былъ зажиточный, бойкій, необыкновенно смышленый, привязанный къ добрымъ и справедливымъ панамъ; козацкій духъ сохранился здѣсь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Украинѣ.

Каковы были люди, таковы и кони. Въ то время какъ Вацлавъ Ржевускій холилъ арабовъ изъ пустыни на паркетахъ савраньской конюшни, въ то время какъ князья Сангушки скрещивали арабскую, англійскую и польскую породы, чтобы имѣть лошадей въ родѣ англійскихъ, президентъ Ивановскій нашелъ, такъ сказать откопалъ породу тѣхъ старинныхъ польскихъ коней, *джаметовъ*, на предкахъ которыхъ гусары и панцырники разносили въ теченіи вѣковъ рыцарскую славу Польши,

потому что эти кони походили на того коня, верхомъ на которомъ изображенъ Янъ III въ Варшавѣ. У Іеронима Сабанскаго были огромные табуны лошадей, которыхъ звали нѣкогда *елонками*, употреблявшихся подъ легкія хоругви копейниковъ—уланъ и козаковъ; небольшія, подвижныя, быстрыя, выносливыя, какъ лошади арабовъ пустыни. По примѣру этихъ двухъ помѣщиковъ, вся бердичевская округа стала разводить лошадей, не для бѣговъ, а для ѣзды, и скорѣе подъ верхъ, чѣмъ для упряжки. Эти лошади очень цѣнились и за нихъ дорого платили. Въ польскомъ войскѣ и въ русской гвардіи въ Петербургѣ лучшія офицерскія и унтеръ-офицерскія лошади были изъ окрестностей Бердичева.

По поводу лошадей разскажу одинъ забавный случай.

У президента Ивановскаго была дочь, очень красивая, хорошо воспитанная и съ большимъ приданымъ. Претенденты на ея руку съѣхались со всѣхъ концовъ Польши. Однажды явилось ихъ двое: графъ К. изъ Познани и графъ Ск. изъ Галичины, оба были люди молодые, свѣтскіе. При видѣ образцоваго украинскаго хозяйства Ивановскаго, они начали говорить объ улучшенномъ нѣмецкомъ. Не замѣтивъ у президента ни одной овцы, ни одного барана, они стали цифрами доказывать, что мериносы обогащаютъ край, а лошади доводятъ его до нищеты, и что слѣдуетъ завести мериносовъ вмѣсто табуновъ лошадей, которыхъ у президента было множество.

Ивановскій, бывшій тогда уже семидесятилѣтнимъ старцемъ, слушалъ пораженный и, наконецъ, вскочилъ.

— Вы, панове, поляки?

И когда тѣ отвѣчали утвердительно, покраснѣлъ такъ, что даже паръ съ лысины пошелъ.

— А на чемъ вы будете выгонять нѣмцевъ изъ польской земли? Можетъ быть на баранахъ? Фи, стыдитесь, панове, вы какіе то пастухи! Поѣзжайте себѣ съ Богомъ, здѣсь для васъ нѣтъ мѣста!

Выпроводилъ изъ дому графовъ и выдалъ дочь за подольскаго шляхтича—домосѣда, но владѣвшаго табунами прекрасныхъ польскихъ лошадей.

Президента Ивановскаго одобряли и брали съ него примѣръ во всей бердичевской округѣ: разводили лошадей, чтобы выгнать нѣмцевъ изъ славянскихъ земель. Можетъ быть, это когда нибудь и случится. Дай Боже!

Я былъ помѣщикомъ, и признаюсь, былъ очень счастливъ. Я любилъ свою мать и былъ любимъ ею; въ семьѣ нашей господствовала сердечность и непринужденное доброжелательство, выражавшееся въ стараніи сдѣлать пріятное другъ другу. Больше всего я любилъ охоту, собакъ и лошадей. Въ Гальчинцѣ, гдѣ я родился и жилъ, собиралась окрестная молодежь; у насъ была библіотека, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ томовъ очень цѣнныхъ сочиненій и многихъ рукописей; она была открыта для моихъ пріятелей и товарищей моихъ забавъ.

Охотились, забавлялись, подчасъ танцовали, но болѣе всего читали и разсуждали. Смѣло могу сказать, что, ставши съ Яномъ Омецинскимъ во главѣ этой молодежи,—онъ вслѣдствіе своихъ знаній и уваженія, которое къ нему имѣли, такъ какъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше меня, а я вслѣдствіе моего значительнаго состоянія и доброжелательства,—мы внушили этой молодежи интересъ къ знанію, къ мѣстнымъ дѣламъ и преданіямъ, и къ жизни истинно шляхетской, къ саблѣ, перу,—словомъ, ко всему достойному. Въ это время наше общество дѣлилось въ политическомъ и соціальномъ отношеніи слѣдующимъ образомъ:

Богатые паны, владѣвшіе нѣсколькими, а то и нѣсколькими десятками селъ и даже мѣстечекъ, стариннаго шляхетскаго рода, владѣльцы тѣхъ же имѣній, которыя принадлежали ихъ отцамъ и праотцамъ. Это было первое условіе такъ называемаго въ другихъ мѣстахъ магнатства. У насъ ихъ звали свояками (koligatami). Они стояли во главѣ этой привилегированной шляхты по рожденію. Въ нее вступали люди извѣстные въ наукѣ, писатели ученые и уважаемые, люди, занимающіе высокія дворянскія должности, имѣющіе военные чины, особенно въ польскомъ войскѣ. Во время Наполеона I быть солдатомъ подъ командой генерала Домбровскаго, значило быть паномъ, хотя бы у него не было ни денегъ, ни имѣній, колигатомъ, желан-

нымъ въ обществѣ колигатовъ; такой человѣкъ могъ ни о чемъ не заботиться и жить себѣ спокойно.

Только въ бердичевской округѣ генерала Домбровскаго, творца польскихъ легіоновъ, цѣнили далеко выше, чѣмъ кн. Іосифа Понятовскаго, гулящаго всадника изъ его отряда. Мазурка Домбровскаго была въ сердцахъ и на устахъ всѣхъ, кто носилъ польское имя. Славу и заслуги Домбровскаго превозносили натощакъ, а богатырскіе подвиги князя Іосифа на веселѣ или совсѣмъ пьяные. Люди, которые нажили имѣнія предпріятіями, торговлей или ремеслами, всегда считались выскочками.

Титулованные, графы, бароны пріобрѣвшіе эти титулы съ помощью денегъ или интригъ, не пользовались уваженіемъ между шляхтой. Даже если кто нибудь изъ лучшихъ семействъ пріобрѣталъ титулъ, то тотчасъ исключался изъ общества, а чаще всего становился посмѣшищемъ единственно потому, что былъ графомъ или барономъ; послѣднихъ больше всего было изъ евреевъ.

Панки или полупанки, владѣльцы мелкихъ деревень или частей деревень, арендаторы, высшіе оффиціалисты крупныхъ пановъ, казенныхъ и монастырскихъ имѣній, составляли особый классъ, пользовавшійся юридически тѣми же правами и привилегіями, что и первый, но въ обществѣ ихъ скорѣе терпѣли, чѣмъ принимали. Отсюда происходила нелюбовь и предубѣжденіе противъ демократіи. Демократы стремились во что бы то ни стало подорвать благосостояніе пановъ, а крестьянъ прижать еще сильнѣе. Тогда не существовало ни демократическихъ теорій, ни демократическихъ обществъ, но уже были поползновенія, которыя неизбѣжно породили нынѣшнюю польскую демократію. А ничего не было легче, какъ примирить пановъ съ панками и полупанками; требовалось только немного разуму и много сердечности.

Чиншевая шляхта была бѣдна и забита, и потому упала духомъ и утратила шляхетскую гордость. Добрый панъ, который былъ матерью для крестьянъ, несмотря на всѣ свои достоинства, являлся мачихой для шляхты. Квартиры для

солдатъ, подводы для войскъ, казенныя повинности, все это долженъ былъ отбывать чиншевой шляхтичъ.

Въ селахъ, которыя не были собственностью пановъ, а принадлежали чиншевой шляхтѣ, она пользовалась необузданной свободой. Настоящимъ паномъ тамъ былъ шинкарь—еврей, умѣвшій обойтись со всѣми, и шляхтичи—собственники и ихъ жены ходили къ нему по очереди караулить и отбывать разныя повинности, но, когда наступалъ срокъ заключенія условія или расплаты, сейчасъ парха-жида въ ухо и за пейсы... Били, били, а когда пропивали все, снова шли къ нему на работу.

Такая жизнь извращала умъ и дурно вліяла на чувство, а высокая фантазія и сознаніе своего достоинства направлялись на дурное, на процессы, драки... Не дай Богъ было жить въ сосѣдствѣ съ такимъ селомъ. Шляхта этой категоріи, исповѣдывавшая православіе, жила въ братскихъ отношеніяхъ съ крестьянами, вслѣдствіе единства вѣры и языка, но шляхтакатолическая была съ ними въ непріязненныхъ отношеніяхъ, и потому ее употребляли для экзекуцій за недоимки и неисполненіе приказаній. Это были самые тяжелые экзекуціонеры, потому что, помимо всего, угнетали еще православныхъ во имя религіи и римской церкви, видя въ нихъ схизматиковъ. Мѣщанство состояло изъ евреевъ, великороссовъ и украинцевъ. Великоросы и евреи занимались торговлей, съемкой садовъ, извозомъ; они были люди хозяйственные и зажиточные. Мѣщане—украинцы, представлявшіе нѣчто среднее между чиншевиками-шляхтичами и крестьянами. Владѣльцу они платили чиншъ втрое большій нежели шляхта, а сверхъ того казенныя подати и отбывали рекрутскую и другія повинности. Они напоминали коровъ, у которыхъ много хозяевъ. Ихъ доили до крови и выдоили всю высокую фантазію, потому что они не имѣли такой, какъ имѣла шляхта и крестьяне. Даже евреи свирѣпствовали надъ ними. Мѣщанство поставляло евреямъ наймитовъ и наймичекъ.

Вольные крестьяне почти всѣ жили въ лѣсахъ, въ качествѣ бутниковъ, плотниковъ, рудокоповъ, чернорабочихъ при обработкѣ лѣсныхъ матеріаловъ. Поселенія ихъ были очень многочисленны въ Гутахъ, Рудняхъ и пр. Это былъ народъ красивый, крѣп-

кій, трудолюбивый и бойкій, превосходные работники; были такіе, что зарабатывали до ста злотыхъ (sic) въ день шлифованьемъ и рѣзьбой по стеклу, отливкой зеркалъ, обработкой желѣза и другими подобными трудами. Они не были прикрѣплены къ землѣ, не были также крѣпостными того или другого пана или казны, имѣли право переходить съ мѣста на мѣсто, по выполненіи предписанныхъ обязанностей.

Однако паны и правительство стѣснили эти вольности или безначаліе, которое, можетъ быть, могло привести къ хорошимъ результатамъ, но скорѣе къ дурнымъ.

Въ слободахъ паны торговали всѣмъ, начиная съ дерева на постройку хатъ до уборовъ, жизненныхъ припасовъ, женскихъ украшеній, содержали шинки съ разными напитками, торговали даже дѣтскими игрушками. Всѣ эти товары были панскіе, а панъ былъ главнымъ и единственнымъ торговцемъ и отпускалъ все въ кредитъ безъ всякихъ затрудненій, записывая такіе долги въ шнуровыя книги, какъ капиталъ, на который присчитывается законный процентъ; въ тѣ же книги заносились и заработки, но уже безъ процентовъ. Въ концѣ года разсчетъ. Капиталъ росъ долго, но я никогда не слыхалъ, чтобы заработокъ равнялся ему. Черезъ нѣсколько лѣтъ каждый вольный поселенецъ имѣетъ уже нѣсколько тысячъ долгу и утрачиваетъ свою свободу, пока не выплатитъ долга, а такъ какъ выплатить не можетъ, то попадаетъ въ такую же крѣпостную зависимость, какъ и ревизскіе крестьяне. Этотъ способъ лишенія человѣка вольности посредствомъ втягиванія въ долги, хотя кажется на первый взглядъ несправедливымъ, законенъ тамъ, гдѣ собственность является основой общества. Не совсѣмъ безвыгодно это и для самихъ вольныхъ поселенцевъ, потому что принуждаетъ ихъ оставаться на мѣстѣ, а только камень, остающійся долго на мѣстѣ, обростаетъ... Съ другой стороны это устраняетъ коварную конкуренцію спекуляторовъ, которые, основывая новыя фабрики, разсчитывали бы на барышъ вслѣдствіе уничтоженія прежнихъ, приманивая къ себѣ рабочихъ обѣщаніями. Не такъ то удобно это дѣлать, когда нельзя имѣть этихъ рабочихъ иначе, какъ уплативъ готовыя деньги за ихъ

долговой капиталъ. Это средство, несмотря на то, что оно, по видимому, безнравственно, обезпечиваетъ существованіе фабрикъ, ихъ улучшеніе и разростаніе. Можетъ быть, эта система долгового капитала, улучшенная въ смыслѣ добросовѣстности и потребностей мѣста и времени, была бы наиболѣе подходящей при переходѣ изъ крѣпостного состоянія къ полному освобожденію, потому что служила бы преградою безначалію, дабы оно не перешло въ своеволіе, распущенность и, можетъ быть, преступленіе.

Если крѣпостные, ревизскія души, какъ было въ то время, имѣли пана добраго и хорошо понимающаго свои интересы, то положеніе ихъ было такъ хорошо, такъ благопріятно въ матеріальномъ отношеніи, какъ только можно было пожелать. Три дня въ недѣлю панщины, 12 дней въ годъ на починку дорогъ, плотинъ и мостовъ, 12 дней въ годъ *толоки* и *даровызны* въ пользу владѣльца, все это не было очень отяготительно, подати было невелики. Панъ не допускалъ крестьянъ, какъ свою собственность, умирать съ голоду или жить въ нуждѣ, не допускалъ ихъ даже оставаться безъ заработка; всегда были готовы помощь, поощреніе, защита отъ всего худого; во многихъ мѣстахъ допускалось даже просвѣщеніе. Послѣ работы крестьянинъ могъ ложиться спать, не думая о завтрашнемъ днѣ, и въ случаяхъ нужды всегда могъ имѣть увѣренность: „панъ дастъ“.

У худого пана для крѣпостныхъ былъ адъ. Въ описываемое время былъ начатъ процессъ противъ пана Г. въ Кіевѣ и этотъ помѣщикъ былъ посаженъ въ тюрьму за жестокости надъ крестьянами. Онъ подвѣшивалъ женщинъ къ потолку за волосы и понемногу подрѣзывалъ косу бритвой, пока не оставалось такъ мало волосъ, что они не могли удержать тѣла; женщина обрывалась и на крючкѣ оставался кусокъ кожи съ волосами. Другой помѣщикъ, панъ И. А. приказывалъ пахать, запрягши въ плугъ бабъ и дѣвокъ. Бѣдняжки падали, таща плугъ, а панскіе живодеры били батогами этихъ обращенныхъ волею панскою въ рабочій скотъ крестьянокъ. Панъ Б., гусарскій офицеръ, пригласилъ къ себѣ въ гости товарищей гусаровъ и велѣлъ

дворовымъ козакамъ и гусарамъ-вѣстовымъ собрать силой молодицъ и дѣвокъ для участія въ увеселеніяхъ. Они гуляли, пока мужья, братья и отцы этихъ несчастныхъ жертвъ разврата не привезли возовъ сухого сѣна и соломы, обложили ими домъ, какъ валомъ, и зажгли. Дворъ горѣлъ, а крестьяне стали съ ружьями, косами и топорами вокругъ, какъ духи-мстители. Ни одна живая душа не вышла со двора,—всѣ сгорѣли вмѣстѣ. Крестьянъ сослали въ Сибирь, село опустѣло, а пожарище осталось, какъ напоминаніе о суровой карѣ. Видѣли мы и пановъ В. и Д., ставящихъ на карту и проигрывающихъ своихъ крѣпостныхъ,—женъ и дочерей одному, а мужей и отцовъ другому. Видѣли многихъ, продававшихъ ревизскія души, какъ рабочій скотъ, хуже собакъ, потому что дешевле. Высочайшіе указы запрещали продавать крестьянъ безъ земли, но не было запрета покупать землю безъ крестьянъ. Обыкновенно сегодня продавалась земля съ крестьянами, а завтра покупалась та же земля безъ крестьянъ, и крестьяне одни оставались у покупателя. Можно было дѣлать что угодно, но только осторожно, обойти законъ, обмануть законъ, потому что это было не наше. Не знаю, не было ли бы то же самое, если бы было наше.

Были добрые паны, но такихъ было мало; вообще стыдились выказывать доброту и человѣчность, потому что кто не приказывать дать полсотни горячихъ за сорванную грушу, тотъ не былъ хватомъ.

И такіе то люди стали впослѣдствіи самыми ярыми демократами!

Такія отношенія между владѣльцами и крестьянами вселяли взаимную ненависть въ тѣхъ и другихъ. Обвинять въ этомъ правительство и чиновниковъ нельзя, никто не могъ бы указать ни малѣйшаго ихъ дѣйствія, которое способствовало бы этому; напротивъ, отъ этого отечески предостерегали; притомъ и охраняли шляхту отъ оскорбленій и мести. Правительство предоставляло владѣльцамъ полную свободу заниматься улучшеніемъ быта своихъ крѣпостныхъ, даже поощряло это и награждало тѣхъ, которые отечески обхо-

дились съ крестьянами, а чиновникамъ были даны строгія приказанія не вмѣшиваться въ отношенія между помѣщиками и крестьянами и, сказать правду, въ этомъ отношеніи мы не испытывали никакихъ стѣсненій или непріятностей со стороны чиновниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мистерія страстей Христовыхъ.

Въ числѣ рукописей, присланныхъ на археологическую и библіографическую выставку, устроенную въ 1888 году львовскимъ ставропигійскимъ институтомъ къ празднику 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси, была, между прочимъ, одна рукопись, присланная изъ церковной библіотеки небольшаго села Смерекова, львовскаго уѣзда, но недопущенная на выставку завѣдывавшимъ библіографическимъ отдѣломъ крилошаниномъ А. С. Петрушевичемъ потому, что въ ней-де нѣтъ ничего интереснаго. И дѣйствительно, все время выставки рукопись эта пролежала въ подвалѣ института, закупоренная, вмѣстѣ съ прочимъ непригоднымъ хламомъ, въ большой деревянный ящикъ. По окончаніи выставки сеніоръ института, д-ръ Исидоръ Шараневичъ, счелъ нужнымъ еще разъ просмотрѣть весь этотъ хламъ, прежде чѣмъ возвратить всякую вещь по принадлежности. Пользуясь благосклоннымъ позволеніемъ этого почтеннаго ученаго, я имѣлъ возможность тоже взглянуть на этотъ „хламъ" и среди него нашелъ рукопись, описаніе которой здѣсь прилагаю. Это дѣйствительно невзрачная тетрадь въ четверку обыкновенной писчей бумаги, въ древнемъ, рваномъ переплетѣ, состоящемъ изъ склеенныхъ вмѣстѣ нѣсколькихъ листовъ исписанной бумаги, очевидно, какихъ то школьныхъ упражненій въ чистописаніи. На корешкѣ наклеена бумажка съ надписью старымъ почеркомъ, сходнымъ съ тѣмъ, какимъ написана послѣдняя часть рукописи: *„Начало церковнаго пѣснопѣнія, въ веси Смерековѣ, писано Anno*

1670". Кто бы, однако, судя по этой надписи, думалъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ элементарной теоріей или руководствомъ церковнаго пѣнія, тотъ бы совершенно ошибся. Это „Начало церковнаго пѣнія", или, какъ читаемъ на заглавномъ листѣ, „Начало вослѣдовании церковнаго пѣныя и собрания вселѣтьнаго по уставу святыя восточныя иерусалимскыя церквы" есть не болѣе, какъ церковный календарь съ присовокупленіемъ чиновъ богослужебныхъ, относящихся къ каждому празднику года или, такъ называемая, „пасхальная таблица." Въ нашей рукописи мы имѣемъ нѣсколько такихъ таблицъ, писанныхъ неодновременно. И такъ первая таблица, обнимающая весь годъ, начиная съ марта мѣсяца, а кончая февралемъ, а кромѣ того, табличка нарочитыхъ праздниковъ и „кругъ солнцу на 28 лѣтъ", помѣщаются на 16 страницахъ. На заглавной страницѣ внизу мы находимъ замѣтку: „*Нача здатыся року 1607, мѣсяца октоврыя, дня 5, в повѣтѣ львовьскомъ в селѣ Смерековѣ. Захарко*". Слѣдуетъ на 10 страницахъ другимъ, болѣе позднимъ почеркомъ расписаніе круга луны на нѣсколько лѣтъ, послѣ чего на 38 страницахъ слѣдуетъ вторая таблица пасхальная на весь годъ, съ присовокупленіемъ многихъ замысловатыхъ „круговъ", служащихъ для высчитыванія времени праздниковъ и т. п., и объясненіе, какъ пользоваться этими кругами. Таблица эта, въ главномъ совершенно сходная съ первой, имѣетъ тоже особое заглавіе: „Вослѣдованіе церковна пѣнія и собранія вселѣтнаго по уставу святыя восточныя Іерусалимскія церкви". Внизу этой страницы читаемъ: „*Р. Б. 1655 мѣсяцъ Іюнъ, д. 20*". Если бы смерековская рукопись не заключала въ себѣ ничего болѣе, кромѣ этихъ таблицъ, то мнѣніе крил. Петрушевича объ ея неинтересности можно бы было назвать справедливымъ. Но остальныя 24 страницы этой рукописи, писанныя скорописью, нѣсколько болѣе позднимъ почеркомъ, дѣлаютъ эту рукопись одной изъ самыхъ интересныхъ, какія только встрѣчались намъ на выставкѣ. На этихъ страницахъ, какъ-то не впопадъ переплетенныхъ, такъ что начальные листы отошли на конецъ, мы находимъ полный и очень исправный списокъ одного изъ самыхъ древнихъ памятниковъ драматическаго искусства въ южной Руси,

мистерію о страстяхъ Христовыхъ, носящую въ рукописи латинское заглавіе „*Dialogus de passione Christi*“.

Я не буду разсказывать здѣсь о томъ, какъ начались въ южной Руси драматическія представленія: это извѣстно русскимъ читателямъ изъ работъ по этому вопросу А. Н. Веселовскаго, Н. И. Петрова, П. О. Морозова и др. Скажу только, что изъ довольно (какъ должно полагать) обширнаго репертуара мистерій и moralitè XVII стол. сохранилась только одна п. з. „Дѣйствіе на страсти Христовы списанная“ въ единственной рукописи кіевской духовной академіи. Н. И. Петровъ полагаетъ, что мистерія эта (скорѣй moralitè, такъ какъ въ ней главнымъ образомъ дѣйствуютъ фигуры аллегорическія, а не лица, взятыя изъ священнаго писанія) написана между 1670 и 1686 годами[1]). Но основанія, на какія ссылается г. Петровъ при установленіи этой даты, не препятствуютъ отнести время написанія „Дѣйствія“ къ болѣе раннему времени, а именно къ эпохѣ войнъ Хмельницкаго 1648—1654. Такъ или иначе, нашъ „Dialogus“, если и не самый древній, то во всякомъ случаѣ, одинъ изъ древнихъ памятниковъ драматической южнорусской литературы чисто церковнаго содержанія (оставляя въ сторонѣ гораздо болѣе раннія интермедіи Гаваттовича), сохранившійся вполнѣ до нашихъ дней.

„Dialogus“ этотъ состоитъ изъ пролога, писаннаго на польскомъ языкѣ и заключающаго въ себѣ сценарій драмы, и пяти сценъ, изъ коихъ три первыя можно считать мистеріей, двѣ же послѣднія переходятъ въ родъ moralitè. Собственно всю драму гораздо лучше было бы назвать драмой „страстей Маріи“, такъ какъ опасенія, тревоги и отчаяніе Матери Іисусовой составляютъ главный сюжетъ драматическаго дѣйствія. Дѣйствіе это, несмотря на всю наивность концепціи, обозначено довольно рельефно, очерчено рядомъ сценъ, постепенно усиливающихъ эффектъ. Вообще, ежели сравнить нашъ „Dialogus“ съ содержаніемъ „Дѣйствія“, изложеннымъ у г. Петрова, нельзя не при-

---

[1]) Н. И. Петровъ, „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка,“ стр. 31.

знать, что „Dialogus" стоитъ гораздо выше, какъ произведеніе литературное. Нѣкоторыя мѣста его, какъ наприм. „ляментъ Маріи" (стихи 293—320), поражаютъ даже современнаго читателя поэтической силой. Такой же поэтической силы и апострофа церкви къ Христу (ст. 515—536). Когда и кѣмъ написанъ „Dialogus", объ этомъ мы не можемъ ничего положительнаго сказать. Прологъ не содержитъ въ этомъ отношеніи никакого намека. Вмѣсто того прологъ обнаруживаетъ одно интересное обстоятельство,—что „Dialogus" нашъ не есть (какъ бы это могло показаться изъ самаго текста) простой переводъ съ польскаго, но написанъ былъ самостоятельно, болѣе или менѣе оригинально, на томъ языкѣ, на какомъ и до насъ дошелъ. Авторъ пролога говоритъ:

Taką my Tragedią wysławim po Panie,
A to się wszystko *ruskim dialektem* stanie.

Правда, „діалектъ", на которомъ написанъ „Dialogus",— очень макароничен и отличается множествомъ полонизмовъ. Кажется, что авторъ или думалъ по польски, или имѣлъ передъ собой образецъ или образцы польскіе, изъ которыхъ мѣстами почти цѣликомъ заимствовалъ цѣлые стихи. Съ другой стороны, однакожъ, нельзя не замѣтить, что мы имѣемъ здѣсь тоже не менѣе значительный процентъ малорусскихъ народныхъ формъ и словъ, а также стиховъ, обнаруживающихъ самостоятельныя риѳмы. О размѣрѣ заимствованія или перевода нашей мистеріи нельзя сказать ничего положительнаго, покуда не будетъ отысканъ образецъ, послужившій для нея моделью.

Изъ пролога можно также догадываться, что „Dialogus" нашъ написанъ былъ для сцены и дѣйствительно разыгрывался. Гдѣ и кѣмъ, объ этомъ возможны только догадки. Нѣтъ сомнѣнія, что не былъ онъ написанъ и сценированъ въ небольшой, глухой деревенькѣ Смерековѣ. Переписчикъ, который сберегъ его для насъ, вѣроятно, сдѣлалъ копію съ оригинала, находившагося гдѣ-нибудь въ большомъ городѣ или въ монастырѣ, устраивавшемъ набожныя театральныя зрѣлища. Такими центрами, изъ которыхъ переписчикъ могъ принесть „Dialogus", могли быть Львовъ или Жолковъ, вблизи котораго находится

базиліанскій монастырь въ Креховѣ, основанный еще въ 1618 г. [1]). Съ не меньшей вѣроятностію можно предполагать, что „Dialogus“ не вышелъ изъ круговъ львовскаго ставропигійскаго братства, въ которомъ сохранялись строгія традиціи „славяно-русскаго“, т. е. церковнаго языка, а макаронизмъ польскаго съ народнымъ былъ почти немыслимъ. Всего болѣе, кажется мнѣ, имѣетъ за собой то предположеніе, что „Dialogus“ былъ разыгрываемъ, а можетъ быть, и написанъ въ Жолквѣ, при дворѣ могучихъ въ то время пановъ Собѣсскихъ, у которыхъ, какъ извѣстно, стремленіе къ „европеизированію“, собственно же къ офранцуженію, уживалось съ нѣкоторыми остатками русскихъ родовыхъ традицій. Жолковъ былъ въ то время значительнымъ городомъ, славился своими пивоваренными заводами [2]), имѣлъ множество ремесленныхъ цеховъ; Янъ Собѣсскій основалъ въ немъ новый базиліанскій монастырь въ 1682 г., которому въ 1690 г. подарилъ чудотворныя мощи св. Іоанна Сучавскаго. Въ лѣтописи этого города читаемъ подъ 1660 годомъ: „W tym roku zaprowadzono nowy zwyczaj obchodzenia Wielkiejnocy. W wieczor pod czas rezurekcyi, na wałach z dział bito, na drugi zaś dzień rano po ulicach bębniono na jutrznią“ [3]). Можно предположить, что вся „новость“ не состояла въ одной пальбѣ изъ пушекъ, но что или въ доминиканскомъ монастырѣ (основанномъ матерью Яна Собѣсскаго по смерти сына Марка, павшаго въ битвѣ подъ Батогомъ 1652 г.), или въ замкѣ Собѣсскихъ устраивались драматическіе спектакли въ религіозномъ духѣ. Польскій прологъ обращался въ такомъ случаѣ, вѣроятно, къ панамъ шляхтѣ и вообще къ такъ называемымъ honoratiores, самая же мистерія имѣла въ виду массу мѣщанства, кореннаго русскаго, хотя въ значительной степени ополяченнаго.

Прилагаемый здѣсь текстъ мистеріи списанъ мною буквально съ смерековской рукописи. Я позволилъ себѣ только по-

---

[1]) См. Шематизмъ провинціи св. Спасителя чина св. Василія Великаго въ Галиціи. и Короткій поглядъ на монастыри и монашество руске отъ заведеня на Руси вѣры Христовой ажъ по нынѣшное время. Во Львовѣ 1867.

[2]) См. Ks. Sadok Barącz, Pamiątki miasta Żółkwi. Lwów, 1852, стр. 30

[3]) Ibidem стр. 44.

ставить знаки препинанія (въ рукописи послѣ каждаго стиха есть точка), развязать малочисленныя сокращенія и надстрочныя буквы снесть въ строку. Послѣ надстрочныхъ буквъ, оканчивающихъ слово, я не ставилъ твердаго знака, гдѣ таковой въ рукописи не былъ обозначенъ точкой или какимъ-нибудь другимъ знакомъ. Вмѣсто латинскаго *g* въ первой половинѣ рукописи послѣдовательно пишется *кг*, во второй же половинѣ (сцена 4 и 5) пишется латинское *g*, я писалъ повсюду послѣдовательно *кг*. Начертанія отдѣльныхъ словъ писаны иногда латинскими буквами (особенно „okrucieństwo", хотя есть и „окруценство"); я для однообразія употреблялъ повсюду русскія буквы. Вотъ и всѣ отступленія, какія я позволилъ себѣ при списываньи текста. Прилагаю здѣсь для русскихъ читателей, мало знакомыхъ съ польскимъ языкомъ, объясненіе нѣкоторыхъ менѣе понятныхъ польскихъ словъ, встрѣчающихся въ нашей мистеріи: Troskiwy—печальный, rozrzewnić—тронуть, frasowliwy—озабоченный, ogroyec—садъ, odchłań—бездна, віеле—много, нестейтежъ или нестейтыжъ (niestetyż)—увы, литувати, улитуватися—сжалиться, скронѣ—виски, лобъ, розкга—вѣтвь, вшакъ—вѣдь, тыліо—только, препомняти—позабыть, спозреня (spojrzenie)—взоръ, здрой—источникъ, ребелія—бунтъ, скиненье—мановеніе, стескнитися—стосковаться, лепей (lepiej)—лучше, мевати ся (miewać się) frequentativum отъ мати ся, жродло (старопол. żródło)— источникъ, декретъ феровати—произнесть приговоръ, лютость (староп. lutość—litość)—милосердіе, лканье—всхлипыванье, кгротъ—остріе, оружіе, облюбеница—невѣста, облюбенецъ—женихъ, на выліотъ—насквозь, дзѣся—сегодня, упрейме—вѣжливо, усердно, лекгувати тестаментомъ—отказывать по завѣщанію, злецати—ввѣрять, десператъ—отчаянный человѣкъ, разъ—ударъ, звитязство — побѣда, радити (ст. 510) вм. рядити—управлять, любъ (ст. 519)—хотя, позорне—великолѣпно, притомный часъ (ст. 560)—настоящее время.

Миронъ

Dialogus de passione Christi.

PROLOGUS.

Troskliwe wasze serca byśmy rozrzewnili,
Krótką my traiediią sprawie omyślili.
Będzie to na wzruszenie skruchi chrześciańskiey,
Jak tez na wysławienie srogiey męki Pańskiey.
Wydzie Anyoł z kielichem Chrystusa szukaiąc,
Na ludzi y na swoie szczęście narzekaiąc,
Że w takiey iest usłudze, a gdy zchodzić zechce,
Panna mu w drogę zaydzie frasowliwa wielce.
Będzie prosić o kielich śmiertelny Anyoła,
Lecz iey Anyoł odpowie, że nie odda zgoła.
A tak kiedy Anyoła iuże nie uprosi,
Wielki żal swóy szeroce przed wami ogłosi.
Anyoł przydzie, a potym Chrystusa w ogroycu
Obaczycie modląc się Niebieskiemu Oycu.
I po krótkiem spiewaniu s teyże lewey strony,
Pokaże sie z kielichem y Anyoł z zapony,
Będzie kielich podawał z żalem Chrystusowi
A Chrystus mu na wszystko szeroce odmowi.
Iednakże obaczywszy w odchłani zamknionych,
I wołanie nieznośne usłyszawszy onych,
Wezmie kielich z wielkiego swego użalenia—
I takim sie sposobem druga zamknie scena.
Wydzież Chrystus z kielichem, ale tuż znienacka
Pokaże sie w żałośći jego swięta Matka,—
Gdzie go wielce hamując gdy iuż niewhamuie,
Pod tenże krzyż z nim oraz s theatrum zstępuie.
Scena czwarta nastąpi, gdzie Panieńskie serce
Od żalu nieznośnego bronić Boga zechce,
Będzie o miecz upraszać, lecz mu zganią męstwo,
Gdy weń ostry miecz wbiie srogie okrucieństwo.
Serce same tu czyni, potym Cerkiew nowa
Iako oblubienica wydzie Chrystusowa.

Wiara, nadzieia, miłość onę przywitaią,
Tamże też oraz do niey upraszać się maią.
Cerkiew ie miło przymie, y wnet Chrystusowi
Pokłon znaczny uczyni y żal swóy opowi,
Taką my tragedią wysławim po Panie,
A to sie wszystko ruskim dialektem stanie.
Czego raczcie posłuchać choć sercem teskliwym.
Tesknić trzeba po Bogu chrześcianom prawdziwym [1]).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Ангелъ. О мѣзерний чловече, подлое створеніе
Уродилесь ся праве на едно грѣшенье!
В кождыхъ своихъ забавахъ завше согрѣшаешъ,
Якъ віеле працъ, такъ віеле грѣховъ исполняешъ,—
В чомъ и собѣ, мизерный, не помалу шкодишъ,
И Бога до зневаги значнои приводишъ.
Перве бовѣмъ для тебе рачил ся втѣлити,
Тераз юже, нестейтежъ, муситъ и умрѣти.
Юж юбо, юж несу до Ісуса чашу,
Абы выпилъ, о люде, за невдячность вашу.
Несу, мизерный Ангелъ, а и самъ не знаю,
Якъ предъ моимъ Ісусомъ показатся маю,
Якъ предъ Его незмѣрнымъ маестатомъ стану,
Якъ на преначестнѣйше лице Его гляну,

---

[1]) Чтобы растрогать ваши печальныя сердца, мы сочинили краткую трагедію. Она послужитъ къ возбужденію христіанскаго сокрушенія, равно какъ и для прославленія тяжкихъ страданій Господнихъ. Выдетъ ангелъ съ чашей, ищущій Христа и жалующійся на людей и на свою долю, что ему приходится исполнить такую обязанность, и когда онъ вознамѣрится уходить, на встрѣчу ему выдетъ Пресв. Дѣва, очень озабоченная, будетъ просить у ангела смертельную чашу, но ангелъ ей отвѣтитъ, что не отдастъ ни подъ какимъ видомъ. Когда Пр. Дѣва не вымолитъ у ангела чаши, то выразитъ пространно передъ вами свою горесть. Ангелъ придетъ, а потомъ вы увидите въ саду Христа, молящагося Небесному Отцу. И послѣ краткаго пѣнія съ этой же лѣвой стороны изъ за занавѣса покажется ангелъ съ чашей, съ печалью будетъ подносить чашу Христу, а Христосъ будетъ отказываться въ длинной рѣчи. Но, увидѣвъ заключенныхъ въ безднѣ и

Що тамъ буду мовити, которыми словы!
Подамъ тож срокгий напой моему Христови.
Радь, кто можетъ, якъ бымъ моглъ собѣ поступити,
Альбо того келиха якъ бымъ моглъ позбыти.
Самъ бымъ я его выпилъ, лечъ буду караный,
Бо для Христа конечне той напой посланый.
Отмѣнилъ бымъ, лечъ и то, вижъ, Отецъ познаетъ,
Который всѣ скритости на видоку маетъ.
Далбымъ кому иншому, лечъ нѣхто не прийметъ,
Бо умерти жаденъ ся чловекъ не подийметъ.
Згола якъ поступити в томъ разѣ не знаю,
Хочай розумъ ангельский быстровидный маю.
Чи единъ же я Ангелъ такъ естъ нещасливый,
Же Ти такъ услугую, Отче мой правдивый!
Коли Ісусъ на землю зишол ся родити,
Иншимъ в той часъ Ангеломъ казалесь служити.
А гды на смерть, на раны Его декретуешъ,
Мнѣ ко нему, нестейтыжъ, ити приказуешъ.
Нехай же южъ щоколвекъ зо мною ся стане,
Я иду, где мнѣ кажешъ, Творче мой и Пане.
Насвентша Панъна. Стуй, Ангеле, где идешъ, кого то шукаешъ?
Гостемъ будучи въ свѣтѣ, за чемъ же пытаешъ?
Ангелъ. Ісуса Назарея, еслись коли знала,
Албо еслись принамнѣ о онымъ слышала,—

услышавъ ихъ невыносимые вопли, вслѣдствіе своего милосердія, возьметъ чашу, и такимъ образомъ окончится вторая сцена.

Христосъ выдетъ съ чашей, но тутъ внезапно предстанетъ въ горести Его святая Мать. Она Его уговариваетъ и, не уговоривши, уходитъ вмѣстѣ съ Нимъ со сцены подъ тотъ же крестъ. Начинается четвертое дѣйствіе, гдѣ сердце Богородици, вслѣдствіе невыносимаго сожалѣнія, захочетъ защищать Бога, будетъ просить меча, но ему измѣняетъ мужество, когда въ него вонзаетъ острый мечъ жестокость. Сердце дѣйствуетъ одно, а потомъ выдетъ Новая Церковь, какъ невѣста Христова. Вѣра, Надежда и Любовь будутъ ее привѣтствовать и вмѣстѣ съ тѣмъ просить принять ихъ. Церковь ихъ любовно приметъ и тотчасъ воздастъ поклоненіе Христу и разскажетъ о своей горести. Такую трагедію исполнимъ мы во славу Господа и все это будетъ изложено на русскомъ языкѣ. Благоволите выслушать это, хотя съ тоской въ сердцѣ, ибо истиннымъ христіанамъ подобаетъ сокрушаться о Богѣ.

Того я, нендзный Ангелъ, на земли шукаю,
И ему овый келихъ выпитъ дати маю.

Панъна. Ах, Ангеле, почекай, стуй, стуй, не спѣшися.
Ни в кого, якъ у Мене о Нюмъ довѣсися.
Я естемъ его Мати! Постуйже зо Мною,
Нехъ щоколвекъ, Ангеле, помовлю с тобою.
И на Сына Моего такъ срокгіе муки
Ангелскіе святые несутъ твои руки?
И Его жъ то с келихомъ смертелнымъ шукаешъ?
Отожъ Его внутръ Мене предъ собою маешъ.
Тутъ есть Сынъ Мой, тутъ завше Я Его ховаю,—
Ве внутрностяхъ и в серцу Ісуса Я маю.
Дай же теды, Ангеле, Мнѣ келихъ выпити,
Если хочешъ Ісуса Мого напоити!

Ангелъ. Пречистая Дѣвице, поневажъ Тя знаю,
Матку Бога моего, про то ся кланяю.
Але того келиха, Госпоже и Мати,
Жаднымъ нѣкгды способомъ не могу Ти дати.
Бо гдыб то волно было, з небаб не спустили
Ангелы, алебъ сами той келихъ выпили.
И я бы не отмовилъ за Христа, моего
Створителя, и Сына, о Панно, Твоего.
Лечъ же Ему самому казано подати,
Претож Его самого пойду я шукати.

Панна. Ах, почекай, для Бога! Стуй, стуй, погамуйся!
Надъ утрапленнымъ серцемъ Моимъ улитуйся!
Чи не вѣришъ же Минѣ, же ту Сына маю
И же Его в нутрностяхъ по всякъ часъ ховаю?
Тутъ есть Сынъ мой, тутъ живетъ! Вчиниж милосердне,
Дай Ми келихъ выпити, молю тя усердне!

Ангелъ. Вѣрую, же Ты в серцу милость к Нему маешъ,
Але Его самого в Собѣ не ховаешъ.
Мнѣ зась самому треба тотъ келихъ отдати,
Претож Его самого пойду я шукати.

Панна. Принамнѣйже, Ангеле, то рач учинити,

Щоколвекъ с того кубка рач Мнѣ удѣлити!
Вдаръ копѣю у серце, люб на Мои скронѣ
Терновой той окрутной дай мѣсце коронѣ,
Або в руки гвоздіе Мои рач убити,
Любъ щоколвекъ,—тилко хтѣй и Мнѣ удѣлити.
Нехай не всѣ мордерства Ісусъ Мой поноситъ,—
О то тебе нендзная Матка Его проситъ.

В пеклѣ. Будь милостивъ, Господи, змилуйся надъ нами!
Покажи милосердіе Твое надъ вязнями,
Снийди с небеси, Творче, выбавъ насъ з неволѣ,
Учини, о Господи, дость Отцевской воли!

Ангелъ. Ово, Панно, за тых то Богъ маетъ умерти,
За тыхъ маетъ ганебно укусити смерти.
Нехже теды все тое будетъ Му отдано,
Щоколвекъ есть отъ Отца презъ мене послано.

Панна *(ляменътуетъ)*. Ах, нендзнаяж Я Матка, Матка утраплена,
Нендзне болю, фрасунку и лезъ наполнена.
Радь хто можетъ, куды бымъ могла ся удати,
Якъ бымъ Мого Ісуса могла уховати!
Вступилабымъ на небо до Отца з слезами,
Тамъ бымъ Его просила, павши пред ногами.
Леч тамъ небо не пустит, бо там со слезами
Нѣхто некгды не вступитъ, толко з утѣхами.
Била бым ся з Ангеломъ, келихъ бымъ отняла,
Алемъ не есть Яковомъ, певне бымъ програла,
Ах, згола, якъ фрасунку позбыти, не знаю,
Хто бы Мя моглъ потѣшить, никого не маю.
Гавріиле Ангеле, где ся забавляешъ,
Чемъ Мя теразъ недзнои не поздоровляешъ?
Чемъ ся теразъ до Мене, Ангеле, не спѣшишъ,
Чемъ не мовишъ: радуй ся! чему Мя не тѣшишъ?
Пред тымъ Мя называлесь благословенною
Межи всѣми невѣсты и увелбенною.
Пред тымъ Мя в Назаретѣ з розкгою виталесь

И „радуйся, Маріе!“ щораз повтаралесь.
А теразъ, ахъ, нестийтежъ, якъ бы теж не было,
Такъ ся рихло все тое впреки отменило.
З рожчки твоей крестъ вырослъ на Сына Моего,
Котрогомъ мѣла подлугъ словеси твоего.
З радости зась овои лезъ не погамую,
Лзами ся уставичне нендзная частую.
Гавріиле, принамнѣй в тымъ мнѣ прислужися,
З Ангелами другими Отцу помолися.
Падь у ногъ Его, абы хтѣлъ милостивъ быти
И отъ Моего Сына хтѣлъ смерть отдалити.
О, о, о, Отче Святый, рач ся злитовати!
Со слезами молюся Я, нендзная Мати.
Даруй Мя тымъ, нехай Я за Сына Моего
Полкну смерть и всѣ муки з келиха Твоего.
Вшакъ презъ жону грѣхъ сталси на початку в раю,
Нехай же теж Я жона за грѣхъ умираю!
Отче Святый, Ты Отецъ, а Я Его Мати,
Чемуж ся в Немъ такъ якъ Я не рачишъ кохати?
Ямъ Го млекомъ кормила, с перси источивши,
А Ты поишъ, желѣзомъ келихъ наполнивши.
Чи юж то теразъ Твои перси зжелѣзнѣли,
Которыи от вѣку мяткосерди были?
Чи едномусь то тыліо Сыну такъ суровый,
Который есть, былъ завше милости готовый?
Ахъ Отче, Отче Святый, а чи препомнялесь,
Кгды з Сыномъ Ми в Египетъ бѣжати казалесь?
А теразъ Самъ такъ сродзе Его преслѣдуешъ,
Смертоносным келихомъ, якъ лотра, честуешъ.
Не допустилесь Его Іроду згубити,
Чи для тогож, абысь Го Самъ моглъ уморити?
Ах Сыну Мой укоханый, юже теж незнаю,
Якъ Ся теразъ той смерти уховати маю.
Юже тераз не можетъ Насъ яма искрити,
Анѣ жадное мѣстце можетъ утаити,
Кгдыж не Іродъ, лечъ Той Тя самъ на смерть сказуетъ,

Котрый еднымъ спозренямъ весь свѣтъ опатруетъ.
Вступи теды, о Сыну, до Моей утробы,
Нехай оразъ с Тобою буду в едномъ гробѣ!
Вниди, Сыну, до сердца и хтѣй тамъ умрѣти,
Гдесь ся теж на початку рачилъ уродити!

СЦЕНА ДРУГАЯ

Ангелъ до Христа с келихомъ.

Ангелъ. Вырокъ Отца Твоего естъ еще предъ вѣки,
Абысь поднялъ, Христе мой, смерть за человѣки.
З чимъ мя теразъ до Тебе Отецъ присылаетъ,
Абысь келихъ той выпилъ, о то Тя жадаетъ.

Христосъ. А то що есть, Ангеле? Чи южъ то до бою?
Чи южъ то и Ангели воюют зо Мною?
Щом такого провинилъ, же Мя преслѣдуютъ,
Чловеци и Ангели смерть на Мя готуютъ?
Вижу, земля и небо зброю на ся взяло,
Бы якъ неприятеля Мене поконало.
Ей, принамнѣй, Ангеле, вспомни собѣ тое,
Жем Я есть твой створитель, ты створеніе Мое.
Изъ иншого, молю тя, участуй Мя здрою,
Понехай ребелію, отдали преч зброю!

Ангелъ. Милосердный мой Пане и Боже Сіону!
Ям нанизший есть слуга у Твоего трону,
И всѣ хоры Ангеловъ Тобѣ ся кланяютъ,
Ребелии жаднои, Господи, не знаютъ.
Всѣ на Твою услугу без жадной вымовы
За намнѣйшимъ скиненемъ завше суть готовы.
А же тераз таким Тя келихомъ частую,
Вѣдаешъ, же Твоему Отцу услугую.
Онъ мя выслалъ до Тебе, и оные муки
Приказалъ ми конечне, абым Ти далъ в руки.
Прийми теды Ісусе той келихъ от мене
И выпий за чловѣка грѣшнаго збавеніе!

Христосъ. О Отче Мой небесный, Отче добротливый!
Спул-судія, Спул-творче, Спул-Боже правдивый!
Чи юже ся то Тобѣ стескнило за Мною,
Же мешкаю от вѣка, Отче Мой, с Тобою?
Чи южесь то умыслилъ Мене, Сына, збыти,
Кгды Ми Ангеломъ кажешъ такъ горце служити?
Ей Отче, Отче Мой, любо Тя ображаютъ
Люде, лепей ся еднакъ у Тебе меваютъ.
Тысь выправилъ Ангеловъ до Лотова дому,
Бы го предъ западненемъ вывели з Содому.
З Твоего розказаня Ангелъ з рыбы жолчи
Товии далъ старому лекарство на очи.
З Твоей воли Даниилъ в яскини зе лвами
Жилъ беспечне, бось го стреглъ з Своими слугами.
А ку Минѣ, Сынови, милости не маешъ,
На Мое затраченя Ангеловъ зсылаешъ,
Нехай же, Отче, нехай, литость Твоя прийдетъ!
Кажи, нехай отъ Мене чаша та отийдетъ!
Чи такіе у Тебе, Отче несмертелный,
На емпири предвѣчномъ походятъ цистерны?
Чи такое ся родитъ вино в Твоей винници?
Чи такіе у Тебе жродла и криници?
Вѣдаю, же и люде з Ангелы посполу
З лѣпшого пют келиха у Твоего столу.
Вѣдаю, же и звѣри, коли наповаешъ,
Прагненя ихъ, о Отче, завше угашаешъ.
А на Мене не хочешъ милосерднымъ быти,
Хочешъ Мя такъ срокгою смертю упоити.
Да мимо идетъ прето, Отче, чаша сия!
Учини для Своея милости святыя!
Ангелъ. Южъ то есть не отъ Мене, Христе мой коханый,—
От Отца предвѣчнаго декретъ ферованый,
Абысь рачилъ той келихъ приняти отъ мене,
И отважне выпити за Свое створене.
Христосъ. О якъ же ся, нестийтежъ, теразъ ошукалемъ,
Же ся отъ васъ помоги з неба сподѣвалемъ!

Хвалилем ся пред всѣми завше ворогами,
Же суть Ангелы в Мого Отца миліонами.
А ты тераз, Ангеле, литости не маешъ,
Же ся ты с тымъ келихомъ моцно наражаешъ.

Ангелъ. Нещасливый я Ангелъ, и самъ юж не знаю,
Якъ в томъ такъ срокгомъ разѣ поступити маю.
Вшакъ вѣдаешъ, Господи, же не моя воля,
Але Отца Твоего, Небеснаго Кроля.
Онъ Тя выслалъ, Онъ Тобѣ рачилъ приказати,
Абы згола той келихъ Тобѣ былъ отдати.
Если теды не приймешъ (що и я жадаю),
Я ся назадъ з келихомъ зараз повертаю.

В пеклѣ. Будь милостивъ, Господи, змилуй ся надъ нами,
Покажи милосердіе Твое надъ вязнями!
Снийди с небеси, Творче, выбавъ насъ з неволѣ,
Учини, о Господи, досгь Отцевской воли!

Христосъ. Стой, Ангеле, почекай, дай Ми чашу в руки!
Юже тыж ся отважу на всѣ тые муки.
Проразило Мя пекло, ляменты и лканя,
Сердце Мое зранили людскіе воланя.
И маетъ же такъ марне от Мене створеный
Чоловѣкъ загинути в пеклѣ зануреный?
И будетъ же такъ много смерть людьми радити,
Албо шатанъ пекелный будетъ ли губити?
Иду на крестъ, на кгроты, и теж на катовнѣ!
Стану предъ судіями, умру неотмовнѣ.

СЦЕНА ТРЕТЯ.

Naswiętsza Panna. А где есь ся запустилъ, Сыну Мой и Боже?
На которое мѣсто идешъ в той дорозе?
Кого тамъ овымъ кубкомъ хочешъ упоити?
Чи теж хочешъ Самъ з его где колвекъ выпити?
Повѣж Ми, о Ісусе, нехай и Я, Мати,
Буду вѣдати, где ся будешъ обертати?

Христосъ. На Голгофу спѣшу ся на смерть и на муки,
Иду, якъ видишъ Матко, в таковые руки.
Иду на крестъ, на кгроты, на всякіе раны,
Поневаж тотъ от Отца декретъ ферованый,
Абымъ смертію Моею смерть могъ поконати,
И страчоную свѣтлость чловѣкови дати,
Тебе теды, о Матко, юже здѣсь жегнаю,
За матерскую милость Тобѣ ся кланяю.
Жесь Мя млекомъ кормила, жесь Ми житя дала,
За то Тебе чекае в небѣ вѣчна хвала.

Панна. Ахъ, ахъ, сладкий Ісусе, ахъ Сину коханый,
Чи и Ты юж, Боже Мой, будешъ крижованый!
Нещасливам Я матка, жем ся дочекала,
Чого некгды жадная матка не дознала.
Тебе, едну утѣху и едно коханя,
Едну мою утѣху и едно стараня,
С паненскоей Моеи утробы сплодивши
И якъ агнца от перси млеком утучивши,
Такъ срокгими муками, в незносной сромотѣ
Маю Тебе видѣти на горѣ Голгоѳѣ!
Ахъ, повѣж Ми, Сину Мой, чи юж неотмѣнный
Декретъ, бысь мѣлъ умрѣти, бывши Богъ безвинный?
Чи юж то тое лице будетъ попліовано?
Чи юж то тое тѣло будетъ бичовано?
Чи юж то тые руки будутъ пригвозджены?
Чи юж то святый Ти бокъ будетъ прободеный?
Глава тая чи юж то тернемъ окруженна?
Ахъ, до мозгу самого будетъ проражена?
Ноги тыи святыи чи юж пригвонзятся
И ко Кресту, нестейтыж! ахъ! ахъ, пригвоздятся?
Ахъ, принамнѣ, гвоздіе, вы ся ужалѣте,
Не будте такъ твердыми, але ся змягчѣте!
Вѣдайте, же в Божески уходите кости,
Угнѣтеся покорне, зостанте без злости!
Ахъ, Христе Мой, Сину Мой, пойду Я с Тобою,

Нехай ораз обое умремо з собою.
Албо дай Ми выпити тот келихъ за Себе!
Того прошу з слезами, Сину Мой, у Тебе.

Христосъ. Не дамъ, Матко и Панно, бо кгды Ми давано,
Бым самъ выпилъ конечне, такъ Ми приказано.
Бысь зась ораз зо Мною мѣла умирати,
Сама того не зыч Ми, Пречистая Мати,
Бо мусѣл бым срожшіе муки подносити,
Если бым был с собою на Крестѣ прибитый.
Станем в той часъ з собою, кгды сядемъ на тронѣ,
Тераз нех стоят лотры на обыдвѣ стронѣ.

Въ пеклѣ. Будь милостивъ, Господи, змилуй ся надъ нами,
Покажи милосердіе Твое надъ вязнями!
Снийди с небеси, Творче, выбавъ насъ з неволѣ,
Учини, о Господи, дость Отцевской воли!

Христосъ. Ово мизерный чловекъ, нендзное створеня,
На якое приходитъ отъ смерти зганбленя,
Же го не тилко завше з живота злупляют,
Але и до отхлани, якъ угль, укидают.
И маетъ милосердіе Мое то терпѣти,
Же бымся за чловѣка не хотѣлъ помстити?
Згола того юж далей не вытерплю, смерти,
Бы Ми пришло ганебне самому умерти!

Панна. Стуй, стуй, Сину! Принамнѣй нех под Крестом стану,
И принамнѣй през слезы на смерть Твою гляну!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

Сердце найсвятѣйшой Богородици. Литуй кождый Ісуса, ктоколвекъ Го знаетъ,
Литуй, если хочъ намнѣ хто литости маетъ!

А то бовѣмъ южъ пошол в катовскіе руки,
Пошол, пошол, нестийтежъ, на срокгіе муки!
Я, серце Матки Его, що чинить, не знаю,
Которое милостю къ Ісусу палаю.
Ратуй, ратуй, кто можетъ! Ангели, ратуйте,
Любъ вы ся, о чловѣци, над Христомъ литуйте!
Возмѣте оружіе, приймѣть на ся зброю,
Противъ смерти всѣ станте з Ісусомъ до бою.
Або мене принамнѣй, сердце, зоружѣте,
Меч острый люб иншую зброю ми дадѣте!
Я юж пойду Ісуса мого боронити,
Я Му не дам такъ смертю срокгою умрѣти.

Окруценство. Ово меч, которого ты, сердце, жадаешъ,
От мене, окруценства, досыть острый маешъ.

Сердце. Стуй, паненскоемъ серце! Если мене знаешъ,
Чему ми тамтымъ краемъ меча не подаешъ?

Окруценство. Я, тиранством будучи, такъ давати маю?
Нѣкгды того способу я не заживаю.
Уродивши ся в свѣтѣ отъ давного вѣка,
Завше острым кождого частую чловѣка.
А ты хочеш от мене иначей приняти!
Згола такъ, якъ я хочу, мусиш его взяти.

Сердце. Ахъ, для Бога, ям хтѣло Христа боронити,
А ты мене самое хочешъ поразити.
Молю тебе, подай ми меч той овым краемъ!
Вжды якъ въ свѣтѣ несется, тымъ дай обычаемъ!

Окруценство. И в свѣтѣ я, тиранство, той обычай маю,
Же кождого чловѣка остремъ проражаю.
А то бовѣмъ и тераз тожем учинило,
Колим твого Ісуса гвоздми пригвоздило.

И копѣя, и гвозди, и трость и корона
Острем аже през кости Его проражона.
И кровъ тая з Него то, котрая потокомъ
Жилами протѣкала и пробитымъ бокомъ.
Тѣло Его от костей аже отпадало,
Не мало ся и костей в ним покгрухотало.
А ранъ не переличишъ на всюмъ Его тѣлѣ,
Которыи для множства ледво се зместили.
А що еще болшая—на крестѣ прибитый,
Од острои копѣи ажъ мусѣлъ умрѣти.
А ты острем не хочеш того меча взяти,—
Певне, же тя о тое не буду благати.
Тысь Го, сердце, приняло, кгды Онъ зишолъ зъ неба,
Претож и тебе мнѣ вчастовати потреба.
Возмижъ ми той мечъ рихло, юже мя не збудешъ,
Бым тя не проразило! Певне ту не будешъ.
Меча сь потребовало, овожъ его маешъ,
А чогож еще болѣ от мене чекаешъ?

Сердце. Ахъ, ахъ, проразилъ мя меч! Ах, заледве дышу,
Кгды о такъ срокгой смерти Іисусовой слышу.
Всѣ ж, али всѣ фрасунки до мене вступили
И темныи слез хмуры всего мя окрыли!
Згасъ абовѣмъ свѣтилникъ над солнце яснѣйшій,
Умеръ срокгою смертю Іисусъ мой наймильший.
Юж з Ним мои утѣхи всѣ поумирали,
Единъ острый яко меч жаль и лзы зостали.
Ахъ, тиранство, тиранство, чогось доказало,
Гдысь кровлю чистою барана сь змазало!
Забилось Го ганебне, без жадной литости,
Зранилось Му все тѣло, зкгрухотало кости.
И, що еще болшое, на крестѣ сь прибило,
А в том и менесь, сердце, мечем проразило,
Сердце я панянъское Пречистои Матки,
С которой ся народил Іисус мой пресладкий,—
А претож таким острымъ мечем проражено,

Же юж мого Ісуса на крестъ пригвозджено.
Буду в жалю и плачу цалый вѣкъ мой жити,
З острым тым мечем буду по всякъ час ходити.

СЦЕНА ПЯТА.

Любовь. Ахъ витай, монархинѣ, витай церкви нова,
Витай облюбеницо вѣрная Христова!
Литуй над Облюбенца своего ранами,
Литуй оразъ над нами, онаго цнотами.
А то видиш, якіе незносные раны
На пречистое тѣло Его суть заданы!
Видиш, як есть сромотне не крестъ подвыженный,
А на выліот острыми гвоздми прободенный!
Видиш, якъ срокгим кубком есть участованый,
Который Му от Отца был з неба зесланый!
Що все, облюбеницо, рачил Онъ подняти,
Абы тя, нову церковь, моглъ избудовати.
Живот Свой тобѣ отдал, Самъ рачил умрѣти,
Абы тылко ти, церкви, могла вѣчне жити.
Положился на землю, дал ся поконати,
Бысь якъ на фундаментѣ могла на Нѣмъ стати.
Литуй теды, о церкви, над Его ранами,
Литуй ораз над нами, Онаго цнотами!
Ям любовъ, овъ надѣя, овъ засе и вѣра,
Цноты есмо значные, лечъ выгнаны з мира.
Синикгокга абовѣмъ такъ ся роспалала,
Же и Бога забила и нас отогнала.
Претож ся юж до тебе дзѣся утекаемъ,
До тебе переходимъ, тобѣ ся отдаемъ.
Пригорни насъ до себе, почни з нами жити,
Знай, же ти завше будем упрейме служити.
Припомни Авраама и Давида кроля,
Возми собѣ на память Мойсея и Ноя:
Уважъ, якъ они Богу кохаными были,
А в томъ нѣхто, тылко мы имъ, цноты, служили.
И синакгокга поты в ласце зоставала,

Поки вѣру, надѣю и любовъ ховала.
И ты теды, о церкви, хотѣй нас приняти,
Хочеш ли вѣчне з Богомъ в небѣ кролевати.
Самъ Христосъ, коли новый тестаментъ будуетъ,
Тобѣ тым тестаментомъ всѣхъ нас трохъ лекгуетъ.
Любовъ естем, а прето тобѣ мя злецаетъ,
Же ничто по всѣхъ добрахъ, хто любви не маетъ.
Пригорниж мя до себе, дай ми в себе жити,
Вѣрне тобѣ, о церкви, шлюбую служити.

Вѣра. Церкви, рач теж приняти и мене другую,
И я тобѣ служити вѣрне обецую.
Вѣра естем, от Пана той привилей маю,
Же и горы на мѣсце з мѣсца преставляю.
Самъ бовѣмъ Панъ обецал, кгды чого хто прагнетъ,
Нехъ вѣруетъ, по вѣрѣ все ся ему станетъ,
Прийми теды и мене, нех живу с тобою!
З миру естем выгнана—литуй надо мною!

Надѣя. Розумѣю, же мене захочешъ приняти,
Бо ся схочеш кролевства в небѣ сподѣвати.
Кгдыж дармо без надѣи люде неба прагнутъ:
Десперати кролевства нѣкгды не осягнутъ.
Нехай в Бога хто вѣрит, нехай Его любит,
Леч еще без надѣи душу свою згубит.
Тобѣ теды належит, котраясь от Пана
На вѣчное кролевство дзѣся обебрана,
Абысь вѣру, надѣю и любовъ приняла,
И оные статечне по всякъ час ховала.
Прийми, церкви святая, кгдыж есть тая воля
Облюбенца твоего, Небеснаго Кроля,
Котрый умерлъ для тебе, бысь ты вѣчне жила,
Вѣру, надѣю, любовъ завше к нему мѣла.

Церковъ. О нещасливый выдокъ, видокъ оплаканый!
О тяжкий разъ и нѣкгды въ свѣтѣ неслыханый!
Синакгокго, а що то, що то учинилась,
О, тиранъско розуму, якъ вижу, позбылась.

Бога, Который тебе над усѣ народы
Любил и от вшелякой боронил пригоды,
Бога, Который, праве змордовал вшехмоцность,
Выславуючи твою чудами велможность,
Бога, Который рѣкам казал уставати
Або морю для тебе впол ся роздѣляти,
Котрый небу для тебе казал хлѣбъ родити
И каменямъ вас въ пущи водою поити—
Тогось тераз, нестейтыжъ, такъ зесромотила,
Нага, ранна, на крестѣ ганебне забила!
Церквою тя названо, о нендзная цорко,
Синакгокго невдячна, щирая ящорко!
Кгды тя такъ милосердямъ Богъ обогащаетъ,
Же якъ бы ве внутрностяхъ самыхъ тя ховаетъ,—
Ты, нестейтежъ, внутрности Его прогружаешъ
И власного ганебне Отца забиваешъ.
И овые вжды цноты що ти провинили?
Если ж тые не вѣрне по всякъ часъ служили?
Любовъ, вѣра, надѣя такъ тя выславляла,
Же вскорѣ в звитязтвах есь весь свѣтъ превыжшала.
А ты тераз, безбожна, литости не маешъ,
Сромотне ихъ от себе ото выганяешъ.
Я теды юж, о цноты, над вами литую,
И якъ мати власная до серца приймую.
З вами живу по всякъ часъ и з вами вмираю
Васъ ажъ до страшнаго дня вцале доховаю.
Любо то васъ выгнано, леч в моемъ мешканю
Не такъ жити будете, яко на выгнаню.
И вам в самыхъ внутрностяхъ мѣсце позваляю,
Серце, розумъ и волю вамъ в моцъ полецаю.
Не я вами, вы мною, о цноты, владѣте,
Всѣми чувствы моими, всѣмъ тѣломъ радѣте!
А ты, Христе, мой Пане, на крестѣ распятый,
Жесь мя смертю своею рачил збудовати,
Претож низко колѣна свои прекланяю
Страсти твои святыи от днесь величаю.

Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
Добротливый пред смертю и при смерти, Христе!
Здавна Ты милосердя к человѣку маешъ,
Которое при смерти ему освѣдчаешъ.
Любъ албовѣмъ и руки звязаные маешъ,
Еднакъ спасеніе наше ими содѣваешъ.
Кгды на хрестѣ юж раны у слупа относишъ,
Бремя еднакъ на ономъ грѣховное носишъ.
Кгды юж от слины лица Твоего не знати,
Рачиш ним еднак наша сердца освѣшчати.
Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
Щодробливый пред смертю и при смерти, Христе!
Смерть твоя, Христе, моимъ есть повстаніемъ, знаешъ,
Бо мя в той часъ будуешъ, коли умираешъ.
Тебе на крестъ, Христе мой, юж-юж распинаютъ,
А мои ся на той часъ стѣны росширяютъ.
Тебе з креста на землю мертвого здеймуютъ,
А мои ся на той часъ стѣны подеймуютъ.
Тебе плащеницею чистою ввиваютъ,
И каменемъ во гробѣ нага закриваютъ,
А я, церковъ, юж зовсѣмъ бывши збудована,
Отомъ вышла на видокъ, позорне убрана.
Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
Щодробливый пред смертю и при смерти, Христе!
За що я Тебе тераз благодару, Пане,
И буду благодарить, поки мене стане.
В пѣснехъ моихъ буду Тя завше выславляти,
Страстемъ Твоимъ пречестнымъ буду ся кланяти.
Слезъ для Твоей смерти нѣкгды не вгамую
І всѣ народы ними годно участую.
Згромаджу всѣ краины ко кресту Твоему,
Поклонимся вси Тебѣ, Господу своему.
Вѣру, надѣю, любовъ Тобѣ доховаю,
Котріи дзѣсь от Тебе повѣрены маю.
Выпилесь за насъ келихъ ганебнои муки,
Претож его от дзѣся взявши, Пане, в руки

Буду завше в покорѣ любезной носити
И онымъ всѣ народы вѣчные поити.
Вспанялыи олтарѣ для Него выставлю,
И докола ереовъ у Него поставлю.
Престъ Твой в вѣрѣ, надѣи, любви буду мѣти,
Которыи за себе то будутъ носити.
Такъ буду добродѣйства Твои завдячати,
Которыись мнѣ, церквѣ, рачил показати.
А ты, Пане мой, Боже, рач милостивъ быти,
И в притомныи часы рач мя боронити!
Ты естесь Панъ от вѣка щодробливый, гойный,
Отдали ж от нас плакги, повѣтря, глад, войны!
Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
Щодробливый пред смертю и по смерти, Христе!

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ „Турбаевской катастрофѣ“. Въ № 3-мъ «Кіевской Старины» помѣщено подъ выписаннымъ выше заглавіемъ описаніе общественной драмы, разыгравшейся въ одномъ селѣ полтавской губ. въ іюлѣ 1789 г., съ ея любопытными послѣдствіями.

Уже послѣ того какъ статья была напечатана, получила я два другихъ судебныхъ дѣла, поясняющихъ то основное дѣло, которымъ я пользовалась.

Первое дѣло, или точнѣе отрывокъ изъ дѣла,—«О противозаконныхъ якобы поступкахъ бывшаго въ мѣстечкѣ Останьѣ начальника, сотеннаго атамана Михна, по жалобамъ на него премьеръ-майора Ивана и полковника Петра Базилевскихъ, 1782 г. іюля 4-го». Слѣдовательно, велось это дѣло за семь лѣтъ до катастрофы, на территоріи Останья, которое принадлежало не убитымъ, а другимъ двумъ ихъ братьямъ. Но, очевидно, положеніе и здѣсь было почти такое же, какъ и въ Турбаяхъ. Противозаконные поступки атамана Михна заключались въ томъ, что онъ укрылъ въ своемъ дворѣ женщину козачьяго званія, деверя которой Базилевскіе захватили въ свой дворъ «и тамо чинили ему батожьемъ распросъ и другіе сверхъ человѣчества утѣсненія и тиранства.» Атаманъ обязанъ былъ вступиться за козаковъ, на которыхъ Базилевскіе не имѣли ни малѣйшихъ правъ. Но тѣмъ не менѣе Базилевскіе подали жалобу на Михна «за учиненное имъ якобы въ мѣстечку Останьи между ихъ подданными возмущеніе, чрезъ которое будто бы ихъ подданные отъ надлежащаго повиновенія и подданническихъ повинностей отложились.» Но даже тогдашній судъ, подкупной и дрожащій передъ могуществомъ Базилевскихъ, нижній голтвянскій земскій судъ, выѣзжая въ мѣстечко для разслѣдованія дѣла, не могъ найти какихъ-либо слѣдовъ возмущенія. А между тѣмъ атаманъ Михно, представляя свои оправданія,

сдѣлалъ Базилевскимъ такую зацѣнку, которую власти не могли оставить безъ вниманія. Онъ указалъ и приложеннымъ документомъ доказывалъ, что Базилевскіе совсѣмъ не имѣли на Останье никакихъ правъ. Документъ этотъ—универсалъ Разумовскаго. Вотъ онъ:

«Господамъ генеральнымъ малороссійскимъ старшинамъ, полковникамъ, бунчуковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, сотникамъ съ сотенными урядами, а особливо сотнику остаповскому съ урядомъ-же, и всѣмъ прочимъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, симъ нашимъ универсаломъ объявляется: Сего августа 11-го дня полку миргородскаго сотникъ остаповскій Федоръ Базилевскій подалъ намъ доношеніе и онымъ представляя о службахъ предковъ его, дѣда, бывшаго обозного полковаго миргородскаго, и отца, того-жъ полку сотника бѣлоцерковскаго, тако-жь и самимъ имъ сотникомъ остаповскимъ Базилевскимъ съ 1724 году всероссійскому Ея Имераторскаго Величества престолу во всякой вѣрности продолженныхъ, о чемъ-де состоявшее въ нашу генеральную войсковую канцелярію въ прошломъ 1741 году отъ полковника миргородскаго, всей полковой старшины и сотниковъ того полку доношеніе съ удостоеніемъ его, Базилевскаго, къ полученію за тѣ службы въ награжденіе свободныхъ посполитыхъ дворовъ, въ мѣстечку Останьѣ и деревнѣ Болбасовкѣ имѣющихся свидѣтельствуетъ, просилъ разсмотрѣнія о надачѣ по тому удостоенію ему, Базилевскому, въ награжденіе за показанныя службы вышеписанныхъ въ мѣстечку Останьѣ и деревнѣ Болбасовкѣ имѣючихся свободныхъ посполитыхъ дворовъ въ вѣчное и потомственное владѣніе къ содержанію его и наслѣдниковъ своихъ, еденъ сынъ канцеляристомъ войсковымъ, другой—въ кадетскомъ корпусѣ. А понеже и по справкѣ въ нашей генеральной войсковой канцеляріи явилось, что еще въ 1747 году полковникъ и вся старшина полковая, такъ же и сотники миргородскаго полку въ ту генеральную канцелярію чрезъ доношеніе свидѣтельствовали о вѣрныхъ, безпорочныхъ и ревностныхъ какъ дѣда и отца, такъ и самаго его, сотника Базилевскаго, службахъ—яко же де оные имъ полковнику, старшинѣ и сотникамъ извѣстны и признавали быти достойна къ полученію въ вѣчное владѣніе свободныхъ войсковыхъ мѣстечка Останья и деревни Болбасовки съ принадлежащими грунтами и угодьи. Съ доношенія-жъ оного значится, кромѣ прежнихъ службъ предковъ дѣда и отца ихъ сотника Базилевскаго, особь самого его, что онъ началъ продолжать ту свою службу съ 1724 году, бывалъ по разныхъ походахъ, какъ-то въ днѣпровскомъ, хотѣнскомъ, въ турецкихъ компанѣяхъ, въ предосторож-

ности отъ непріятельскихъ нападеній по Днѣпрѣ, также на линѣи многими годами и въ разныхъ исправленіяхъ, коммиссіяхъ находился, того ради мы, гетманъ, кавалеръ, по данной намъ отъ Ея Императорскаго Величества власти, респектуя на оные многіе отправленные какъ предками его, сотника остаповскаго Базилевскаго, такъ и самимъ имъ съ 1724 году продолженные службы и къ которымъ еще и впредь въ немъ и въ оныхъ сынахъ его надежды предусматриваются, опредѣляемъ ему, сотнику Базилевскому, въ спокойное владѣніе въ мѣстечку Остапьи оставшіеся отъ роздачи грузинамъ находящіеся въ свободности посполитые дворы и хаты съ принадлежащими къ нимъ грунтами и угодьи и симъ нашимъ универсаломъ утверждая, предлагаемъ, дабы никто во владѣніи оными посполитыми съ принадлежащими къ онымъ грунтами и угодіи препятствія не чинилъ. А войтъ и оные оставшіеся отъ раздачи въ свободности посполитые во всемъ ему, сотнику Базилевскому, яко владѣльцу своему, всякое подданническое послушаніе и повинности отбывали бы безпрекословно; козаки-жъ того мѣстечка Остапья должны быть всегда сохраняемы при ихъ владѣніи ненарушно. Во утвержденіе чего и сей нашъ универсалъ за подписомъ нашимъ и націоналною печатью данъ въ Борзнѣ. Августа дня 1757 году. Гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій».

Изъ этого универсала видно, что хотя Базилевскій хлопоталъ о предоставленіи ему посполитыхъ Остапья въ вѣчное и потомственное владѣніе, но даны они ему были лишь «въ спокойное владѣніе», безъ упоминанія о правахъ передачи по наслѣдству, слѣд. въ пожизненное пользованіе. Чѣмъ разрѣшилось это затѣянное дѣло для одной и для другой стороны—неизвѣстно, но Остапье осталось за Базилевскими.

Второй документъ интереснѣе и прямо относится къ турбаевской катастрофѣ. Онъ называется: «Экстрактъ изъ дѣла о арестанту отставному полковому канцеляристу Осипу Коробкѣ за дачу повода къ взбунтованію села Турбаевъ жителямъ въ неповиновеніи надворнымъ совѣтникамъ Степану и Ивану Базилевскимъ къ подданнической повинности и непослушаніи нижняго земскаго голтвянскаго суда, прибывшаго въ то село къ исполненію рѣшенія прав. сената, послѣдовавшаго по дѣлу ихъ съ оными Базилевскими и т. д.»

Вмѣстѣ съ вставочнымъ эпизодомъ о Коробкѣ, дѣло это прямо уясняетъ обстоятельства, непосредственно предшествовавшія взрыву, которыя мало выяснены въ основномъ дѣлѣ о турбаевской катастрофѣ. У турбаевцевъ былъ ходатай по ихъ дѣламъ въ Петербургѣ, атаманъ Кириллъ Золотаревскій. Коробка, отставной полковой канцеляристъ, 38 лѣтъ, изъ лубенскаго уѣзда, также проживалъ въ Петербургѣ по

какимъ-то своимъ дѣламъ, познакомился съ Золотаревскимъ, помогалъ ему въ хожденіи по турбаевскому дѣлу, и когда Золотаревскій умеръ, естественно оказался турбаевскимъ повѣреннымъ. Когда состоялось сенатское рѣшеніе объ освобожденіи 76 человѣкъ съ ихъ родомъ, записанныхъ полковникомъ Капнистомъ въ козацкіе компуты 1738 г. изъ подданства Базилевскихъ, Коробка привезъ копію съ этого рѣшенія въ Турбаи. Затѣмъ онъ составилъ какой то документъ, который долженъ былъ служить къ выясненію темнаго вопроса о родахъ, происшедшихъ отъ 76 человѣкъ, записанныхъ въ компуты. Такъ какъ этотъ документъ составлялся на основаніи показаній турбаевцевъ, которые постоянно и упорно твердили, что они, природные турбаевцы, всѣ козаки, то, вѣроятно, и составленъ былъ документъ въ этомъ духѣ: надо думать, что не внесены были только захожіе въ Турбаи или переселенные Базилевскими изъ другихъ мѣстъ, да, можетъ быть, и тѣхъ различали не строго. Какъ бы то ни было, Коробкѣ приходилось нѣсколько разъ пріѣзжать въ Турбаи и проживать здѣсь по недѣлямъ. При этомъ онъ старался не попадаться на глаза Базилевскимъ или властямъ: уже передъ тѣмъ одного ходатая Базилевскіе успѣли упрятать въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Чѣмъ руководствовался Коробка, держась за опасное турбаевское дѣло, трудно сказать: можетъ быть, корыстными побужденіями, такъ какъ турбаевцы, видимо, крайне дорожили своимъ повѣреннымъ и не жалѣли издержекъ на его вознагражденіе, можетъ быть, отчасти и сожалѣніемъ къ положенію турбаевцевъ, которые, «будучи простолюдины, видѣли себя такъ угнетенными, что не только не имѣли ни отъ кого покровительства, но по устрашенію онихъ Базилевскихъ не могли пріискать себѣ въ близости ихъ селенія къ написанію имъ куда слѣдуетъ письменной жалобы грамотѣ вѣдущаго человѣка». Базилевскіе были, конечно, крайне заинтересованы въ томъ, чтобы убрать Коробку, и доносили на него, какъ на возмутителя. Положеніе дѣлъ какъ-бы оправдывало доносы и жалобы Базилевскихъ—Турбаи дѣйствительно волновались, и еще до перваго пріѣзда суда въ январѣ 1789 г., уже совсѣмъ отказались отъ повиновенія своимъ панамъ. Мало того, турбаевцы «разнесли ложные слухи въ другія владѣнія (Базилевскихъ), будто бы всѣ и прочихъ ихъ селеній подданные отсуждаются въ козаки, и что кто только изъ подданныхъ ихъ останется въ должномъ своимъ владѣльцамъ повиновеніи, тѣмъ грозятъ казнію, каковы зловредныя ихъ къ уловленію невѣждъ вымыслы столько подѣйствовали въ сердцахъ къ разврату склонныхъ людей, что другихъ селеній многіе поддан-

ные ихъ, также экономическіе и дворовые служители у непремѣнныхъ должностей бывшіе, остановя свои работы и должности, винокуренные, скотскіе и др. заводы, бросивъ въ кадяхъ заторы, не сдавъ ни отчету, ни того, что въ чьемъ вѣдѣніи было, и захватя, что кто могъ, прочее же оставивъ на расхищеніе другимъ, убрались всѣ въ то же мятежниковъ скопище, и не только не упражняются въ нужныхъ работахъ, но паче провождаютъ время въ пьянствѣ и буйствѣ». Очень любопытно, что возмутившіеся турбаевцы, «назвавъ беззаконное свое скопище коммиссіею, разсѣяли слухъ, что въ той ихъ коммиссіи дѣлается всему Базилевскихъ владѣнію какая то перепись, и что всѣ приступившіе въ ихъ скопище изъ за Базилевскихъ въ свою бунтовщичью ревизію переписаны, и таковыми нелѣпыми разглашеніями напитавъ сердца невѣждъ, склонныхъ къ праздной и безначальственной жизни, и притомъ удостовѣрясь, что готовы они всякое блаженство промѣнять на праздность и безначаліе, учредили съ тѣхъ ихъ подданныхъ сборъ на содержаніе начальниковъ бунта, называемаго ими коммиссіею, и взыскиваютъ, смотря по имѣнію человѣка, съ каждаго отъ пяти до шестидесяти рублей, такимъ образомъ приводя тамошнихъ Базилевскихъ подданныхъ до такой нищеты, что многіе, продавши послѣднюю съ плечей шубу, взносятъ требуемую съ нихъ сумму, подушнаго же оклада и другихъ указныхъ выстатченій не платятъ и многіе платить уже не въ состояніи»...

Все это сильно преувеличено; но несомнѣнно ясно одно, что Турбаи еще за полгода до окончательнаго взрыва, разрѣшившагося кровавымъ истребленіемъ Базилевскихъ, находились уже въ состояніи полнаго броженія. При чемъ тутъ былъ Коробка, помимо своей оффиціальной роли ходатая, трудно сказать съ полною увѣренностью: вѣрнѣе, что не при чемъ. Турбаевцы узнали о состоявшемся въ ихъ пользу рѣшеніи, и этимъ вполнѣ объясняется ихъ возбужденное состояніе. Правда, противъ Коробки были нѣкоторыя свидѣтельскія показанія, какъ бы уличающія его въ подстрекательствѣ. Но свидѣтелями были крѣпостные Базилевскихъ изъ другихъ селеній, слѣд. люди, находившіеся подъ давленіемъ своихъ господъ, да и показанія ихъ не отличаются точностью и опредѣленностью. Показываютъ чаще всего, что слышали, будто Коробка говорилъ, что если кто въ козаки писаться не будетъ, всѣхъ тѣхъ катъ будетъ бить кнутомъ; но самая безсмысленность этого утвержденія заставлятъ сомнѣваться въ его справедливости. Опредѣленнѣе всего, и повидимому правдивѣе, показанія на счетъ сборовъ, которые турбаевцы дѣлали въ пользу

Коробки. Сбирали со двора отъ 1 руб. до 15 рублей, такъ что Коробка получилъ, кажется, рублей до 700; да еще собрали для него же болѣе 200 смушковъ, сыра и масла, сукна, справили ему линтваревый кожухъ, юхтовые чоботы, штаны синяго сукна, смушевую шапку; сверхъ того ѣздили къ нему въ домъ на работу. Однако всѣ эти блага Коробка могъ получить отъ турбаевцевъ и просто какъ повѣренный: турбаевцы были люди зажиточные и дѣйствительно доведены до отчаянія невозможностью добиться осуществленія своихъ законныхъ правъ. Однако судъ непремѣнно хотѣлъ принести Базилевскимъ въ жертву Коробку. Турбаевцы помогли суду своею безтактностью. Разъ уѣхавъ ни съ чѣмъ, судъ снова появляется въ Турбаяхъ въ усиленномъ составѣ и съ разсчетомъ на содѣйствіе военной команды, которая оказалась расквартированной въ Турбаяхъ: онъ имѣлъ въ виду не только приведеніе въ исполненіе сенатскаго рѣшенія, но и обвиненіе Коробки. Коробка, какъ уже сказано выше, старался укрываться, какъ отъ Базилевскихъ, такъ и отъ начальства; а разыскивать его среди бунтующихъ турбаевцевъ было дѣло нелегкое. Однако суду удалось какъ-то «ласкательнымъ образомъ» его вытребовать, и онъ явился самъ. Но когда турбаевцы увидали, что изъ представителя ихъ интересовъ Коробка превращается передъ лицемъ суда въ подсудимаго, они начали грозить суду, что пойдутъ на Базилевскихъ и разнесутъ ихъ въ прахъ, а когда угроза не подѣйствовала, кинулись и, насильно выхвативъ Коробку, увели его съ собой. Потомъ онъ снова былъ взятъ судомъ, и уже увезенъ изъ Турбаевъ. Коробкѣ было поставлено въ вину, «что онъ, будучи грамотенъ и, какъ показуетъ, указы и законы знающъ, долженъ былъ вѣрителей своихъ, яко простолюдиновъ, кои, увѣривъ ему, дѣйствительно могли бы его слушать, приводить въ скромность, молчаливость и терпѣніе,—буде-бы въ томъ онъ не успѣвалъ и къ таковому добронравію привернуть не могъ, то, во избѣжаніе законнаго истязанія, и вовсе бы въ ихъ дѣло не мѣшался, чѣмъ бы вездѣ могъ заслужить себѣ похвалу». За эту его, повидимому, единственную доказанную вину Коробка былъ присужденъ къ наказанію плетьми на мѣстѣ преступленія, т. е. въ Турбаяхъ. Но Турбаи въ это время были уже въ такомъ состояніи, что нечего было и думать являться туда съ Коробкой. Турбаевцы съ страшной наглядностью доказали, что они умѣютъ дѣйствовать и безъ уроковъ и подстрекательствъ Коробки.

А. Е.

Полковничьи чиншевики. Восемь лѣтъ назадъ, по приглашенію покойнаго Г. П. Галагана, мы пересмотрѣли его семейный архивъ, (въ прилуцкомъ с. Сокиринцахъ), о которомъ и сообщили въ свое время нѣкоторыя свѣдѣнія («Кіевская Старина» 1883 г., ноябрь). Тогда же списали мы три печатаемые здѣсь документа, подобныхъ которымъ никогда ни прежде, ни послѣ не встрѣчали. Изъ этихъ «универсальныхъ писаній» видно, что прилуцкіе полковники, начиначиная съ Дмитрія Горленка, установили за собою право—освобождать нѣкоторыхъ своихъ полчанъ отъ, «общенародныхъ» повинностей—за извѣстную плату, поступавшую въ личный ихъ доходъ. Освобождаемый отъ повинностей платилъ полковнику ежегодно извѣстный «чиншъ» и затѣмъ получалъ отъ него освободительный листъ, приглашавшій мѣстныя власти—не трогать такого чиншевика... Изъ этихъ листовъ видно, что платежъ чинша производился ежегодно, до тѣхъ поръ вѣроятно, пока ставало средствъ у чиншевика... Ясно не видно къ какому классу принадлежали полковничьи чиншевики, но можно догадываться, что это были прежде всего люди посполитаго званія, такъ какъ козаки не несли тѣхъ повинностей, за рѣдкими исключеніями, о которыхъ говорятъ освободительные листы; затѣмъ можно полагать, что эти чиншевики принадлежали къ достаточному мѣщанству, которому, по его занятіямъ промыслами, могло быть очень выгодно такое освобожденіе отъ повинностей.—Откупались отъ повинностей не единичные люди; какъ видно, явленіе это было довольно распространено: въ архивѣ Гр. П. Галагана мы нашли 28 такихъ освободительныхъ листовъ, данныхъ разнымъ лицамъ... Нахожденіе этихъ листовъ въ сокиринскомъ архивѣ, показываетъ, что они были возвращаемы дававшему ихъ полковнику. Вѣроятно, былъ такой порядокъ, что въ случаѣ невозобновленія чинша, «листъ» долженъ былъ быть возвращенъ, во избѣжаніе злоупотребленій...

Интересно знать—было ли прилуцкое увольненіе посполитыхъ отъ общественныхъ повинностей—общимъ явленіемъ въ старой Малороссіи или этотъ полковничій доходъ практиковался въ одномъ только прилуцкомъ полку, измышленный первоначально такимъ искусникомъ въ накопленіи богатствъ, какимъ былъ Дмитрій Лазаревичъ Горленко [1]).

А. Л.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1889 г., октябрь, стр. 190.

1) Его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковникъ прилуцкій Игнатій Івановичъ Кгалакганъ. Всѣмъ кому о томъ вѣдати належатиметъ, а меновите пану сотникови журавскому зъ товариствомъ, и войтови съ посполитими людьми, симъ писаніемъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ Василь Бущанъ, житель журавскій, далъ намъ роковій чиншъ копъ шѣсть зъ братомъ своимъ, за рокъ 1714, котораго мы Василя и брата его уволняемъ отъ всякихъ посполитыхъ дачокъ, такъ поборовихъ, яко воженя подводъ отъ станцій компанѣйцевъ и великороссійскихъ людей и всякихъ тяглостей мирскихъ и сторожовщины, на цѣлій годъ отъ ниже написанного числа, и для того даемо имъ сей нашъ листъ уволненій, жадаючи, абы имъ и найменшой въ томъ заживаню волности, нѣ отъ кого не дѣялось кривды и долегливости жадной, мѣти хочемъ и приказуемъ. Данъ въ Прилуци, декамбря 22, року, 1714. Звишъ менованный полковникъ прилуцкій. За сей рокъ 1715, дали чиншъ Василь копъ 6, зъ братомъ своимъ, волни во всемъ. Декабра 9, и за сей 1716 годъ отдалъ Василь копъ шесть. Воленъ зостаетъ отъ тяглостей посполитихъ.

2) Его царского пресвѣтлого величества в. запор. полк. прил. Ігн. Ив. Кгалакганъ. Всѣмъ кому бы колвѣкъ о томъ вѣдати надлежало, а меновите пану сотникови журавскому, атаманови городовому зъ товариствомъ, и войтови тамошнему зъ посполствомъ, симъ нашимъ унѣверсалнымъ ознаймуемъ писаніемъ, ижъ Степанъ Андрѣенко и Мартинъ Яценко, брати въ первыхъ [1]), жителѣ журавскіе, будучи зъ небожчика блаженной памяти пана Івана Носа, бывшаго полковника прилуцкого, въ зимувчикахъ [2]), просили теперъ насъ о принятю ихъ на чиншъ. Мы прето прошенію ихъ не отмовляючи, взглядомъ того, же оніе когда и въ зимувчикахъ были, мало громадской повинности отбували, принялисмо на чиншъ и одобравши въ нихъ на годъ теперешній якъ нижей въ листѣ положенного числа, начался изнову въ пр .. 1717 року о томъ же часѣ кончити мѣется

---

[1]) Двоюродные.

[2]) Мы не умѣемъ объяснить этого названія. Не были ли это богатые мѣщане, которыхъ полковники брали въ личную услугу, какъ брали козаковъ—въ „курѣнчики“, для освобожденія отъ тѣхъ же общенародныхъ повинностей?—„Зимовчиками“ они могли называться потому, что работали на полковниковъ *зимою*, когда шла молотьба хлѣба, когда требовались лишнія рабочія руки для ухода за скотомъ...

належитый датокъ, а именно въ Мартина Яценка копъ шесть, а въ Степана Андрѣенка золотихъ десять, уволняемъ ихъ на ввесь сей оплаченній годъ отъ воження подводъ, компанѣйскихъ станцій, такъ же поборовихъ датковъ и всякихъ громадскихъ повинностей и варуемъ того пилно, абы нѣхто такъ зъ помянутой старшины журавской, яко и изъ кого колвекъ, жадного и найменшого въ томъ онимъ Яценку и Андрѣенку, неважился чинити налогу, упоминаемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцѣ, декамбр. 5, р. 1716. Звишъ менованный полковникъ прилуцкій.

3) Его царского пресв. величества войска запор. полк. прил. Ігн. Ів. Кгалакганъ. Всѣмъ хто бы того потребовалъ вѣдати, а меновите пану сотникови ичанскому, атаманови городовому зъ товариствомъ, и войтови тамошнему зъ посполствомъ, симъ нашимъ универсалнимъ ознаймуемъ писаннемъ, ижъ Марья Романиха Оковитая, жителка ичанская, презентовала намъ чиншовій листъ на уживанне волности ей отъ бившого антецессора нашего пана Горленка виданній, которій мы теперь ствержаючи, беремо оную подъ свою полковничую оборону и одобравши въ неи (якъ она и за пана Горленка по пять копъ—рокъ седѣла) належного на сей рокъ 1717 мѣючійся, одъ ниже въ листѣ положенного числа почати изнову въ прійдучомъ 1718 року, о томъ же часѣ кончити, чиншу копъ пять, уволняемъ помянутую Романиху Оковитую отъ воженя подводъ, поборовихъ датковъ, компанѣйскихъ станцій и всякихъ посполитихъ громадскихъ повиностей, въ которомъ то заживанню ей волности, дабы такъ одъ помянутой старшины ичанской, яко и одъ кого колвекъ, жадной и найменшой онуй же Оковитой не чинилося трудности, перепони и долегливости, пилно мѣти хочемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцѣ, іюня 3, р. 1717. Звишъ менованный полковникъ прилуцкій. 1718 року, 19, Марья Романиха Оковитая отдала чиншевого датку копъ пять, свободна есть. И за сей 1719 рокъ, іюля 4, Марья Оковитая отдала належній чиншъ, копъ 5, волна есть отъ всякихъ посполитихъ тяглостей.

Мамаевъ дубъ. Въ недавно пріобрѣтенныхъ нами отдѣльныхъ рисункахъ д-ра Деляфлиза находится изображеніе усохшаго дерева, съ обрубленными вѣтвями, съ слѣдующею подписью: «Мамаевъ дубъ въ рочищѣ васильковскомъ мотронинской дачи (чигиринск. у.), у кото-

раго разбойникъ Мамай часто весьма располагался таборомъ, какъ говоритъ мѣстное изустное преданіе; дубъ сей имѣетъ толщины $3^1/_3$ аршина, въ раздѣленіи вѣтвей (?), и старожилы говорятъ, что около ста лѣтъ какъ дерево это уже безъ листья. Надобно полагать, что разбойникъ Мамай существовалъ назадъ далеко за сто лѣтъ. Во время пре бываніи у сего дерева пиры его обозначались кровавою местью на полякахъ и жидахъ, которыхъ попадавшихся въ его руки, онъ вѣшалъ на гольяхъ сего дерева, на которомъ и самъ будучи пойманъ, по распоряженію польскаго правительства, повѣшенъ».

Легендарный Мамай пользовался у народа большою популярностью, что доказывается распространеніемъ въ Малороссіи и особенно въ Новороссіи его изображеній. Образчикъ этихъ рисунковъ можно видѣть въ приложеніи къ изданной въ 1852 г., въ Одессѣ, Исторіи о козакахъ запорожскихъ [1]) Въ собраніи В. В. Тарновскаго такихъ рисунковъ шесть или семь и все—варіанты. Особенно интересенъ изъ нихъ рисунокъ «Мамая», пріобрѣтенный изъ имущества умершаго Н. А. Лукашевича († 1887 г.), несомнѣнно относящійся къ XVII в. (Остальные—позднѣйшіе). «Мамай» послужилъ фабулою и для повѣсти, написанной извѣстнымъ бытописателемъ Запорожья, А. А. Скальковскимъ [2]) Въ заключеніи этой повѣсти г. Скальковскій говоритъ— «о Мамаѣ сохранилось много преданій и памятниковъ; много крестовъ каменныхъ и *бабъ* обломанныхъ называются мамаями; но самый обыкновенный изъ нихъ есть одна оригинальная картина, которой лучшій экземпляръ можно видѣть въ домѣ князя Воронцова, въ Мошнахъ (кіевск. губ.), но тысячи копій вы найдете во всей Украйнѣ»... Тутъ же говорится и о мамаевомъ дубѣ, стволъ котораго, по словамъ г. Скальковскаго, «весь избуравленъ отыскивателями кладовъ». **А. Л.**

Позднѣйшая память о Б. Хмельницкомъ въ с. Суботовѣ.

Въ тѣхъ же отдѣльныхъ рисункахъ доктора Деляфлиза [3]), межуу прочимъ, находится рисунокъ камня съ слѣдующею его подписью: «Ка-

---

[1]) А надписи въ стихахъ, обыкновенно встрѣчающіяся на этихъ картинахъ.— См. въ Записк. о южн. Руси, I, 316 и слѣд.

[2]) Повѣсть „Мамай“ составляетъ 3-й и 4-й выпуски „Порубежниковъ“, Одесса, 1849—50, 4 вып.

[3]) См. „Кіевск. Стар.“ 1891 г., № 3, стр. 508.

мень вышиною десять футовъ, вкопанный въ улицѣ Субботовѣ, возлѣ церкви. Жители (мѣстные) называютъ его бабою; женщины и дѣти боятся проходить возлѣ сего камня ночью. Старики говорятъ, что во время гетмана Хмельницкаго, привязывали къ этому камню преступниковъ для наказанія оныхъ». Судя по надписямъ на другихъ рисункахъ, приведенная замѣтка сдѣлана въ 1851 г. –Интересно бы знать сохраняется ли и теперь этотъ камень?

А. Л.

Рукописное евангеліе будто бы гетмана Сагайдачнаго.

Въ «Кіевлянинѣ» 1890 г. № 276, нѣкто г. В. Г—скій, сообщая описаніе одного старниннаго южнорусскаго евангелія, одну изъ имѣющихся въ послѣднемъ подписей по листамъ приписываетъ гетману Сагайдачному. Въ своемъ описаніи г. Г—скій говоритъ: «въ церковно-историческомъ древлехранилищѣ, учрежденномъ при Александро-Невскомъ братствѣ во Владимірѣ губерн. (на Клязьмѣ), въ числѣ другихъ рукописей, находится рукописное четверо-евангеліе съ вкладной подписью по листамъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго. Евангеліе это писано на бумагѣ красивымъ уставомъ на 402 л., въ переплетѣ, обложенномъ темно-зеленымъ бархатомъ. На верхней крышкѣ переплета, по угламъ четыре евангелиста, въ срединѣ Распятіе—серебряные вызолоченные, южно-русской работы начала XVII в. Застежки утеряны, но четыре «жука» на другой сторонѣ изъ красной мѣди уцѣлѣли. Письмо рукописи тщательное и красивое; украшеній въ видѣ заставокъ, рисунковъ и т. п. въ евангеліи нѣтъ, кромѣ четырехъ крупныхъ иниціальныхъ буквъ, нарисованныхъ киноварью. Хотя выходный листъ и утерянъ, но, судя по почерку и другимъ признакамъ, евангеліе это можно отнести къ концу XV и никакъ не позднѣе начала XVI вѣка. Фабричное клеймо на бумагѣ—вепрь.

Не сообщая о времени и мѣстѣ своего написанія, рукопись взамѣнъ того въ цѣломъ рядѣ подписей по листамъ даетъ возможность прослѣдить дальнѣйшую судьбу этого евангелія, которая довольно замѣчательна. Первая по времени написанія полууставная надпись находится на 13—22 листахъ: «лѣта зо҃д (7074—1566) марта к҃е (25) дн҃ далъ къ прч҃стой бдц҃е печерскои вдом великихъ чудотворцев антона и ѳеѡдоса печерськых свен'с'кого монастыря Михайло Ѳедорович' Сычев' евангел҃ тетро (т. е. четвере-евангеліе) в десть волочено бархатомъ черным а на немъ серебряны позоло-

чены и евангелисты серебряны позолочены защепки и гвозди серебряны, а нам за то его помнити и родители его». На лист. 1—41 небрежной скорописью 16 вѣка написана другая вкладная запись: «лѣта: зч (7090—1582) году Истома Уколовъ бых у льтовском городе у Пропоиску и купилъ се евангелья у льтовских людей у черкас, а взяли се евангелья льтовские люди у прчстые бдцы Свенского монастыря... Истома Уколовъ о девеностомъ году прѣставился и дала се евангелья по Истомѣ по Уколовѣ в домъ Прстыя Бгдцы въ монастырь, что въ Стародубѣ на посаде жена его Анна и се евангелья отъ Прстыя Бдцы изъ монастыря никому не износить, а хто изнесетъ се евангелья и тотъ судитца перед Спасомъ, а имя Истоте Өролъ да дѣти его Иоаннъ да Михаила и все на них написалъ»... Очевидно, что завѣщаніе М. Ө. Сычева, по которому это евангеліе должно было поступить изъ Свѣнскаго монастыря (нынѣ въ орловской губ.) въ Кіево-Печерскій монастырь, не было исполнено; впрочемъ, можетъ быть, оно попало въ Пропойскъ въ руки черкассъ, т. е. козаковъ, уже изъ Печерскаго монастыря. Но недолго оно оставалось и въ Стародубѣ. На лист. 119—121 читаемъ слѣдующую надпись, написанную красивымъ почеркомъ: «Сие евангеліе оправил срѣбромъ булатном (?) коношевичъ козакъ войска запорозкаго за отпущеніе грѣхов своих и за отца своего коноша (коношъ—историческое имя Конона) и за матерь свою полагію до храму прстой Бцы Чигиринской». Упоминаемый въ записи козакъ Коношевъ, безъ сомнѣнія, есть извѣстный гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, получившій образованіе въ знаменитомъ училищѣ Острожскомъ, защитникъ православія и ктиторъ Богоявленскаго монастыря, пожертвовавшій много тысячъ на Богоявленскій храмъ и на содержаніе братской школы, ставшей впослѣдствіи духовною академіею. По словамъ М. Максимовича, незадолго до своей смерти, послѣдовавшей 10 апрѣля 1622 г. отъ ранъ, полученныхъ подъ Хотиномъ, гетманъ Коношевичъ сдѣлалъ богатые вклады въ пользу кіевскаго братства, львовскаго и друг. церквей и монастырей. Вѣроятно, тогда имъ пожертвовано въ чигиринскую церковь и это евангеліе, пріобрѣтенное имъ во время многочисленныхъ походовъ въ числѣ прочей военной добычи. Судя по красивому почерку этой записи, можно думать, что ее сдѣлалъ самъ гетманъ, получившій хорошее образованіе. Изъ Чигирина евангеліе было передано въ XVIII в., какъ значится въ позднѣйшей надписи, «капитаномъ отъ

кавалеріи петербургскаго полку Іваномъ сномъ Борѣтинскимъ въ (неизвѣстно какую) церковь прстой Бцы», а затѣмъ, переходя изъ рукъ въ руки, попало въ церковь с. Карачарова муромскаго у. владим. губ. и отсюда уже въ церковно-историческое древнехранилище Александро-Невскаго братства».

Думается, что въ «Конашевичѣ, козакѣ войска запорожскаго» видѣть гетмана Сагайдачнаго нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ козаковъ Конашевичей (Конашъ—Кононъ) было, конечно, немало; еслибы упомянутый здѣсь Конашевичъ былъ гетманъ, то, конечно, онъ не упустилъ бы указать на свое общественное положеніе и въ надписи.—Но если приведенная догадка г. Г—скаго не представляетъ вѣроятія, то за то приведенная имъ надпись 1582 г. заключаетъ въ себѣ интересное свѣдѣніе о существованіи въ Стародубѣ, въ к. XVI в. монастыря. До сихъ поръ свѣдѣній о существованіи въ Стародубѣ какого бы то ни было монастыря не было и приведенная надпись вдовы Истомы Уколова заключаетъ въ себѣ совершенно новое свидѣтельство—о существованіи въ Стародубѣ, на посадѣ, въ к. XVI в. монастыря пресв. Богородицы.

А. Л.

Къ свѣдѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ. Въ «Елисаветградск. Вѣстн.» 1891 г., № 33 описывается уничтоженіе одного изъ многихъ погибшихъ и гибнущихъ архивовъ. На этотъ разъ идетъ рѣчь объ архивѣ елисаветградскаго собора.—Въ сообщенной замѣткѣ читаемъ: «Въ числѣ архивовъ, имѣющихъ особый интересъ и значеніе, слѣдуетъ отмѣтить церковные архивы; между тѣмъ и они находятся большей частью въ весьма печальномъ положеніи. Нагляднымъ доказательствомъ тому можетъ служить архивъ при нашемъ соборѣ, валяющійся гдѣ-то въ погребѣ; намъ приходилось видѣть много документовъ конца XVIII ст. и начала XIX ст. изъ соборнаго архива, употребленныхъ вмѣсто оберточной бумаги,—въ числѣ документовъ попадались часто листы изъ метрическихъ книгъ начала XIX ст. и даже сороковыхъ годовъ. Наконецъ, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ намъ извѣстно, что *уже много лѣтъ подъ рядъ сторожа цѣлыми мѣшками носятъ архивныя дѣла для подтопки печей*, а можетъ быть и продаютъ «дѣла»,—намъ приходилось поднимать на улицѣ засаленные листы изъ нихъ. Такіе же засаленные листы, служившіе, должно быть, для заворачиванія

сельдей, намъ приходилось видѣть здѣсь въ городѣ и изъ метрическихъ книгъ с. Капижа, начала этого столѣтія.

Въ числѣ документовъ, данныхъ намъ, говоритъ авторъ замѣтки, вмѣсто оберточной бумаги, между прочимъ, нѣкоторые относились ко времени дѣятельности бывшихъ въ началѣ XIX ст. *ольвіопольскаго и новомиргородскаго духовныхъ правленій* (1797—1805 гг.). Затѣмъ одинъ разъ намъ завернули покупку въ листъ изъ дознанія, произведеннаго новомиргородскимъ духовнымъ правленіемъ 28 февраля 1797 года, на основаніи указа отъ екатеринославской духовной консисторіи отъ 17 января того же года «о праздно проживающемъ священникѣ Игнатіи Бужницкомъ; изъ показанія его видно, что онъ, будучи воспитанъ въ духѣ православной вѣры, въ 1793 г. былъ рукоположенъ во священники уніатскимъ митрополитомъ Ѳеодосіемъ въ г. Радомыслѣ; а въ 1794 г., когда многіе уніатскіе священники начали переходить въ православіе, перешелъ и онъ; оставшись вмѣстѣ съ тѣмъ безъ мѣста, онъ, очевидно, бѣжалъ къ намъ въ Новомиргородъ, гдѣ и проживалъ «праздно». Въ показаніи своемъ онъ заявляетъ желаніе быть священникомъ въ с. Эрделевкѣ (бывшаго) *новомиргородскаго* уѣзда. Затѣмъ, въ другой разъ покупку завернули въ другой листъ, изъ того же дѣла о Бужницкомъ, который оказался указомъ екатеринославской духовной консисторіи отъ 11 іюля 1797 года, на имя новомиргородскаго духовнаго правленія, о назначеніи Игнатія Бужницкаго священникомъ въ помѣщичье село Акимовку новомиргородскаго уѣзда, причемъ въ указѣ этомъ сообщается, что всѣ прихожане изъявили желаніе имѣть у себя священникомъ Бужницкаго, кромѣ помѣщицы Миклоевой; въ виду того его высокопреосвященство *Гавріилъ митрополитъ екатеринославскій и Херсонеса-Таврическаго* повелѣлъ, не взирая на несогласіе Миклоевой, опредѣлить священника Бужницкаго на приходъ въ Акимовку, а «буде же оная помѣщица вдаль священнику мѣшать будетъ, то духовному правленію просить защищенія оному священнику отъ команды свѣтской противъ оной помѣщицы Миклоевой». Однимъ словомъ, повторяется обыденное явленіе... Единственное средство для предотвращенія гибели указаннаго и, разумѣется, многихъ другихъ архивовъ заключается въ учрежденіи мѣстной архивной коммиссіи..

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ 2-й. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1889 г. XXIV+551

1-й выпускъ этого изданія вышелъ еще въ 1876 году. Теперь оно продолжается подъ редакціей академика Н. Ѳ. Дубровина. Въ 1-мъ отдѣленіи помѣщены Высочайшіе указы и рескрипты, состоявшіеся по собственной Е. И. В. канцеляріи (въ 1812 году), и Высочайшіе указы, объявленные граф. Аракчеевымъ. 2-е отдѣленіе заключаетъ въ себѣ разнообразные матеріалы; нѣкоторые изъ нихъ относятся къ западной и южной Россіи (нач. XIX в.). Таковы докладныя записки сенатора Алексѣева относительно губерній сѣверозападнаго и югозападнаго края (относительно переселенія евреевъ изъ селъ и деревень въ города и мѣстечки, относительно почтъ, относительно мѣръ для ихъ благоустройства). Къ нимъ приложена записка о необходимости перевести губернскія учрежденія изъ Житомира въ г. Дубно. Мысль эта принадлежала губернатору Комбурлею, но Алексѣевъ съ нимъ былъ вполнѣ согласенъ. О Житомирѣ въ запискѣ говорится такъ: онъ стоитъ на самой границѣ губерніи, не имѣетъ коммерціи, ни особенныхъ какихъ выгодъ и не иное что есть, какъ мѣстечко жидовское, присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ зданій въ немъ также не устроено; а хотя губернскія мѣста находятся въ старомъ іезуитскомъ зданіи, но по ветхости его и по неудобству необходимо должно выстроить вновь. Мѣстечко Дубно есть одно удобнѣйшее для устроенія въ немъ губернскаго хорошаго города. Будучи уже довольно обстроено каменнымъ строеніемъ, имѣетъ купечество богатое, изъ коего иностранные купцы имѣютъ хорошіе магазейны, а многіе изъ евреевъ производятъ довольно порядочный торгъ и живутъ въ хоро-

шихъ домахъ». Въ другомъ приложеніи говорится объ устройствѣ сельскихъ запасныхъ магазиновъ въ волынской губерніи, въ третьемъ—о рекрутскихъ призывныхъ участкахъ, въ четвертомъ — объ усиленіи кордонной стражи на границѣ въ той же губерніи. Къ полтавской губерніи относится всеподданнѣйшій рапортъ малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Репнина (1817 г.) объ иностранныхъ суконщикахъ (стр. 515—519). Иностранные суконщики были вызваны правительствомъ изъ заграницы и поселены въ г. г. Полтавѣ, Кременчугѣ и Константиноградѣ. Но они очутились въ самомъ жалкомъ состояніи и, конечно, возлагавшихся на нихъ надеждъ не оправдали. «Состояніе сихъ иностранцевъ, говоритъ кн. Репнинъ, дѣйствительно бѣдственное; они, получая при переселеніи и обзаведеніи ихъ денежныя пособія, состоятъ доселѣ должными казнѣ данною имъ въ ссуду значительною суммою. Таковое положеніе удерживаетъ ихъ отъ всѣхъ предпріятій и весьма немногіе отъ нихъ, заплатя долги, получили свободу къ вольному по ремесламъ ихъ промыслу; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали, а другіе умерли, и претензія на сихъ послѣднихъ содѣлалась невозможною ко взысканію; вообще на состоящихъ нынѣ 115 сем. считается долгу ассигнаціями 102518 руб., талеровъ 1261, рейхсталеровъ 44, флориновъ 146». Всего было израсходовано на нихъ 453348 р. ассигн., 2381 тал., 48 рейхсталеровъ, 146 флор. (на ссуду, на постройку домовъ, амбара, водяной сукновальной мельницы и колодезей, на инструменты для суконной фабрики). И чтоже? Дома и пр. были выстроены такъ непрочно, что понадобилось нарядить цѣлое слѣдствіе о постройкахъ; «иностранные суконщики при домахъ, ими занимаемыхъ, не только не имѣютъ никаковыхъ способовъ къ обзаведенію себя хозяйственнымъ способомъ, но даже и самыхъ огородовъ»; они находились въ постоянныхъ распряхъ другъ съ другомъ, благодаря различію вѣроисповѣданій (одни были католики, другіе лютеране). Репнинъ проектировалъ цѣлый рядъ мѣръ для приведенія ихъ въ лучшее состояніе. Онъ предлагалъ *простить имъ всѣ долги* (по ссудѣ данной правительствомъ), прибавить огородовъ и сѣнокоса и отдать имъ безденежно вмѣстѣ съ усадьбами въ вѣчное и потомственное владѣніе (подъ условіемъ 10-ти лѣтняго пребыванія на одномъ мѣстѣ и занятія своимъ промысломъ), дать заимообразно по 100 руб. на семейство, подарить казенные инструменты, изъять ихъ подъ казеннаго вѣдомства и предоставить автономію. Какова была судьба этого представленія мы не знаемъ. Но во всякомъ случаѣ оно является любопытной темною страничкой изъ исторіи иностранной колонизаціи въ

южной Россiи. Поселенiе каждаго семейства обошлось правительству въ среднемъ болѣе 400 руб., а пользы изъ этого не вышло никакой. «По издѣлiю суконному, говорится въ заключенiе записки, съ 1809 года по сiе время въ оборотѣ было капитала до 270000 руб.; выгодъ же отъ оного примѣрно положить можно до 27000 руб., которые выручаются чрезъ продажу состоящаго теперь въ наличности валенаго сукна 4000 и суровья 19000 арш.».

Значительное мѣсто въ Сборникѣ занимаетъ переписка извѣстстнаго Вас. Наз. Каразина по Филотехническому обществу (1814—1818 г., стр. 445—513). Перечень содержащихся здѣсь документовъ сдѣланъ мною въ другомъ мѣстѣ (въ 3-мъ томѣ Сборника харьк. ист. фил. общ.). Здѣсь же замѣчу только, что редакторъ Сборника академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ не свѣрилъ своихъ матерiаловъ съ тѣмъ что было уже извѣстно раньше, и напечаталъ нѣкоторые документы въ другой разъ (напримѣръ отчеты о дѣятельности Филотехн. общ. послѣ Успенскаго съѣзда 1814 г. и др.).

Изданъ Сборникъ, съ внѣшней стороны, прекрасно, даже роскошно и снабженъ алфавитнымъ указателемъ именъ.

Д. И. Багалѣй.

Акты Московскаго государства, изданные импер. академiей наукъ подъ редакцiей Н. А. Попова. Томъ I. Разрядный приказъ. Московскiй столъ. 1571—1634. Спб. 1890, XLIV, 766.

Мысль объ этомъ изданiи принадлежитъ еще покойному академику Н. В. Калачову, исполненiе же ея выпало на долю преемнику Н. В. въ должности директора Архива Мин. Юстицiи Н. А. Попова. Послѣднiй, по плану академiи, рѣшилъ заняться сестематическимъ извлеченiемъ изъ ввѣреннаго его попеченiямъ архива актовъ московскаго государства, заключающихся въ дѣлахъ двухъ главнѣйшихъ приказовъ — разряднаго и вотчиннаго. Разрядный приказъ, какъ извѣстно, дѣлился на столы (о столахъ этихъ былъ прочитанъ г. Гоздаво-Голомбiевскимъ рефератъ на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ). Московскiй столъ заключаетъ въ себѣ древнѣйшiе документы. Часть ихъ и напечатана въ вышедшемъ теперь 1-мъ томѣ «Актовъ московскаго государства». Нѣкоторые изъ нихъ относятся къ южнорусскимъ областямъ—лѣвобережной Малороссiи и слободской Украйнѣ. Отмѣтимъ тѣ, и другiе. Къ 1614 году относится цѣлый рядъ отписокъ воеводъ о воровскихъ черкасахъ, т. е. малороссiйскихъ козакахъ, громившихъ

различныя области и украйны (въ особенности сѣверныя). Документъ подъ № 162 говоритъ о выѣздѣ на государево имя въ 1623 г., въ Путивль изъ новгородъ-сѣверскаго уѣзда 16 крестьянскихъ семействъ; актъ подъ № 163 —о намѣреніи воровскихъ козаковъ, явившихся въ Новгородъ-Сѣверскъ, грабить по дорогамъ русскихъ торговыхъ людей. Къ Новгородъ-Сѣверску относится еще № 294 (1630 г.), заключающій въ себѣ челобитье дворянъ и дѣтей боярскихъ объ освобожденіи ихъ отъ платы за перевозъ черезъ р. Сеймъ, №№ 315 и 396), содержащіе отписки сѣвскаго воеводы о вышедшихъ изъ новгородъ-сѣверскаго Спасскаго монастыря черномъ попѣ Іонѣ со старцемъ Авраміемъ и черномъ попѣ Нифонтѣ со старцемъ Селиверстомъ, № 497 съ челобитьемъ новгородъ-сѣверца Лющина о пожалованіи его за службу и № 512 со свѣдѣніями о службѣ новгородъ-сѣверскаго воеводы Болтина. Интересны воеводскія отписки о польскихъ (т. е. полевыхъ, степныхъ) вѣстяхъ, доставленныхъ разными выходцами и языками; таковы вѣсти, сообщенныя запорожскимъ выходцемъ Онуфріемъ Семеновымъ въ 1632 г. (№ 327), русскимъ выходцемъ Иваномъ Даниловымъ (№ 328), торговымъ человѣкомъ Ив. Леховымъ (№ 329), крестьяниномъ Ѳед. Олѳеровымъ (№ 331), литовскимъ выходцемъ Яномъ Заблоцкимъ (№ 332), путивльскими торговыми людьми (№ 333), рыльскими торговыми людьми (№ 336 и 432), «полонянникомъ»—черкашениномъ Алешкою Боровскимъ (№ 346), который потомъ былъ сосланъ въ Казань (№ 403), запорожскимъ козакомъ Максимомъ Михайловымъ (№ 424), казачьимъ сыномъ Гр. Алексѣевымъ и литвиномъ М. Марковымъ (№ 427), сѣвскими торговыми людьми (№ 435), запорожскимъ выходцемъ Иваномъ Павловымъ (№ 436), крестьянами (№ 547), литовскими и польскими языками (№ 637 и 645), малороссійскими языками (№ 649, 673 и 661), нѣмчиномъ (№ 654). Нѣсколько актовъ относится къ г. Стародубу (Сѣверскому). Таковъ наказъ Ляпунову о сборѣ въ стародубскомъ уѣздѣ кормовыхъ дѣтей боярскихъ и козаковъ, убѣжавшихъ изъ подъ Смоленска (1633 г., № 478), государева грамота къ русскимъ служилымъ людямъ, стоявшимъ въ стародубскомъ уѣздѣ, съ запрещеніемъ идти войной на «черкасскіе города» (№ 486), дѣло по челобитью Ив. Варѣева съ товарищами о пожалованіи ихъ за сеунчъ о взятіи г. Стародуба (1633 г., № 500), отписка стародубскаго воеводы о боѣ его близь города съ дѣтьми боярскими и козаками, сбѣжавшими изъ подъ Смоленска (№ 505, о пребываніи ихъ въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ сообщаютъ акты подъ № 509 и 522), челобитье Ив. Еропкина и Ник. Оладьина о по-

жалованіи ихъ за стародубскую службу (№ 595 и 601). О военныхъ дѣйствіяхъ малороссійскихъ козаковъ противъ русскихъ украинныхъ городовъ сообщаютъ свѣдѣнія документы подъ № 529, (приступъ къ Путивлю въ 1633 г.), 538 и 680 (приступъ къ Бѣлгороду въ томъ же году), 540 (къ Стародубу), 640 и 658 (къ Сѣвску), 663 (къ Курску), № 704 (къ бѣлогородскому Николаевскому мон).

Интересны сказки «о службахъ» русскихъ воеводъ и служилыхъ людей, напр., кн. Вас. Ромодановскаго о его дѣйствіяхъ въ стародубскомъ и новгородъ-сѣверскомъ уѣздахъ (№602), путивльскихъ воеводъ кн. Н. Гагарина и Андрея Усова (№ 646), Ивана Волжина (№ 690) и др.

Изъ этого перечня уже видно, что въ «Актахъ» содержится не мало матеріаловъ, разъясняющихъ намъ исторію Сѣверщины въ 1-й половину XVII в.; большая часть этихъ данныхъ относится ко 2-й польской войнѣ, закончившейся извѣстнымъ Поляновскимъ миромъ (1634 г.). Стародубскій и новгородъ-сѣверскій уѣзды въ это время также служили ареною борьбы воюющихъ сторонъ. Извѣстія сообщаемыя перепискою между Россіей и Польшею, (Чтенія Москов. Общ., 62, кн. 4) значительно пополняются нынѣшнимъ Сборникомъ. Къ сожалѣнію. ни А. М. Лазаревскій (въ своемъ «Описаніи Старой Малороссіи»), ни я (въ своей рецензіи на его трудъ) не могли воспользоваться этими данными.

Къ территоріи слободской Украйны относится также не мало актовъ. Таковые документы о сторожевой и станичной службѣ на «польской», т. е. южной степной полевой украйнѣ. Таковы матеріалы, касающіеся жизни въ степи черкасъ, положенія Святогорскаго и Савинскаго мон. далеко выдвинувшихся тогда (въ 1-й пол. XVII в.) въ степь, и извѣстнаго основателя г. чугуева гетмана Якова Острaницы. (Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ см. въ моемъ Критико-библіографическомъ очеркѣ матеріаловъ по исторіи слоб. Украйны, напечатанномъ въ 3-мъ томѣ Сборника харьк. ист. фил. общ.).

Д. И. Багалѣй.

Памятная книжка волынской губ., изд. волынск. губернск. статистич. комитета. Составлена подъ редакціей члена-секретаря комитета И. Ф. Мацкевича Житоміръ. 1890.

Памятная книжка волынской губ. на 1891 г. состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: общекалендарныхъ свѣдѣній, адресъ-календаря, матеріаловъ по статистикѣ губерніи за 1889 г. и справочныхъ свѣ-

дѣній, т. е. составлена по той же программѣ, что и въ предыдущіе годы. Въ послѣднемъ отдѣлѣ, впрочемъ, находимъ оффиціальныя свѣдѣнія объ ярмарочныхъ оборотахъ въ 1889 г. Изъ находящагося въ томъ же отдѣлѣ списка волостныхъ старшинъ видно, что въ числѣ 207 старшинъ было грамотныхъ всего 41 (т. е. 19,8%), малограмотныхъ—19 (или 9,1%) и неграмотныхъ 147 (71%). Болѣе всего неграмотныхъ въ заславскомъ уѣздѣ (14 неграмотныхъ старшинъ изъ 16, т. е. 87,5%); наибольшій процентъ грамотныхъ старшинъ выпадаетъ на дубенскій (43,2%) и луцкій (35,3%) уѣзды.—Въ приложеніи къ «Памятной книжкѣ» помѣщенъ «Выводъ изъ статистическихъ таблицъ волынской губ. за 1888», въ которомъ статистическія свѣдѣнія приведены въ извѣстную систему, сопоставлены въ различныхъ комбинаціяхъ. За это нужно быть благодарнымъ редактору, такъ какъ матеріалы по статистикѣ губерніи (въ III отд.) предлагаются въ очень неудобномъ видѣ, даже безъ процентныхъ вычисленій въ нѣкоторыхъ нужныхъ случаяхъ, такъ что самому читателю предоставлялось иллюстрировать голыя цифры замѣтками на поляхъ.—Сравнивая Памятную книжку волынской губ. съ другими подобными же изданіями, приходимъ къ невыгодной для первой заключеніямъ. Въ то время, какъ памятныя книжки напримѣръ сѣверо-западнаго края отводятъ мѣсто матеріаламъ по этнографіи, археологіи губерніи, наше изданіе ограничивается однѣми статистическими данными. А между тѣмъ матеріалъ долженъ быть. Мы знаемъ, напримѣръ, что волынскій статистическій комитетъ представилъ на послѣдній археологическій съѣздъ археологическую карту волынск. губ.—Отчего бы не напечатать матеріалы, помогшіе составленію этой карты, въ Памятной книжкѣ?

Арк. Л—нко.

По поводу рецензіи книги «Вольности запорожскихъ козаковъ».

Въ уважаемомъ мной журналѣ «Кіевская Старина», за февраль мѣсяцъ текущаго года, В. Н. Ястребовъ помѣстилъ подробную и съ тѣмъ вмѣстѣ совершенно безпристрастную рецензію на мой новый трудъ «Вольности запорожскихъ козаковъ». Соглашаясь въ общемъ съ г. Ястребовымъ, что вся моя работа носитъ «спѣшный характеръ» и оттого въ ней замѣчаются «нѣкоторые недостатки, промахи и неточности», я въ частности», я въ частности не могу согласиться съ моимъ рецензентомъ въ слѣдующихъ пяти положеніяхъ.

Во первыхъ, г. рецензентъ приписываетъ мнѣ положеніе, будто бы я, «игнорируя и смѣшивая эпохи, нахожу крѣпость Александровскую, теперь городъ Александровскъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ о. Хортицы, еще при Константинѣ Багрянородномъ (стр. 40). Ничего подобнаго у меня нѣтъ и быть не можетъ, потому что Константинъ Багрянородный жилъ въ X вѣкѣ, а крѣпость Александровская основана во второй половинѣ XVIII. Въ моей книгѣ на указанной страницѣ разсказывается лишь о томъ, какъ избѣгали пороговъ наши предки, славяне-язычники, а потомъ впослѣдствіи запорожскіе козаки. Думаю, что поставленіе времени запорожскихъ козаковъ со временемъ славянъ-язычниковъ не есть смѣшеніе и игнорированіе эпохъ, въ противномъ случаѣ смѣшеніемъ эпохъ будетъ и то, если мы скажемъ, что начало міра, по еврейскому счисленію, было за 5508 лѣтъ до Р. Х., а начало русскому государству, по лѣтописному преданію, въ 862 году по Р. Хр.

Во-вторыхъ, г. рецензентъ доказываетъ, будто бы, по-моему, въ *настоящее время* рѣка Бугъ течетъ близь Екатерининскаго шанца, что рѣчка Журавка впадаетъ въ Синюху противъ польскаго города Семлека, что Тарговица приходится устьемъ противъ польскаго города Тарговицы, что рѣка Ингулъ течетъ черезъ Елисаветградскую провицію, мимо крѣпости св. Елизаветы и что въ Черномъ лѣсѣ водятся дикіе кабаны, дикія козы и т. п. Смѣю увѣрить моего рецензента, что мнѣ не менѣе, какъ и ему извѣстно, что въ настоящее время нѣтъ ни Екатерининскаго шанца, ни Елисаветградской провинціи, ни *польскихъ* городовъ Семлека и Тарговицы, какъ нѣтъ дикихъ кабановъ въ Черномъ лѣсѣ. Если же у меня говорится объ этомъ (131, 139, 250) въ настоящемъ времени — «течетъ», «впадаетъ», «водятся», то это просто значитъ то, что я, по общепринятому азбучному правилу, употребилъ, для такъ называемой живости рѣчи, форму настоящаго времени вмѣсто формы прошедшей. Неужели же мнѣ поставятъ въ вину, если я, повѣствуя о какомъ либо историческомъ событіи, напримѣръ Полтавской битвѣ, скажу: «И вотъ Петръ выѣзжаетъ на ратное поле» вмѣсто «И вотъ Петръ выѣхалъ на ратное поле»? И неужели и тутъ станутъ доказывать мнѣ, что я смѣшиваю эпохи или не знаю, что теперь царя Петра совсѣмъ нѣтъ въ живыхъ?...

Въ-третьихъ, г. рецензентъ совѣтуетъ мнѣ возможно осторожнѣе относиться къ картѣ Риччи Заннони и не слишкомъ ссылаться на нее. Цѣну картѣ Риччи Заннони я знаю также не менѣе самаго

г-на рецензента, какъ вслѣдствіе близкаго моего знакомства съ ней, такъ и вслѣдствіе указанія на нее извѣстнаго историка запорожской Сѣчи, А. А. Скальковскаго. Не вездѣ довѣряя показанію этой карты, я всегда въ моемъ трудѣ старался болѣе всего обосноваться на картѣ Исленьева и употреблялъ такой пріемъ: «Кривой-Ташлыкъ на картѣ Риччи Заннони=Терновка на картѣ Исленьева», «Хольникъ на картѣ Риччи Заннони=Ольшанка на картѣ Исленьева» (137) и др.

Въ-четвертыхъ, г. рецензентъ упрекаетъ меня въ небрежности цитатъ и въ смѣшеніи сочиненія Боплана съ сочиненіемъ Русова и бароиа Тотта. Здѣсь я менѣе, чѣмъ гдѣ-либо виновенъ. Такъ, на страницѣ 287 моей книги, въ выноскахъ 2 и 3, допущена простая типографская опечатка, перемѣщеніе выноски: вмѣсто второй поставлена третья, а вмѣсто третьей вторая, отъ этого и вышло, что, дѣлая выдержку изъ Русова, я ссылаюсь на Боплана, а дѣлая выдержку изъ Боплана, ссылаюсь на Русова. Сочиненіе Русова «Русскіе тракты» (Кіевъ, 1876) и сочиненіе Боплана «Описаніе Украйны» (СПБ., 1832) я всегда твердо различалъ и ни на минуту не смѣшивалъ. Что касается до »Мемуаровъ» барона Тотта, то я ихъ цитировалъ по выдержкамъ, приведеннымъ Устряловымъ, въ приложеніяхъ къ сочиненію Боплана, потому что въ отдѣльномъ изданіи этой, весьма интересной, книги мнѣ не удалось найти, оттого-то я и сослался на Боплана; мой же рецензентъ, упрекая меня въ этомъ, замѣчаетъ, что подобный пріемъ «можетъ ввести невѣдущаго въ курьезное заблужденіе, будто мемуары барона Тотта *помѣщены* въ «Описаніи Боплана». Не знаю, у кого больше на этотъ разъ курьеза—у автора ли «Вольностей» или у рецензента ихъ.... Также точно простая опечатка на страницѣ 117 моего труда возводится моимъ рецензентомъ въ курьезъ моего изложенія. Напечатано: Какъ большинство рѣкъ, имѣющихъ рыхлые берега, покрыты*хъ* лѣсною растительностію и *оттого* ежегодно размываемы*хъ* водой, такъ и Днѣпръ»... Надо было бы: Какъ большинство рѣкъ, имѣющихъ рыхлые берега, покрытые лѣсною растительностію и *весною* ежегодно размываемые водой». На эту опечатку я обращалъ вниманіе еще тогда, когда разсылалъ свою книгу въ редакціи журналовъ для рецензіи, а въ томъ числѣ и въ редакцію «Кіевской Старины» [1]).

---

[1]) Дѣйствительно г. Эварницкій въ письмѣ своемъ въ редакцію указалъ нѣсколько опечатокъ, и этимъ указаніемъ мы воспользовались, выпустивъ соотвѣтствующія мѣста въ рецензіи г. Ястребова. Но въ данномъ случаѣ мы никакъ не можемъ

Наконецъ, *въ пятыхъ*, г. рецензентъ поставляетъ мнѣ на видъ, что между документами, приложенными въ концѣ моей книги, есть и такіе, которые должны быть причислены къ категоріи «бумажнаго хлама» и тутъ же указываетъ на первый документъ «Жалобу пана Кущинскаго пану Василію Тимофѣевичу на портного Булавку за дурно сдѣланный кафтанъ». Хотя г. Ястребовъ и относитъ подобный документъ къ разряду хлама, но я, по моему крайнему разумѣнію, нахожу въ означенномъ документѣ большой интересъ потому, что онъ даетъ полное и даже чисто спеціальное описаніе козацкаго платья, именно верхняго кафтана, покрой котораго для насъ остался почти неизвѣстенъ, потому что ни одного изъ такихъ кафтановъ не сохранилось до нашего времени. Да и вообще, при утерѣ сѣчеваго архива, нужно дорожить даже и «хламомъ» запорожскимъ, если таковой гдѣ-бы то ни было могъ сыскаться, потому что всякій историческій документъ имѣетъ извѣстную цѣну и извѣстный интересъ. Я понимаю восторгъ генерала-лейтенанта В. П. Коховскаго, директора Соляного городка, открывшаго у себя названный документъ о козацкомъ кафтанѣ, упивавшагося имъ въ теченіи нѣсколькихъ дней и теперь совершенно довольнаго тѣмъ, что онъ нашелъ мѣсто въ печати.

Въ изложенныхъ пяти пунктахъ я считаю себя совершенно правымъ и потому принимаю замѣчанія г. Ястребова безъ существеннаго для меня значенія, за остальныя же его указанія выражаю ему искреннюю признательность, хотя не могу не замѣтить, что всѣ они большею частью касаются скорѣе частностей, нежели общей постановки дѣла.

Д. И. Эварницкій.

Отвѣтъ Д. И. Эварницкому.

На пять тезисовъ, выставленныхъ противъ меня г. Эварницкимъ, отвѣчу по порядку:

1) Г. Эварницкій съ большимъ успѣхомъ доказалъ, что онъ знаетъ столѣтіе царствованія Константина Багрянороднаго; да я и не сомнѣвался въ этомъ; въ доказательство неудовлетворительности метода его труда я сказалъ только: «такъ, при Константинѣ Багр. на

согласиться съ г. Эварницкимъ, что имѣемъ здѣсь дѣло съ рядомъ типографскихъ опечатокъ (покрытыхъ, *оттого*, размываемыхъ), а думаемъ, что это недосмотръ автора—Ред.

Днѣпрѣ *оказывается* крѣпость Александровская» (стр. 41); замѣтьте: вовсе не говорю, что г. Эварницкій ее *находитъ*, а говорю: *оказывается*, а почему?—очевидно,—по неудовлетворительности его метода. Напрасно г. Эварницкій настаиваетъ, будто ничего подобнаго у него нѣтъ и быть не можетъ. Развернувъ книгу на указанной мною страницѣ, онъ, вслѣдъ за цитатой изъ Константина Багр. (по Лербергу) о плаваніи руссовъ, прочтетъ свои собственныя слова: «...всѣ суда, шедшія по Днѣпру сверху внизъ въ лѣтнее время, всегда останавливались у пороговъ; тутъ съ нихъ снимали товары и везли 70 верстъ сухимъ путемъ *до крѣпости Александровской, стоявшей* у устья р. Сухой Московки» и пр. Значитъ, *нѣчто подобное* путаницѣ въ географической номенклатурѣ у г. Эварницкаго и есть, и быть можетъ.

2) Во второмъ пунктѣ г. Эварницкій всенародно объявляетъ, что ему извѣстно также существованіе настоящаго повѣствовательнаго въ русской грамматикѣ; охотно допускаю и это, но, признаюсь, не догадался, что всѣ тѣ мѣста, на которыя я указывалъ, представляютъ образчики примѣненія авторомъ этого самаго правила. Да полно и такъ ли? Раскрываемъ стр. 138—139 «Вольностей» и читаемъ: «Ингулъ ...начало беретъ въ степи изъ ручьевъ, близь лѣса Нерубая, выше м. Цыбулева, теперь д. Федоровки или Бровковой (sic) херсонск. губ., елисаветгр. у.; черезъ елисаветградскую провинцію течетъ самымъ малымъ потокомъ, у самой крѣпости св. Елисаветы въ лѣтнее время онъ почти не виденъ: здѣсь его всегда переѣзжаютъ въ бродъ и только для пѣшихъ кладутъ доску» и пр. Или еще лучше на стр. 250: «Черный лѣсъ и Чута состоятъ изъ дуба, клена, береста, осины, орѣшника и др.; въ немъ водятся волки, лисицы, зайцы, дикіе кабаны, дикія козы и множество разнаго рода птицъ». Неужели въ приведенныхъ мѣстахъ настоящее время способствуетъ оживленію рѣчи и не подаетъ повода къ недоразумѣніямъ? И неужели—добавимъ—такъ необходимы были г. Эварницкому для оживленія рѣчи крѣпость св. Елисаветы и елисаветградская провинція, отъ начала которыхъ до конца Запорожья не прошло и полныхъ 25 лѣтъ?

3) На благой совѣтъ мой не довѣряться безъ критики картѣ Риччи Заннони, совѣтъ, поводомъ для котораго послужилъ указанный мною промахъ г. Эварницкаго, сдѣланный именно изъ лишняго довѣрія къ названной картѣ, г. Эварницкій, молчаливо признавая свой промахъ, обидчиво замѣчаетъ, что цѣну этой картѣ знаетъ не хуже

меня. Отвѣчу на это кратко: тѣмъ хуже для него!... Просилъ бы его вообще замѣтить, что съ его познаніями, о которыхъ говоритъ онъ самъ излишне много, я имѣлъ дѣло постольку, поскольку они выразились въ его книгѣ, послужившей предметомъ для разбора.

4) Во первыхъ, что касается опечатокъ, то напрасно г. Эварницкій полагаетъ, будто онѣ совсѣмъ не лежатъ на отвѣтственности автора (который, къ тому же, въ данномъ случаѣ былъ также и издателемъ) и представляютъ нѣчто неприкосновенное; нельзя же отъ читателей требовать такой проницательности, чтобы вмѣсто *оттого* они читали *весною!*—Во вторыхъ, если г. Эварницкій говоритъ, будто ему «Мемуаровъ» бар. Тотта не удалось найти, то это произошло, безъ сомнѣнія, оттого, что онъ и не искалъ ихъ; въ продажѣ оба изданія этого труда, который почему то и г. Эварницкій находитъ интереснымъ, стоютъ всего 1 р. 50 к. (XXVI Каталогъ Киммеля, стр. 45) и потому авторъ нашъ, имѣющій счастливое преимущество работать въ Петербургѣ, свободно могъ пользоваться «Мемуарами» въ оригиналѣ, не прибѣгая къ сомнительному способу цитированія по выдержкамъ въ приложеніяхъ и примѣчаніяхъ къ труду Боплана, называя надерганные имъ клочки — «Мемуарами бар. де-Тотта о туркахъ и татарахъ, въ Описаніи Украйны Боплана». Стало быть, rira bien qui rira le dernier.

5) Я утверждалъ, что № 1 въ приложеніи къ «Вольностямъ» не имѣетъ никакого отношенія къ Запорожью; на это г. Эварницкій, возражаетъ, что документъ этотъ интересенъ описаніемъ козацкаго (?) платья. Но позвольте, г. Эварницкій! Кто же такой былъ этотъ панъ Кущинскій, заказавшій себѣ въ Полтавѣ платье въ 1732 г.: запорожецъ, украинецъ, литвинъ, полякъ или еврей? и подлинно ли запорожскій костюмъ сшилъ ему портной Булавка, или какой иной? что касается меня,—я не знаю, ибо въ документѣ указаній на то не нахожу; не знаете, вѣрно, тоже и вы.—Въ заключеніе, г. Эварницкій выступаетъ ратоборцемъ архивнаго хлама, предпочтительно—запорожскаго, въ подтвержденіе высказывая справедливую, хотя и не блещущую новизною мысль, что всякій историческій документъ имѣетъ извѣстную (вѣрно!) цѣну и извѣстный (вѣрно тоже!) интересъ. Добавимъ отъ себя опущенное нашимъ авторомъ, хотя, конечно, также не новое: но есть документы не историческіе, которые для печати интереса не представляютъ, они принадлежатъ къ категоріи бумажнаго хлама, имѣютъ опредѣленную цѣну съ пуда и успѣшно удовлетворя-

ютъ разнымъ, хозяйственнымъ большею частію, надобностямъ. Отлагая шутки въ сторону, замѣчу, что при печатаніи документовъ не мѣшало бы кратко опредѣлить ихъ значеніе и степень интереса.

В. Ястребовъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 3.—Русская Мысль № 3.—Сѣверный Вѣстникъ № 3.—Русскій Вѣстникъ № 3.—Наблюдатель № 3.—Русское Обозрѣніе № 3.

Вѣстникъ Европы. III. 1891 г. *А. Веселовскаго. «Мертвыя души».* Излагаются источники и планъ поэмы и тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось ея художественное и соціальное значеніе (стр. 61—102).

Въ отдѣлѣ литературное обозрѣніе одобрительный отзывъ А. П. о «Культурныхъ переживаніяхъ» Н. Сумцова, печатавшихся въ нашемъ журналѣ въ 1890 году (стр. 439—441).

Русская Мысль III. 1891 г. *Всев. Миллеръ. «Экскурсы въ область русскаго эпоса».* Разборъ эпоса о Добрынѣ-змѣеборцѣ (стр. 48—70)

Въ библіографическомъ отдѣлѣ: отзывы о «Сочиненіяхъ А. А. Котляревскаго», бывшаго професс. кіевскаго университета, съ указаніемъ на важное значеніе его извѣстной статьи: «Были ли малоруссы исконными обитателями полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в.?» (стр. 141—144).

Сѣверный Вѣстникъ III. 1891 г. *А. Кз.* Замѣтка по поводу III т. «Исторіи Россіи» Иловайскаго, въ которой не только отвергается всякое научное значеніе названной книги, какъ историческаго изслѣдованія, но и значеніе ея какъ серьезнаго и полезнаго компилятивнаго труда (96—100).

Въ отдѣлѣ критики сочувственный отзывъ о книгѣ Эварницкаго: «Вольности запорожскихъ козаковъ» (стр. 121).

Наблюдатель. III. 1891 г. Въ отдѣлѣ—«Наши внутреннія дѣла»: замѣтка по поводу примѣненія тѣлеснаго наказанія судомъ земскихъ начальниковъ въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губерніи (стр. 37—40).

Опечатка.

Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ текущаго года на стр. 353 строка 22 сверху вмѣсто слова *Великомъ* слѣдуетъ читать *Багрянородномъ*.

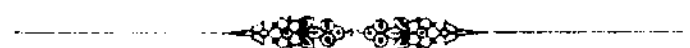

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ПОДСКАРБІЯ

ЯКОВА МАРКОВИЧА

(1717—1767 г.).

Предисловіе.

(первое).

Болѣе тридцати лѣтъ назадъ были изданы „Дневныя Записки“ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (М. 1859. 2 ч., въ 8 д. л.), который, будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссіянъ перв. полов. XVIII в. (р. 1696 † 1773), оставилъ намъ въ своемъ дневникѣ очень цѣнное пособіе для изученія внутренней жизни въ Малороссіи XVIII в. Дневникъ веденъ, безъ перерыва, въ теченіе того полувѣка (1717—1767), который былъ временемъ постепеннаго сокращенія автономной жизни старой Малороссіи и перехода ея къ общегражданскимъ формамъ государства. Начавъ свой дневникъ при Скоропадскомъ, Марковичъ пересталъ его писать только при Румянцевѣ... Издателемъ и редакторомъ „Дневныхъ Записокъ“ былъ родной внукъ ихъ автора, Ал. Мих. Марковичъ (р. 1790 † 1865), принадлежавшій также, въ свою очередь, къ образованнѣйшимъ малороссіянамъ первой половины настоящаго вѣка. Оцѣнивъ по достоинству значеніе дневника, какъ историческаго памятника, Ал. Мих—чъ издалъ его однако же такъ, какъ въ его время большею частью издавались подобные памятники,—вспомнимъ напр. ка̀къ первоначально были напечатаны записки Болотова,—редакторъ „Дневныхъ Записокъ“ нашелъ нужнымъ значительно ихъ сократить и подновить языкъ... Отсюда необходимость переизданія этого памятника.

Вновь издается дневникъ Марковича по подлиннику въ полномъ его видѣ, безъ сокращеній и, разумѣется, безъ какихъ

либо измѣненій текста[1]). Поясняя нѣкоторыя мѣста дневника въ примѣчаніяхъ, мы печатаемъ послѣднія, для удобства читателя, подъ строкою.

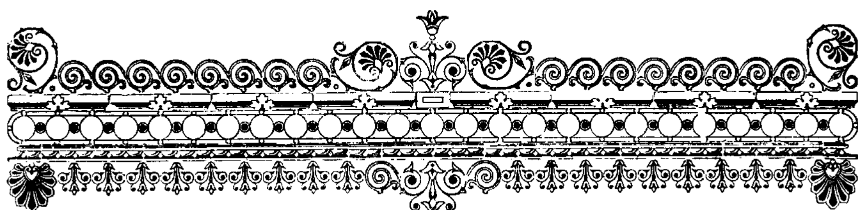
Болѣе подробныя свѣдѣнія объ авторѣ дневника и описаніе рукописи будутъ приведены дальше, во второмъ предисловіи. Здѣсь скажемъ лишь, что Марковичъ началъ писать свой дневникъ по слѣдуюшему случаю: встрѣтивъ въ одной тетради своего тестя, извѣстнаго черниговскаго полковника Павла Полуботка, написанную послѣднимъ коротенькую малороссійскую лѣтопись, Марковичъ эту „кроничку“ сначала дополнилъ нѣсколькими фактами, потомъ—продолжилъ нѣсколькими годами, а затѣмъ—войдя во вкусъ—сталъ изо дня въ день вести свой „домашній протоколъ“, какъ называетъ онъ этотъ дневникъ. Поэтому мы нашли не лишнимъ внести въ текстъ дневника и лѣтописанье Полуботка, напечатавъ послѣднее мелкимъ шрифтомъ, для отличія его отъ прибавокъ Марковича.

28 февраля 1891 г.

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Подлинникъ дневника принадлежитъ правнуку ихъ автора—Пармену Андреевичу Марковичу и сохраняется въ той же усадьбѣ глуховскаго села Сваркова, которую когда-то съ такою любовью устраивалъ Яковъ Марковичъ.

1452. Турки Константинополь взяли [1].

1497. Ляхи зъ волохами войну точили и волохи ляховъ были, и побравши многихъ въ неволю, въ плугъ запрагали, орали оними и жолуде сѣяли, що и до сего часу лядскою називается дубровою. За Котноромъ на горѣ, до Ясъ едучи.

1577. Земля трасласе.

1591. Быдло велми здихало и невидимо по окнахъ были слова написани.

1614. Царъ Феодоръ чернцемъ сталъ.

1617. Война Сагайдачного.

1622. Петръ Конашевичъ Сагайдачний умеръ.

1625. Комисѣя война.

1630. Іовъ Борецкий, митрополитъ кіевскій, умеръ въ 1630.

1633. Первая война Московская Шейнова на Смоленскъ, за цара Михаила Феодоровича.

1634. Тимошъ умеръ. Арендаренка гетманомъ учинено.

1635. Кумейская война.

1647. Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, умеръ.

1648. Хмелницкий у Бороша (sic) листи укравъ и войну первую началъ.

Того жъ року ляхи зъ Украини поутѣкали.

---

[1]) При началѣ лѣтописи въ рукописи рукою Ал. Мих. М—ча написано: „Писано рукою Полуботка. (Книга эта ему принадлежала, а послѣ перешла къ зятю его Якову Марковичу, который продолжалъ вписывать въ нее примѣчательные акты)".

1649. Обобранъ зосталъ на кролевство Жикгмунтъ Казимеръ третий.

1650. Берестецкая война; въ томъ року Хмелницкий зъ козаками ляховъ былъ, Калиновского, Маховского и иншихъ многихъ у неволю татаромъ отдано, а другихъ побыто.

1651. Хмелницкий цару Алексѣю Михайловичу зо всѣми козацкими войсками поклонился.

1654. Дрижиполская война.

1655. Царъ Алексѣй Михайловичъ Вилню и Брестя Литовское взялъ.

Того жъ року на козацкого гетмана Івана Золотаренка подъ Старимъ Быховомъ простий человѣкъ засѣвши, забылъ зъ мушкета и тѣло его проважено черезъ Нѣжинъ до Корсуна, где, подчасъ похорону его, церковъ святаго Николая зъ людми згорѣла.

1656. Селивестръ Косовъ, метрополитъ кіевский, умеръ.

1657. Хмелницкий померъ. Силвестръ Косовъ, митрополитъ киевский, умеръ.

1658. Іванъ Виговский зосталъ гетманомъ и цару Московскому присягу виконалъ. Пушкара убыто.

1659. Подъ Конотопомъ була бытва. Юрася Хмелницкого гетманомъ учинено по змѣнѣ Выговского.

1660. Хмелницкий змѣнилъ и Василя Шереметева въ неволю взято.

1661. Въ Кіеви, за воеводы Івана Ржевского, татаре много людей порубили и въ неволю побрали. Іорданский монастирь паненский спалили.

Того жъ року, Сомка гетманомъ учинено.

1662. Хмелницкий чернцемъ сталъ, а на его мѣсцу сталъ гетманомъ Павелъ Тетера.

1663. Подъ Нѣжиномъ була великая рада войска московского и козацкого, и тамъ учинено гетманомъ Бруховецкого. Сомка и Васюту страчено въ Борзнѣ.

1664. Була на небѣ метла зъ звѣздъ, и една зходила зъ полночи на заходъ солнца, другая зъ вечера на заходъ солнца, якая комета тривала недель двѣ.

1665. Гетманъ Бруховецкый на Москву ездилъ и, оженившися тамъ, зъ великымъ жалованемъ повернулся.

Того жъ року, монастиръ Межигорскый вигорѣлъ.

1666. Воеводи стали по украинскыхъ городахъ.

1667. На заднѣпру учинено гетманомъ Петра Дорошенка.

Тогда жъ подъ Чигиринъ турки приходили у превеликой силѣ.

1668. Бруховецкого убыто на Говтвахъ, за Зѣнковомъ.

1669. Учинено гетманомъ Демяна Многогрѣшного.

1671. Королемъ обобрано въ Полщѣ Михаила Вишневецкого Коробута.

1672. Многогрѣшного на Москву взято.

Того жъ року, царъ турецкый зъ ханомъ кримскымъ и Дорошенкомъ, Каменецъ Подольскый взялъ, и того жъ року сталъ гетманомъ Іванъ Самойловичъ.

1674. Григорій Ромодановскій зъ гетманомъ Самойловичемъ Дорошенка въ Чигиринѣ взяли. Мурашка Волоскую землю воевалъ, залогу турецкую у волохахъ взялъ.

Того жъ року, Ладижинъ взятъ, Умань; уманцемъ голови луплено, дѣтей забирано и, вибравши дванадцять тисячъ, въ неволю запроважено.

1675. Померъ въ Чигиринѣ метрополитъ Токалскый.

Того жъ року, турки виходили подъ Чигиринъ, и вбачивши войска великіе московскые, поутѣкали.

Того жъ року, царъ Алексѣй Михайловичъ померъ.

1676. Помазанъ на царство царъ Феодоръ Алексѣевичъ.

1678. Чигиринъ взято.

1679. Войска великіе стояли подъ Кіевомъ, ожидаючи бѣсурманского приходу.

1680. Зима була барзо легкая, да суша была великая.

1681. Царъ Феодоръ Алексѣевичъ померъ и, збунтовавшися, стрѣлцѣ многихъ бояръ побыли.

1683. Помазано на царство царя Іоанна и Петра Алексѣевичовъ.

1686. Первый походъ подъ Перекопъ, въ якомъ походѣ гетмана Самойловича взято, вмѣсто его Мазепу гетманомъ учинено.

1689. Саранча була. Того жъ року, другій былъ походъ подъ Перекопъ.

1695. Казикерменъ взято.

Того жъ року, царь Іоаннъ Алексѣевичъ померъ.

1696. Озовъ взято. Тогда Яковъ Марковичъ родился.

1697. Царь Петръ Алексѣевичъ ходилъ въ иноземскіе краи.

1699. Голодный рокъ былъ. Леонтій Свѣчка, полк. луб., умеръ

1700. Святѣйшій патріархъ Андріанъ померъ.

1701. Подъ Ругодевъ ходили.

1702. Зими не было, тилко тиждень снѣгъ лежалъ. Гамаль Гришко умеръ [1]).

1703. Івана Івановича, полковника ахтирского, взято.

1704. Іустинъ Базилевичъ митрополитою сталъ бѣлогородскимъ и Ругодевъ взятъ того жъ року. Яковъ Лизогубъ, полк. чер., умеръ [2]).

1706. Царь Петръ Алексѣевичъ зо всею арміею былъ въ Чернѣговѣ и, когда чинено смотръ въ полкахъ драгунскихъ и пѣхотныхъ, свѣтлого дня перунъ на церковъ Тройцѣ святой ударилъ. Михаилъ Миклашевскій, полк. стар., убитъ отъ шведовъ. Иванъ Мировичъ, полк. переясл., взятъ.

1707. Кіево Печерская фортеца строилася козацкими войсками. Варлаамъ Ясѣнскій умеръ.

1708. Булавинъ былъ появился на Дону, якого розбито. Тогда митрополитою сталъ Іоасафъ Кроковскій.

Того жъ року Кочубеевѣ и Іскрѣ шіи втято, и того жъ року Мазепа змѣнилъ, а гетманомъ сталъ Іванъ Скоропадскій.

1709. Подъ Полтавою була енералная баталія зъ шведомъ, гдѣ шведскіе войска розбити зостали, а король шведскый зъ Мазепою въ малолюдствіи утѣкъ до Бендеру.

1710. Въ Кіевѣ було моровое повѣтре, и того жъ року въ Чернѣговѣ, на подолѣ, отчасти було, толко ускромилося.

1711. Въ Чернѣговѣ, Седневѣ и Сосницѣ було моровее повѣтре и по многихъ селахъ.

Того жъ року, за Прутомъ царъ Петръ Алексѣевичъ боталію зъ турками чинилъ. По сконченю тоей боталіи послани до Порти Отоманской, ири великомъ вейзировѣ, посли царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ (для укончения примиря) зъ Михаиломъ Борисовымъ Шереметовомъ.

Того жъ року войска були подъ Каменымъ Затономъ и вивозивши оттоль борошенные запаси до Орла [3]) и до иншихъ мѣстечокъ полтавского полку, Каменный Затонъ, Самаръ и Кодакъ роскидали. Въ томъ походѣ панъ Михайло Максимовичъ, панъ Тризничъ, судія

[1]) Григорій Гамалѣя, бывшій лубенскій полковникъ.

[2]) Должно быть Ефимъ Лизогубъ—сынъ Якова, умершаго въ 1698 г.

[3]) Мѣстечко кобелякцкаго уѣзда.

полку чернѣговского, и панъ Стефанъ Войцеховичъ, реентъ канцеляріи войсковой, померли. Тогди жъ и саранча була.

Того жъ року преосвященного Іоанна Максимовича на Сибѣрскую взято митрополію.

1712. Стояли войска московскіе по надъ берегомъ днѣпровымъ, почавши отъ Лоева ажъ до Навозу[1]), для которихъ мости козаки поробыли були черезъ Днѣпръ, толко жъ не переходили на той бокъ, але пошли ку Смоленску.

1713. Войска козацкіе стояли подъ Кіевомъ и робыли валъ, почавши отъ московского города, поузъ Лыбедь, до Подолу.

Того жъ року обобранъ зосталъ на архиепископію чернѣговскую архимандритъ новгородскый на Стритеніе Господне Антоній Стаховскый, а посвятившися пріехалъ на престолъ въ катедру мало не въ рукъ (рокъ?) передъ Рождествомъ Христовымъ.

1714. Послы царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ, Толстой, Безстужій и Михайло Борисовичъ Шереметевъ, отпущены отъ Порти Отоманской, по учиненю мирнихъ договоровъ, одколь поворочаючи, Михайло Борисовичъ Шереметевъ въ дорозѣ померъ, и тѣло его припроважено до Кіева, и поховано въ манастиру Печерскомъ. Король шведскый зъ Орликомъ пошолъ въ свою землю, а Горленко, полковникъ бывшій прилуцкий, зъ товарищи пришолъ на Украину и удержанъ въ Глуховѣ, а потомъ взятъ на Москву, где подъ Дѣвичимъ жилъ, зъ Максимовичомъ Антоновичомъ и Ломиковскимъ.

Василий Савичъ, полк.(овникъ) луб., умеръ.

1715. Отпущены зъ Москви панъ Михайло Гамалѣя, Кандиба и прочіи, на Украину, а въ Новгородку сталъ сталъ сотникомъ бувшій протопопа гадяцкій Федоръ Лисовскый.

Въ томъ же року мѣсяця іюня 10 дня преставился въ Тоболску преосвященный митрополитъ сибѣрскый его милость отецъ Іоаннъ Максимовичъ.

Въ Глуховѣ въ мѣсяцю марту 13 числѣ, упалъ верхъ церкви святой Тройци мурованой, въ день по полудню.

Того жъ року, декабрь. Енералъ Ренъ въ Полщи умеръ.

Того жъ року, уже на зиму, гетманъ Іоаннъ Скоропадскій въ войско вийшолъ и стоялъ у Гадячомъ самъ, а около него полки всѣ.

Сего року, въ лѣтѣ, генералъ маіоръ Бауръ померъ.

[1]) Село черниговскаго уѣзда.

1717 годъ.

Януар. 13, въ недѣлю, Стефанъ Бутовичъ, асаулъ енералный, преставился.

Того жъ року, февр. 8, въ пятокъ, на Феодора Стратилата, Евфимія Полуботкова [1]) преставилась.

Того жъ року, государь царь Петръ Алексѣевичъ зъ Парижа и Амстердаму, куда перегринуючи два года замедлѣлъ, въ осени, къ С.-Питербурху возвратилъся.

1718 годъ.

Януаръ. Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій въ Москву ездилъ, а при немъ полковниковъ было 4: чернѣговскій Павелъ Полуботокъ, лубенскій Андрей Марковичъ, гадяцкій Михайло Милорадовичъ, полтавскій Іванъ Чернякъ, писарь енералный Семенъ Савичъ, бунчучный Яковъ Лизогубъ и прочіи бунчуковіи, бо и самъ государь царь Петръ Алексѣевичъ зъ Санктпитербурху тогда жъ приехалъ зъ царицею Екатериною Алексѣевною.

Того жъ року, и мѣсяця, повернулъся царевичъ Алексѣй Петровичъ зъ Германѣи отъ цесара, куда былъ ушолъ, а приехалъ къ государю въ Москву, где его отъ наслѣдія царства отдалено, а на томъ же юнѣйшого сина царевича Петра Петровича уставлено, на що першее царевичъ Алексѣй присягу виконалъ, а потомъ и всѣ, тогда жъ и гетманъ въ недѣлю, въ церквѣ соборной, на тое жъ присягалъ. А зъ Москви гетманъ Скоропадскій, по желанію царского величества, о серединѣ поста великого, въ Санктпитербурхъ поехалъ, где при великой милости государевой найдовалъся и по отездѣ на море государевомъ (которій юля 16 имѣлъ) виѣхалъ въ Украину оттуда, того жъ року 1718 іюля 23, а приѣхалъ въ Глуховъ августа 22, въ пятокъ, передъ заходомъ слонца.

Того жъ року, подъ часъ бытности гетманской въ Санктпитербурхе, царевичъ Алексѣй Петровичъ, оддаленій одъ наслѣдія, мѣсяця юня 28 преставился.

---

[1]) Первая жена Павла Полуботка.

Того жъ року, на Москвѣ, въ вел. постъ, за волею и сватанемъ самаго царя и царици, дочерь гетманскую за сина Петра Андреевича Толстого засватано.

Того жъ року, преосвященній митрополитъ кіевскій Іоасафъ Кроковскій въ Санктпитербурхъ по указу государевомъ черезъ умисл-ного посланця, капитана преображенского полку Писарева, за нѣякуюсь вину, взятъ зъ Кіева о праздницѣ сошествія Святаго Духа, а зъ нимъ купно и архимандритъ печерскій Іоаникій Сенютовичъ; але митрополитъ за слабостю и немощію своею до самого С.-Питербурху не допроваженъ и за Москвою, въ Тверѣ, померъ, где архиерей тверскій его погреблъ.

Того жъ року, по Воскресеніи Христовомъ, мая—Печерскій монастиръ, кромѣ печеръ, весь згорѣлъ зо всѣми скарбамы и церковнимы украшеніямы. Потомъ, на третій день, Подолъ—Кіевъ мало не въвесь, кромѣ коллеgіума да побережныхъ дворовъ, тако жъ погорѣлъ.

Того жъ року по томъ кіевскомъ пожару, Чернѣговъ, старое мѣсто, все вигорѣло, тилко въ мѣстѣ заледво осталася катедра архиепископа чернѣговского, якую уже й занявшуюся заледво угасили.

Той же рокъ на овощи всякіе такъ оскудній былъ, же барзо рѣдко где можно было знайти овощи якойнибудь.

Того жъ року, авгус. 9, зъ субботи на неделю, противъ 10 числа, на святаго апостола Матфія, родился Петръ синъ у пол. луб. [1]).

Того жъ року, септеврія.—Петръ Івановичъ генералъ маіоръ Яковлевъ, стоявшіи въ Лубняхъ, отъ горячки захоровавши, своей хороби 11 дня преставилъся.

Того жъ року, отъ весни козацкіе войска мѣли походъ ажъ до Царичина, къ Волзѣ рѣцѣ, надъ которими былъ гетманомъ наказнымъ Іванъ Сулима, хоружій енералній, а бавилися тамъ долго и повернулись около початку зимы.

Того жъ року, Лукянъ Жораковскій, полковникъ нѣжинскій, передъ Вознесеніемъ, мая мѣсяця преставился.

---

[1]) Т. е у Андрея Марковича, отца автора дневника.

Того жъ року, мѣсяця октоврія 12, въ недѣлю, въ Глуховѣ веселіе було: гетманъ Скоропадскій дочерь свою Уліяну отдалъ за сина Петра Андреевича Толстого, тайного совѣтника, Петра Петровича, зъ которимъ приехали браття его въ сватахъ: братъ родній старшій Іванъ Петровичъ, а другій въ первихъ Борисъ Івановичъ, и нѣсколько при нихъ особъ великороссійскихъ.

Тогда жъ, въ купѣ зъ сими, приехалъ секретарь зъ Москви Михайло Павловичъ Шафѣровъ до гетмана зъ грамотою, обявляющою рожденіе дочери царскому величеству Наталіи Петровни, якая сего жъ году, авгус. 21, родилася.

Того жъ року, еще въ февр., Александеръ Васильевичъ Кикинъ, ближайшій двору царевому, за тое что подмовилъ царевича Алексѣя Петровича уйти зъ С.-Питербурха до цесара, казненъ былъ на Москвѣ: руки и ноги ему ламано и голову оттявши, на паль зложено.

Такъ же и Досифея, епископа ростовского, ростригши, казнено, а тѣло его спалено. Тогди жъ Степана Глѣбова живого на желѣзний колъ зъсажено. А тое чинилося при гетману, въ Москвѣ.

Король шведскій Кароль убытъ въ Норвекгіи, подъ городомъ названнимъ Фридерштатъ, отъ дацкого войска, картечою зъ города вистреленною, октовр.

1719 годъ.

Марта 3. Царское величество царь Петръ ездилъ зъ царицею Екатериною въ Аленецъ, где новіе лѣчителніе води винайшолъ, а повернулъся оттуду въ С.-Питербурхъ.

На королевство шведское избрана сестра убытого короля шведского, а жена князя Гессенъ Кассель и коронована февр. 6.

Баталѣя въ Мекленбургіи була, гановерци зъ рускимы имѣли войну; гановерцовъ було въ Мекленбургіи—8000 нарознь, а руских войскъ 2000, пре то збыти зостали гановерци.

Борисъ Петровичъ Шереметевъ, фелтмаршалъ, въ вовторникъ, въ неделѣ вел. поста, февр., умеръ въ Москвѣ, а для погребенія попроваженъ въ С.-Питербурхъ, въ остатнѣхъ дняхъ того жъ поста.

Князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, кгубернаторъ сѣбирскій, отъ кгубернѣи отставленъ, за караулъ посаженъ, и всѣ животи его на государя взяти апр., за нѣкоторіе его до кгубернѣи належніе преступленія.

Сего жъ году, проявился въ С.-Питербурсѣ присланній отъ короля прусского къ государу силній человѣкъ, которій пушку у 250 фунтовъ или у 50 каменей, едною рукою поднимаетъ; тако жъ ослонъ у 12 фунтовъ зубамы подиймаетъ, за еденъ конецъ взявши; канатъ, якого три лошади не могутъ разорвать, перериваетъ; лошадей двое его не могутъ зъ мѣста двигнути, когда обопрется; желѣзній гвоздь, у палецъ товстій и довгій у пять, въ сукъ вмѣсто свердла рукамы скрутитъ; ногамы да головою ляжетъ на стулахъ, а все тѣло виситъ, да на томъ тѣлѣ камене, у двохъ человѣка заледво зтащивши, положатъ и розбываютъ etc.

Сего жъ году, въ постъ вел., синъ Петра Андреевича Толстаго, а зять гетманскій, Петръ Петровичъ, отъ самого государя пожалованъ въ полковники нѣжинскіе, у графа Гаврила Івановича Головкина.

Королева шведская королевскую свою власть отдала мужу своему князю Гессенъ Кассель, которій потомъ отъ всѣхъ за цѣлого принятъ зосталъ короля и коронованъ.

Того жъ року, мѣсяца априля, царевичъ Петръ Петровичъ наслѣдственній въ С.-Питербурсѣ преставился.

1720 годъ.

Генв. 7. Вийшолъ новий монарший указъ, повелѣваючій всѣмъ въ поготовости бути противъ шведовъ и ихъ союзниковъ.

Синъ полковника лубенского Андрея Марковича, Андрей, поялъ себѣ въ жену дочерь полковника сумского Івана Кондратіева.

Марта — числа. Свѣтлѣйшій князь Александеръ Даниловичъ Меншиковъ, фелтмаршалъ и губернаторъ с.-питербурскій, пріехалъ въ Украину зъ Ст.-Питербурха, которого ясневелм. гетманъ Іоаннъ Скоропадскій поткалъ въ Шептакахъ и принималъ, а сталъ онъ квартерою въ Нѣжинѣ.

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, мая въ первихъ числехъ, въ Гадячое зъ своей квартерѣ, отъ Нѣжина, ездилъ, куда и его велможность панъ гетманъ Іванъ Скоропадскій зъ Глухова пріехалъ былъ и вся енералная старшина, такожъ и полковники. Ясневелможній самъ, якъ туда въ Гадячъ виехалъ немощнимъ отъ болѣзни подаgричной, такъ и оттуду повернуяъся весма ослабѣлимъ, и заледво у Глуховѣ по волѣ до первобитного здоровя прійшолъ. Тамъ, въ Гадячомъ, якіе трактата чинилися нижей изображено есть [1]).

Зъ Украини, по указу царского величества Петра Первого, вистатчено муки житной четвертей московскихъ 30,000 и спроважено въ Смоленскъ подрядами; таковій указъ въ листѣ присланъ былъ; ради исполненія указу сего, паны полковники всѣ пріѣздили въ Глуховъ, декабря 8 числ. [2]).

Свѣтлѣйшій князь Менщиковъ выѣхалъ зъ Украины въ лѣтѣ, мѣсяця июля въ первыхъ числехъ.

Панъ асаулъ генералный Василій Жураховскій, обозный прилуцкій Огроновичъ и судя гадяцкій Грабянка, мѣсяця декавр. первыхъ числъ, посланы отъ цѣлой Украины въ Санктъ-Питербургъ зъ прошеніемъ о милость въ нуждахъ малороссійскихъ, куда потомъ въ своемъ дѣлѣ и полковникъ нѣжинскій Петръ Петровичъ Толстой, сего жъ мѣсяця числа 18-го, въ недѣлю, зъ Глухова выехалъ.

Въ семъ году великороссійская армия новымъ образцемъ на зимовой квартери стала въ Украинѣ, такъ же по городкамъ и значнѣйшимъ селамъ, цѣлыми поставлялися ротами, при которыхъ и стайнѣ такъ великіе подѣлано, жебы конѣ цѣлой роти могли въ едной змѣститися.

Панъ писарь енералній Семенъ Савичъ другую себѣ получилъ жену, бувшую сотникову ічанскую Стороженкову, въ октовр. мѣсяцѣ.

---

[1]) Вписанные здѣсь въ дневникѣ — „пункты, князеви свѣтлѣйшему отъ цѣлой Украины поданные" и отвѣты кн. Меньшикова, напечатаны въ приложеніяхъ къ изданію 1859 г., т. I, стр. 462—492.

[2]) Вписанный при этомъ указъ слѣдующаго содержанія: „Господинъ гетманъ. Увѣдомились мы, что на Украине въ малороссійскихъ городѣхъ, за помощію божіею, хлѣбъ уродился и въ покупке гораздо дешевъ. Того ради прикажѣте купить до 30000 четвертей муки, расположа на всѣ полки по ровному числу, и перевезть въ

1721 годъ.

Въ януар. первыхъ числехъ, принесенъ указъ зъ С.-Питербурху, чрезъ собственоручній весь листъ царскимъ величествомъ писанний, до ясневельможного, жебы 10 тисячей козаковъ до Ладоги ишло на робленне каналу, окроме кашеваровъ и тѣхъ, которіе при обозу будутъ, по якому и февр. 1-хъ числъ вийшло помянутое указное число, где главнѣйшихъ комендѣровъ было 3: полковникъ чернѣговскій Павелъ Полуботокъ, лубенскій Андрей Марковичъ, хоружій енер. въ мѣсто цѣлого полковника переясловского Іванъ Сулима, а зъ инших полковъ наказніе.

Въ февр. мѣс., на всеидной, захоровалемъ на болѣзнь мою скорбутико мелянхолію. По отходѣ родителя моего, полковника лубенского Андрея Марковича, зъ волѣ рейментарской, содержалемъ правленіе полку лубенского до повороту его зъ канала.

1722 годъ.

Гетманъ Скоропадскій ездилъ въ Москву, и съ нимъ писарь генералный Савичъ, бунчучній генер. Яковъ Лизогубъ, полковникъ нѣжинскій Петръ Толстой и сама гетманова Скоропадская. Повернувся въ юнѣ, въ Глуховъ, боленъ и преставился.

Колегія малороссійская устроена, въ которой члени были: 6 штапъ офицеровъ, а президентъ оной брегадиръ Степанъ Веляминовъ.

Архиепископъ, а не митрополитъ, въ Кіевѣ устроенъ Варлаамъ Ванатовичъ, прежде бывшій архимандритъ Печерского монастира.

1723 годъ.

Въ януар., присиланъ былъ зъ Москви отъ самого імператорскаго величества капитанъ лейбъ кгвардіи Александеръ Лукинъ въ Глуховъ и взялъ за караулъ коменданта глуховскаго Писарева и повезлъ въ Москву.

Смоленскъ, по первому зимному пути сего 1720 году, и въ тимъ приложите свой трудъ, чтобъ оное исполнить, а денги за оной хлѣбъ указали мы послать въ вамъ зъ камеръ колегіи господину президенту князю Голицыну. Зъ С.-Питербурха, ноевр. 4 1720 рок. Петръ“.

Правителѣ малороссійскіе, Павелъ Полуботокъ, полковникъ чернѣговскій и наказній гетманъ, зъ старшиною енер., послали къ государю, въ Москву, прошеніе свое о избраніи нового гетмана на мѣсто покойного Скоропадского, черезъ нарочнихъ посланниковъ Грабянку, судю гадяцкого, Войцеховича, седневского, Холодовича, воронѣжского, и Добронѣзкого, переяславского, сотниковъ, и Гамалѣю Стефана, бунчукового товариша.

Въ февр., присланъ зъ Москви въ Глуховъ, отъ тайной канцеляріи, оберъ лейтнантъ князь Волконской отъ лейбъ кгвардіи, и указъ привезлъ, даби асаулъ енер. Жураковскій и протчіе бывшіе на межѣ почеповской [1]), ехали въ Москву для отвѣтствія взглядомъ межованния того.

Сего жъ февр. 20, въ среду сирную, полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ, по именному указу імператорского величества, главнимъ опредѣленій комендѣромъ надъ десятотисячнимъ числомъ войска запор., маршъ свой восприннялъ зъ Ромна къ крѣпости Святого Креста, близъ Дербенѣ, у Каспѣйского мора, обрѣтаючойся.

(Здѣсь въ рукописи, кажется, недостаетъ листа).

Отвѣтніе писма отъ п. Петра Апостола и Луки француза, же онъ по воскресеніи будетъ тутъ. Нѣкоторіе справи въ жалобахъ на п. Данила Савуского занесенныхъ, окончили, обвинивши его. Жиди привезли позовъ на Чернѣцкого и перехриста Алексѣя, за арестъ онихъ въ Ромнѣ учиненній.

Перемѣна воздуха стала, ибо у вечору виянснилось небо и морозъ хорошъ былъ черезъ ночь.

Писали глинчане, что принуждаетъ ихъ коммиссаръ ингермоланского полку, по указу самого полковника, до репараціи города и ордеръ полковничій сюда прислали.

У вечеру, поздно, пріехалъ отпущенний зъ обозу слуга род (ителскій) Ігнатъ въ домъ зъ листамы о заводѣ хоролцовъ зъ лукомцами знаймур (?)

---

[1]) См. Опис. Стар. Малор., I, 278 и 285.

8 (марта). Отправленъ листъ и унѣверсалъ до Леонтія, вручаючій ему економство, а листъ, жебы осторожность въ хуторѣ Криворудномъ имѣли.

Отписали до Глинска и до Чернухъ, же оправлять теперъ города нелзя, але передомъ виганять въ походъ до Ладокги, о чомъ и до полковника, господина Шереметева, писалемъ.

Отправилемъ въ Глуховъ, до правителей, листъ, питаючись ихъ, що далѣй зъ вязнямы великороссійскимы, тутъ въ Ромнѣ пойманнимы, чинить.

9. Принесенъ листъ отъ сотника сенецкого, что онъ любо и не радъ, однакъ муситъ до канала ити, а требуетъ до себе сотника цѣлого, асаулу полкового наказного и капеляна, тако жъ и объ указѣ господина полковника Шереметева, чтобъ городъ оправлять, ознаймуетъ, о чомъ и городискій сотникъ пишетъ. Тако жъ и тое ознаймуетъ, что гайворонскіе козаки, висланніе въ низовій походъ, знову повернулися до домовъ своихъ.

Зъ Глухова писма принесенны отъ правителей о перестереженню воровскихъ донегъ, указъ сенатскій и ихъ унѣверсалъ, и денги прислани отъ его мил. панъ тестя зъ наставленіемъ, якъ на урадѣ наказництва полкового мнѣ поступать, а цедулою обявляетъ, что въ Москвѣ п. Борзаковскій Андрей 3 февр. померъ[1]) и тамъ погребенъ; а потомъ тамъ же и панъ Войцеховичъ, сотникъ седневскій, хоровавши черезъ 9 день на горячку, преставился, февр. 20-го год. 9 зъ полдня[2]). Тогда жъ и отъ Орановского о домовихъ поведеніяхъ зъ Глухова писано сюда.

10. Неделя. Отправили писма до Глухова черезъ Іваницю, слугу ясневел., до ясневелм., до наказного гетмана и до другихъ; до чернѣговского (полковника) зъ отвѣтствіемъ о преставленіи п. Войцеховича сожалытелнимъ. Тамъ же и тое писалемъ, что коммендѣри русскіе Інгермоландского полку, получивши указъ отъ полковника, остановку чинятъ въ виправѣ на каналъ.

---

¹) См. Русск. Арх. 1880 г., I, 172.

²) См. Сулимовск. Арх., XV.

Виправили въ Кіевъ братьевъ Марка, Луку и Івана, при отцу Василію Савѣцкомъ, где вина купити и зѣлля достати розного полѣцили, которихъ випроважалисмо зъ родителкою за городъ и тамъ до пизна простояли. Архимандритъ обѣдалъ у насъ зъ Афонской гори монастира Ксенохъ (?) прозиваемого св. Георгія.

11. Тотъ же архимандритъ воду святивъ и мощи показовалъ святихъ и о себѣ свѣдителство князя кгубернатора кіевского Івана Юровича Трубецкого презентовалъ. П. писаръ Савѣцкій приѣхалъ зъ обозу, отпущенъ зоставши. и привезлъ писма родителскіе. Писали до п.п. сотниковъ чорнусского и лохвицкого, тако жъ и до Петровского, жебы до Ладоги ишли. До атамана пѣратинского писалемъ, ганячи ему за тое, что виганялъ людей безъ указу на оправку города.

Приехалъ вчорайшого дня зъ Смѣлого атаманъ зъ жалобою, же поручикъ виганяетъ всѣхъ до роботи города. Приехали коммиссаре полковіе въ Роменъ, для ревизіи полку гадяцкого. Емщикъ чили почтарь роменскій, возившій Казѣмира, посиланного за покупкою лѣкарствъ въ Москву, поворнулся самъ зъ Руд. (?), а оттоль Казѣмиръ за родителемъ въ низовій поехалъ походъ. Писали до лубенского сотника, чтобъ зъ сотнѣ своей 200 человѣка до канала выготовалъ.

12. Шлафрокъ покроялъ кравецъ. День барзо хорошій бувъ. Отправили атамана смѣловского зъ указомъ откритимъ, жебы поручика не слухать, а передомъ виправлять до Ладоги. Принесенни зь Глухова 3 листи; 1, о видачѣ по зол. 1 компанѣйцямъ за овесъ, другій, о видачѣ онимъ же возовъ, зъ другимы рѣчами, 3, о присилцѣ грошей на Печерскій монастиръ [1]). Виданъ указъ откритій атаманови смѣловскому, жебы не до города, але до канала козаковъ виганялъ. Принесенъ отвѣтъ отъ п. сотника лубенского о прошлорочной роботѣ у канала.—Охоту излишнюю показали на Монастырищи [2]), где и важились; я зъ одежою легкою, юпкою, кафтаномъ и кунтушемъ легкимъ, суконнимъ, важилемъ 6 каменей [3]) ровно.

[1]) См. „Кіевск. Старина" 1884 г., январь, стр. 77.

[2]) Урочище около г. Ромна, на берегу Сулы; здѣсь. по преданію, существовалъ когда то монастырь.

[3]) Камень=50 фунтовъ.

13. Отправили въ Глуховъ до правителей листи, зъ обявленіемъ о виправѣ до канала другимъ вигономъ до роботи городовой оффѣцерами затѣваемимъ, перешкодоючойся; о компанѣйцяхъ, жебы на 10 человѣка возъ дать для провіянта. Отправили асаулу компанѣйского зъ указамы, жебы по два зол. на два мѣсяця видано зъ сотень. До полковника Шереметева писалемъ, протестуючись, что за трудностями въ вигонѣ людей до городовой роботы, чинячойся одъ офѣцеровъ, остановка въ виправѣ до каналовъ учинится. Послали указъ о перестерѣганню воровскихъ денегъ въ Лохвицю до Юзка, жебы по всѣхъ сотняхъ розвезлъ и денги обявилъ, и отъ нихъ отвѣти получилъ. Повернулся зъ табору, отъ Красной Яруги, отпущеній п. Василь, сотниченко глинскій [1]), а зъ нимъ и Казѣмиръ, слуга, и листи нѣкоторіе попривозили, особливе родителскіе. Зъ Рѣчицѣ отъ Якова прійшло писмо, же не випускаютъ и треба туда Чернѣцкому и Алексѣю ѣхать. П. Лисенко, асаулъ полк. чернѣговскій, випровадивши полкъ чернѣговскій въ низовій походъ, самъ поворочаючись въ Роменъ, заехалъ и былъ у мене. Была жалоба на Борсукову сотню, полку нѣжинского, отъ атамана бубновского, же, стоявши въ полѣ край скирты и не загасивши огня, отехали, которій вѣтромъ роздутій, покотивши до цѣлой пріишолъ скирти и всю спалилъ, для чего сотнянъ тихъ у Ромнѣ грабежемъ принудили до нагороди шкодуючому. П. сотникъ сенчанскій пріехалъ. До Глухова, къ Орановскому писалемъ о винѣ венкгерскомъ, а до смѣловского атамана о возахъ, зъ Глухова випроваженнихъ, а на дорозѣ за распутіемъ остоявшихся, жебы, извѣстившись, где они, и мене увѣдомилъ.

14. Петру Калениченку до ярмарку борзенского далемъ на на покупки грошей зол. 40. Тузлукъ дарованъ. Отъ п. Петровского листъ принесенъ, въ якимъ виражаетъ, же за слабостю своею въ походъ до Ладоги ити не можетъ; тако жъ и отъ п. сотника чорнуского писано, же атаманъ тамошній въ арештѣ у капитана Караблина за не вигонъ людей до роботи валовой, а самъ пойдетъ до канала, тилко зъ тиждень въ дому позабавитъ. До полковника Ше-

---

[1]) Жуковскій.

реметева писалемъ листъ зъ жалобою за вигонъ людей всѣхъ токаревскихъ и лучанскихъ и за побой, учиненній въ Луцѣ[1]) отъ наехавшаго въ дворъ дракгуна.

15. Виправилемъ Алексѣя Перехриста въ Глуховъ, зъ листами до правителей, прося о писма до трибуналу литовского о заарештованю въ Рѣчицѣ возовъ родителскихъ. Тамъ же и о насиліи отъ оффѣцеровъ, вигономъ людей всѣхъ на валовую роботу чинячомся, писалемъ. Атаманомъ роменскимъ Василя Гиню Савуска устроили. Отправилемъ листъ до Петровского, Максимовича и лохвицкого сотника о виходѣ ихъ до Ладокги непремѣнномъ. Панъ Яснополскій приехалъ зъ обозу, отпущенъ въ Роменъ для болѣзнуючей жени своей, и листъ привезлъ отъ родителя, о скоромъ его знову въ походъ виезду писанній. Получилъ листъ отъ еи милости паней Павловой[2]) о учинившомся оной въ грошахъ крадѣжствѣ, зъ прошеніемъ на розискъ кого о прислане. Поданъ листъ отъ п. сотника чернусского о томъ, что капитанъ Караблинъ за тое, же не вистачилъ до города для роботи 1500 человѣка, прислалъ въ его сотничій домъ для екзекуціи 25 человѣка дракгунъ. Родителка послала въ Андрѣевку. Братъ, панъ Андрѣй, зъ Сумъ приехалъ въ Роменъ. Купилемъ меду вѣдерокъ 7, по 8 зол. и 3 шага; купилемъ мѣди камень за 49 зол. Врзи зъ Глухова, для забрання отсюду жита и въ Глуховъ перевезення, прибули сего вечора.

16. Виправили п. Данила Савущенка зъ указами, во всѣ сотнѣ, чтобъ виходили козаки въ ладожскую дорогу зъ поспѣшеніемъ. Отъ полковника Шереметева получилемъ отвѣтъ, что онъ посилалъ по селахъ драгунъ для вигону людей до роботи городовой по требованію старшини, и что онъ виходячимъ козакамъ до Ладокги такого въ вигонѣ насилія не чинилъ и не писалъ до ротнихъ комендѣровъ о томъ. Пана Василя Дяченка послалемъ на розискъ въ Лохвицю о украденнихъ грошахъ п. Павловой. Попъ Симеонъ, бывшій капелянъ вятского полку, привезлъ за собою зъ Харкова листъ, отъ его милости господина енер барона Аларта до родителя писа-

[1]) Се[illegible]ри и Лука—лохвицкаго уѣзда.

[2]) Вдова Павла [illegible], родная сестра гетманши Скоропадской.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го апрѣля 1891 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.